ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ КФАН СССР

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

КАЗАНЬ 1960

СССР ФӘННӘР АКАДЕМИЯСЕ ТЕЛ БЕЛЕМЕ ИНСТИТУТЫ
СССР ФӘННӘР АКАДЕМИЯСЕ КАЗАН ФИЛИАЛЫНЫҢ
ТЕЛ, ӘДӘБИЯТ ҺӘМ ТАРИХ ИНСТИТУТЫ

ТӨРКИ ТЕЛЛӘР ДИАЛЕКТОЛОГИЯСЕ МӘСЬӘЛӘЛӘРЕ

1958 елның 11—15 ноябрендә
төрки телләр диалектологиясе буенча Казанда үткәрелгән
икенче региональ киңәшмә материаллары

КАЗАН 1960

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ КФАН СССР

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Материалы второго регионального совещания
по диалектологии тюркских языков,
состоявшегося 11—15 ноября 1958 года в г. Казани

КАЗАНЬ 1960

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Г. С. Амиров (отв. редактор), *Н. А. Баскаков, И. А. Батманов, М. Х. Гайнуллин, Л. З. Заляй, Л. Т. Махмутова* (отв. редактор), *Е. И. Убрятова, Х. Ф. Хайруллин, М. Ш. Ширалиев.*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Казанского филиала Академии наук СССР

А. Е. Арбузов

Уважаемые товарищи!

Настоящее Второе региональное совещание по диалектологии тюркских языков созвано не случайно в столице Татарской Республики Казани.

Здесь в старейшем восточном русском Университете уже более ста лет тому назад учеными-языковедами были начаты важнейшие исследования, посвященные изучению многочисленных языков, таких, как китайский, тибетский, монгольский, маньчжурский, арабский, персидский, армянский, санскритский, обширная область тюркских языков и мн. др.

В подтверждение только что мною сказанного я сошлюсь на мнение знаменитого финского лингвиста и этнографа Александра Матвея Кастрена.

Сам Кастрен произвел обширные лингвистические исследования на севере России, Сибири, особенно в б. Тобольской губернии, Урале, Алтае, Саянах. Ему принадлежит, между прочим, составление грамматик марийской, зырянской (иначе языка коми), тунгусской, бурятской и многих других языков народов Сибири.

Профессор Кастрен в 1845 году посетил Казань и так охарактеризовал научную деятельность восточного факультета Казанского университета:

„Едва ли есть в целом мире хотя один такой Университет, где бы с бóльшим рвением изучали восточную литературу, чем в Казани; здесь есть кафедры, посвященные многим языкам Востока, както: арабскому, армянскому, персидскому, санскритскому, монгольскому, тюркскому, маньчжурскому и в числе учителей этих языков есть несколько природных восточников... В настоящее время,— говорит далее Кастрен,— два магистра этого Университета отправились путешествовать в Аравию, Персию, а третий — послан на 10 лет в Китай для изучения монгольского, китайского и маньчжурского языков".

Последний молодой ученый, упомянутый Кастреном и получивший столь необычайно длительную командировку в Китай, был питомец Казанского университета, впоследствии знаменитый синолог, академик Василий Павлович Васильев.

Плоды научной деятельности В. П. Васильева грандиозны, они поражают своею обширностью, разнообразием и глубиною даже не специалиста в области языкознания.

Достаточно здесь указать для примера, что В. П. Васильев, в бытность свою в Пекине, издал большую карту китайских владений на китайском языке и составил исторические карты Китая при 12 различных царствовавших династиях; издал позднее такие труды, как „Маньчжурско-русский словарь", „Анализ китайских иероглифов", „Опыт первого китайско-русского словаря" и великое множество других.

В Казани некоторое время, а именно с 1871 по 1884 год, жил и работал другой знаменитый лингвист, специалист в области тюркских языков, позднее академик Василий Васильевич Радлов.

В Казани В. В. Радлов изучал приволжские, башкирские и другие тюркские говоры, изучал также чувашский и марийский языки. Ему принадлежат такие капитальные труды, как например: „Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи" и др. Эти его труды сделали возможным изучение некоторых неисследованных тюркских наречий без примеси арабских и персидских слов. В. В. Радлов считается одним из основоположников сравнительно-исторического изучения тюркских языков.

Я должен также упомянуть Мирза-Мухамед-Али Казем-Бека, занимавшего с 1827 г. по 1849 г. кафедру персидской и турецко-татарской словесности Казанского университета. Казем-Бек внес значительный вклад в дело изучения тюркской семьи языков.

С 1846 по 1855 г. состоял профессором Казанского университета известный русский востоковед и лингвист Илья Николаевич Березин. Широко известен его труд „Путешествие по востоку (1849—1852)". Он работал также и в области тюркской диалектологии. Ему принадлежит исследование „Система турецких диалектов" (1848) и обширный труд „Турецкая хрестоматия" (в 3 томах).

Лично я знал и хорошо помню профессора Казанского университета Николая Федоровича Катанова, по происхождению сагайца. Н. Ф. Катанов по поручению Академии наук в 90-х годах совершил большое путешествие в Сибирь, Монголию и Западный Туркестан. Известен его труд „Опыт исследования урянхайского языка" и, особенно, его материалы по лингвистике, этнографии и фольклору хакасов, тувинцев, карагасов в издании „Образцы народной литературы тюркских племен".

Питомцем Казанского университета является также недавно скончавшийся лингвист Сергей Ефимович Малов, член-корреспондент АН СССР. Известны его работы, главным образом, в области расшифровки древних памятников тюркского языка; такова, например, его работа „Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования". Известны его научные экспедиции в Западный и Центральный Китай — в провинции Синьцзян и Ганьсу. Следует также упомянуть о его активном участии в создании письменности для многих тюркоязычных народов.

В Казанском университете в период с 1875 по 1883 г. работал выдающийся языковед профессор Иван Александрович Бодуэн де Куртене, которого считают родоначальником так называемой казанской лингвистической школы. Бодуэн де Куртене работал, главным образом, в области диалектологии южно-славянских языков.

К числу учеников И. А. Бодуэна де Куртене принадлежит целый ряд выдающихся языковедов, среди них особого упоминания заслуживает научная деятельность известного языковеда, профессора Казанского университета Василия Алексеевича Богородицкого, много поработавшего уже в советское время.

В. А. Богородицкому принадлежит приоритет экспериментального изучения человеческой речи, он впервые организовал в Казани экспериментально-фонетическую лабораторию.

Возможность записи человеческой речи связана с осуществлением знаменитым американским изобретателем Томасом Эдисоном аппарата, названного им фонографом.

Я вспоминаю, что усовершенствованный, с восковым цилиндром, но все еще довольно примитивный фонограф Эдисона впервые демонстрировался в Казани более 70 лет тому назад.

В то время я был гимназистом первых классов гимназии и был взят моим учителем по математике на демонстрацию фонографа Эдисона. Там же присутствовал близкий знакомый моего учителя, тогда молодой ученый Казанского университета, В. А. Богородицкий. На этом сеансе демонстрировались как запись человеческой речи, так и ее воспроизведение. Мне тоже было предложено сказать в рупор несколько слов или фраз. До сих пор помню, что на меня произвело сильнейшее впечатление воспроизведение фонографом моего голоса, хотя техника воспроизведения записи была далеко не совершенна и мой голос звучал буквально как писк комара. Возможно, что у В. А. Богородицкого возникла тогда же мысль воспользоваться фонографом для записи человеческой речи с научной целью.

Однако прошло много времени, прежде чем фонограф Эдисона принял технически и акустически достаточно совершенную форму.

Здесь следует добавить, что установка для записи человеческой речи и музыки была осуществлена также при Петербургском университете известным русским языковедом и историком музыки Сергеем Константиновичем Буличем.

В. А. Богородицким уже в советское время написаны и изданы обширные труды по языковедению. Таковы, например, его „Очерки по языковедению и русскому языку" (4 изд.), „Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию" (Казань, 1933), „Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками" (Казань, 1934) и мн. другие.

Традиции обширной казанской школы языковедов успешно продолжаются и развиваюся учеными-лингвистами Казанского университета и Казанского филиала Академии наук СССР.

В настоящее время развитие филологических наук в Советском Союзе далеко не ограничивается казанской школой филологов. В частности, изучение тюркских языков, и особенно их диалектов, приняло широкий размах, и мы можем назвать в этом направлении целый ряд новых центров, каковыми являются Баку, Ташкент, Алма-Ата, Фрунзе и др.

Товарищи!

Разрешите приветствовать всех участников настоящего совещания от имени Президиума и общественных организаций Казанского филиала Академии наук Союза ССР!

Желаю участникам совещания продуктивной работы и больших успехов!

Второе региональное совещание по диалектологии тюркских языков разрешите считать открытым.

ДОКЛАДЫ

Н. А. Баскаков

(Москва)

О ПРОЕКТЕ ЕДИНОЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ ДЛЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

1

На мою долю выпала чрезвычайно сложная задача — сделать сообщение о единой транскрипции для всех тюркских языков и диалектов.

Проблема сравнительно-исторического изучения фонетики, грамматики и лексики тюркских языков, а также сопоставительные исследования по тюркским и западноевропейским языкам требуют тщательной разработки единой фонетической транскрипции, предусматривающей отражение всех имеющихся в тюркских языках фонем и их вариантов и соизмеримость этих фонем и вариантов с фонемами и вариантами других языков. Вопрос о разработке транскрипции для тюркских языков неоднократно уже ставился русскими и зарубежными тюркологами и наиболее удачное свое разрешение получил в разработке двух транскрипций на латинской и русской основе академиком В. В. Радловым, опубликованных им в его книге: Phonetik der nördlichen Türksprachen (Leipzig, 1882—1883).

Основными транскрипциями для тюркских языков, которыми пользуются современные тюркологи, являются: а) международная транскрипция (The international phonetic alphabet), последний вариант которой был утвержден в 1951 году (см. таблицу I); б) фонетический алфавит, разработанный академиком Л. В. Щербой на основе международного фонетического алфавита (см. таблицу II), — этими двумя транскрипциями пользуются при разработке сопоставительных фонетических исследований по языкам тюркским и западноевропейским; в) фонетическая транскрипция академика В. В. Радлова на латинской основе (см. таблицу III); г) фонетическая транскрипция академика В. В. Радлова на русской основе (см. таблицу IV) — этими транскрипциями пользовались долгое время русские и советские тюркологи; д) фонетическая транскрипция для тюркских языков, разработанная на основе международного фонетического алфавита и транскрипции акад. В. В. Радлова, которой практически пользуются зарубежные тюркологи в настоящее время (см. таблицу V). Кроме того, среди тюркологов Советского Союза имеют широкое практическое применение транскрипции, основанные на различных практических алфавитах и применяемые для транскрибирования текстов по соответствующим языкам.

Создавшаяся пестрота транскрипций затрудняет иногда точное определение качества передаваемого звука и не позволяет точно соотнести сопоставляемые и сравниваемые факты различных тюркских языков. В связи с этим встала задача о необходимости создания единой фонетической транскрипции для всех тюркских языков.

Представленный проект двух вариантов единой фонетической транскрипции для тюркских языков на латинской (см. таблицу VI) и на русской основе (см. таблицу VII) разработан исходя из следующих основных положений.

а) Оба варианта транскрипции разработаны с учетом специфики фонетической структуры всех тюркских языков и по своему составу знаков точно соотнесены между собой, все знаки транскрипции эквивалентны друг другу.

б) Оба варианта транскрипции учитывают общетюркский фонематический состав звуков, для которых выделены основные знаки, и состав всех имеющихся вариантов фонем по качественному и количественному различию, для которых даны соответствующие диакритические значки, различающие эти варианты основных фонем с сохранением основного буквенного обозначения для данной фонемы или для данного типа фонемы. Таким образом, в нашем проекте транскрипции сохраняется, по возможности, единый знак для данного типа фонемы, встречающейся во всех тюркских языках, ср. например: фонемы u(y) или ü(γ), передающиеся в транскрипции для всех тюркских языков одними и теми же знаками, которые в зависимости от нюансов произношения в конкретных языках, дифференцируются только диакритическими знаками.

в) Вариант транскрипции на латинской основе разработан с учетом соответствия по своим знакам и условным обозначениям в первую очередь с практической латинской транскрипцией для тюркских языков, затем с транскрипцией В. В. Радлова и с международным фонетическим алфавитом.

г) Вариант транскрипции на русской основе, кроме того, учитывает современную графику тюркских языков на базе русского алфавита, используя для обозначения основных фонем соответствующие, унифицированные для большинства тюркских языков знаки алфавита, а для обозначения вариантов фонем — соответствующие диакритические знаки, дифференцирующие обозначения основных фонем.

Таким образом, в данном проекте предлагаются две соотнесенные между собой транскрипции: одна — на основе латинского алфавита и другая — на основе русского алфавита.

Переходим к рассмотрению проекта.

2

Проект той или другой транскрипции в отношении гласных предусматривает наличие 9 основных знаков для 9 основных гласных фонем. Эти 9 знаков посредством диакритических знаков дифференцируются на соответствующее количество различных вариаций для обозначения соответствующих модификаций звуков, представленных по различным языкам.

К числу 9 основных знаков относятся следующие:

а — знак, общий для русского и латинского вариантов транскрипции, для обозначения *задней, нелабиализованной, широкой фонемы* типа *а*, которая по конкретным тюркским языкам может реализоваться в виде следующих вариантов, представляющих собой количественные и качественные модификации данной фонемы:

В транскрипции на латинской основе			*В транскрипции на русской основе*		
ɑ	ʌ	ɔ	ɑ	ɑ̣	ɑ̊
ɑ:	ʌ:	ɔ:	ɑ:	ɑ̣:	ɑ̊:
ɑ·	ʌ·	ɔ·	ɑ·	ɑ̣·	ɑ̊·
ɑ̆	ʌ̆	ɔ̆	ɑ̆	ɑ̣̆	ɑ̊̆

т. е. в количестве 12 основных вариантов, которые могут быть соответствующим образом увеличены за счет дополнительных диакритических знаков: знака для назализации или знака для указания на более заднюю или переднюю артикуляцию и т. д.

ä//ə — латинский и русский знак для обозначения *передней, нелабиализованной, полуширокой фонемы* типа *ä//ə*, которая по конкретным языкам реализуется в виде следующих вариантов, представляющих собой количественные модификации данной фонемы:

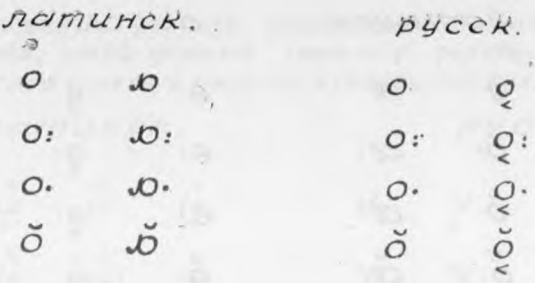
латинск	*русск*
ä	ə
ä:	ə:
ä·	ə·
ä̆	ə̆

т. е. в количестве четырех основных вариантов, которые могут быть соответственно увеличены, если учитывать также и качественные модификации данной фонемы, например, назализацию или более заднюю или переднюю артикуляцию:

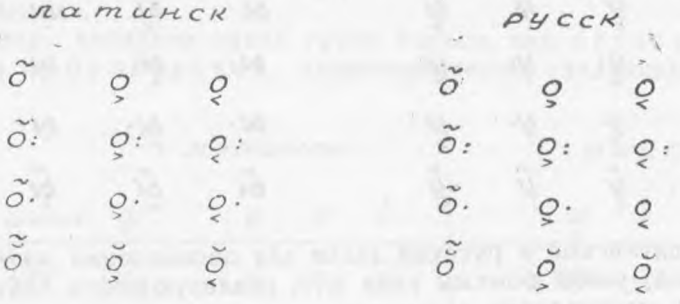
латинск.			*русск.*		
ä̃	ä̟	ä̠	ə̃	ə̟	ə̠
ä̃:	ä̟:	ä̠:	ə̃:	ə̟:	ə̠:
ä̃·	ä̟·	ä̠·	ə̃·	ə̟·	ə̠·
ä̃̆	ä̟̆	ä̠̆	ə̃̆	ə̟̆	ə̠̆

которые, впрочем, встречаются в тюркских языках как редчайшие исключения.

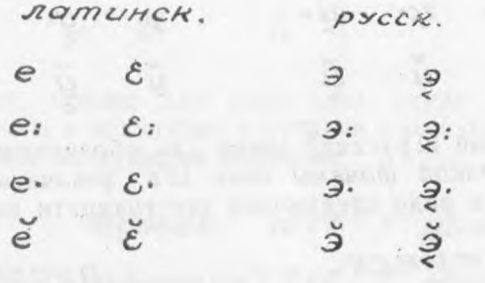
o — знак, общий для русского и латинского вариантов транскрипции, для обозначения *задней, широкой, лабиализованной фонемы* типа *o*, которая по конкретным тюркским языкам может реализоваться в виде следующих вариантов, представляющих собой количественные и качественные модификации данной фонемы:

т. е. в количестве восьми основных вариантов (двух качественных и четырех количественных), которые могут быть соответственно увеличены посредством диакритических знаков, если учитывать также и другие качественные и количественные модификации данной фонемы, например, назализованные, более задние или более передние варианты.

е//э — латинский и русский знаки для обозначения ***передней, нелабиализованной, широкой фонемы*** типа *е//э*, которая по конкретным тюркским языкам реализуется в виде следующих вариантов:

т. е. в количестве восьми основных вариантов (двух качественных и четырех количественных), которые при дальнейшем уточнении могут быть увеличены, если иметь в виду назализованные и прочие варианты.

ö//ɵ — латинский и русский знаки для обозначения ***передней, лабиализованной, широкой фонемы*** типа *ö//ɵ*, которые в тюркских языках представлены, главным образом, в следующих количественных и качественных вариантах:

латинск		русск	
ö	œ	ɵ	ɵ̜
ö:	œ:	ɵ:	ɵ̜:
ö·	œ·	ɵ·	ɵ̜·
ŏ	œ̆	ɵ̆	ɵ̜̆

т. е. в количестве восьми основных вариантов (двух качественных и четырех количественных).

у//ы — латинский и русский знаки для обозначения *задней, нелабиализованной, узкой фонемы* типа *у//ы*, реализующейся по конкретным языкам в виде следующих шестнадцати вариантов (четырех качественных и четырех количественных):

латинск.				русск.			
ʏ	ʏ̜	ʏ̟	ʏ̠	ɨ	ɨ̜	ɨ̟	ɨ̠
ʏ:	ʏ̜:	ʏ̟:	ʏ̠:	ɨ:	ɨ̜:	ɨ̟:	ɨ̠:
ʏ·	ʏ̜·	ʏ̟·	ʏ̠·	ɨ·	ɨ̜·	ɨ̟·	ɨ̠·
ʏ̆	ʏ̜̆	ʏ̟̆	ʏ̠̆	ɨ̆	ɨ̜̆	ɨ̟̆	ɨ̠̆

и//у — латинский и русский знаки для обозначения *задней, лабиализованной, узкой фонемы* типа *и//у*, реализующейся также в виде следующих шестнадцати вариантов:

латинск.				русск.			
ᵿ	ᵿ̜	ᵿ̟	ᵿ̠	ʏ	ʏ̜	ʏ̟	ʏ̠
ᵿ:	ᵿ̜:	ᵿ̟:	ᵿ̠:	ʏ:	ʏ̜:	ʏ̟:	ʏ̠:
ᵿ·	ᵿ̜·	ᵿ̟·	ᵿ̠·	ʏ·	ʏ̜·	ʏ̟·	ʏ̠·
ᵿ̆	ᵿ̜̆	ᵿ̟̆	ᵿ̠̆	ʏ̆	ʏ̜̆	ʏ̟̆	ʏ̠̆

і//и — латинский и русский знаки для обозначения *передней, лабиализованной, узкой фонемы* типа *і//и*, реализующейся по конкретным языкам в виде следующих шестнадцати вариантов:

латинск				русск			
ɪ	ɪ̜	ɪ̟	ɪ̠	ᵻ	ᵻ̜	ᵻ̟	ᵻ̠
ɪ:	ɪ̜:	ɪ̟:	ɪ̠:	ᵻ:	ᵻ̜:	ᵻ̟:	ᵻ̠:
ɪ·	ɪ̜·	ɪ̟·	ɪ̠·	ᵻ·	ᵻ̜·	ᵻ̟·	ᵻ̠·
ɪ̆	ɪ̜̆	ɪ̟̆	ɪ̠̆	ᵻ̆	ᵻ̜̆	ᵻ̟̆	ᵻ̠̆

ӥ//ү — латинский и русский знаки для обозначения *передней, лабиализованной, узкой фонемы* типа *ӥ//ү*, реализующейся по конкретным тюркским языкам в виде следующих шестнадцати вариантов:

латинск.				русск.			
ӥ	ӥ<	ӥ.	ӥ>	ү	ү<	ү.	ү>
ӥ:	ӥ<:	ӥ.:	ӥ>:	ү:	ү<:	ү.:	ү>:
ӥ·	ӥ<·	ӥ.·	ӥ>·	ү·	ү<·	ү.·	ү>·
ӥ̆	ӥ̆<	ӥ̆.	ӥ̆>	ү̆	ү̆<	ү̆.	ү̆>

Необходимость точной дифференциации в обозначении гласных звуков в тюркских языках определяется различными системами вокализма в отдельных группах языков, а иногда и в отдельных языках.

Например, вокализм таких групп языков, как огузская, кыпчакская и булгарская, характеризуется следующими различиями:

		латинск					русск.				
Огузск	широк	а<		е	о	ӧ	а<	э	о	ө	
	узк	ү.		і.	ы.	ӥ.	ы.	и.	ү.	ү	
Кыпчакск	широк	ӓ	ạ	ɛ	ɔ	æ	ə	ạ	э<	о<	ө<
	узк	ү>		і>	ы>	ӥ>	ы>	и>	ү>	ү>	
булгарск	широк	ə	ạ	ӓ			ӑ	ạ	ə		
	полуузк.	ү<	і<	ы<		ӥ<	ы<	и<	ү<	ү<	
	узк.		і	ы		ӥ		и	ү	ү	

Таким образом, общие для всех трех групп корневые слова, благодаря различиям в вокализме и отчасти в консонантизме, должны транскрибироваться следующим образом:

і/и огузск. турецк. d'іℓ / дил' 'язык'

кыпч. каракалп. казахск. } tіℓ / тил' "

кыпч.=булг. татарск. tіℓ / тил' "

ү/ы огузск. турецк. күℓ=/кыл= туркм. сүℓ=/кыл= 'делать, творить'

кыпч. каракалп. казахск. } қүℓ=/қыл=

кыпч.=булг. татарск. qy̨ɛ̨ =/ қыл‘=

ӱ/ү огузск. туркм. g'ӱjʊ̈ / г'үйҙ ‘осень’

турецк. g'ӱz / г'үз

кыпч. каракалп. } gӱ̂z / гүз
казахск. } кӱ̂z / күз

кыпч.=булг. татарск кӱ̆з / күз

и/ұ огузск. туркм. gu̯ɛ̨ / құл ‘раб’

кыпч. каракалп. } qu̯ɛ̨ / құл
казахск. }

кыпч.=булг. татарск. qu̯ɛ̨ / құл

о/о огузск. туркм. goɛ̨ / қол ‘рука’

кыпч. каракалп. } qɔɛ̨ / қол
казахск. }

кыпч.=булг. татарск. qu̯ɛ̨ / құл

ӧ/ө огузск. туркм. k'ӧ̈:l / k'ө:л' ‘озеро’

турецк. g'ӧ̈l / гөл'

кыпч. каракалп. } kœl / көл'
казахск. }

кыпч.=булг. татарск. k'ӱl / k'үл'

е/э огузск. турецк. g'eld'i̯ / г'эл'д'ұ

кыпч. каракалп. } k'ɛldi̯ / кэл'дұ
казахск. }

кыпч=булг. татарск. k'ildi̯ / k'ил'дұ

а/ӑ огузск. туркм. ga:ɬdy̨ / қа:лды

кыпч. каракалп. qa̯ɬdy̨ / қалды

кыпч.=булг. татарск. qɜɬdy̨ / қалды

Ср. также: узб. ɔtä̈/ата ‘отец’, bɔlä̈/бала ‘ребенок’ и проч. или якутский закрытый а в словах хайа ‘гора’, алта ‘шесть’ и проч.

Транскрипция дифтонгов и дифтонгоидов в тюркских языках осуществляется соответственно в первом случае сочетанием соответствующих знаков для гласных, ср. например, в якутском языке: *тыа (<тағ)* 'гора', *быа (<бағ)* 'веревка', *быар (<бағыр)* 'печень', *үөр (өгур)* 'стадо', *сиэн (<йэгэн)* 'внук', *мүос (<мунус)* 'рог' и проч., во втором же случае — сочетанием соответствующих гласных и согласных, ср. например, в туркменском: *қыйз* 'девушка', *сүйт* 'молоко' и проч.

В начальной позиции дифтонговые сочетания транскрибируются либо так же, как дифтонги, либо слабый гласный отмечается надстрочным уменьшенным обозначением, например, в каракалпакском языке: *ўот // ʸот* 'огонь', *ўөл' = // ʸөл' =* 'умирать' и проч.

Завершая обзор принципов транскрибирования всей системы гласных фонем и их вариантов, ниже мы приводим характеристику основных гласных звуков, встречающихся в тюркских языках.

1. Узкие и полуузкие

i / и переднего ряда, нелабиализованный

ӳ / ы заднего ряда, нелабиализованный

ӥ / ү переднего ряда, лабиализованный

ы / у заднего ряда, лабиализованный

Все остальные качественные и количественные модификации узких гласных реализуются диакритическими знаками (см. таблицы VIII и IX).

2. Широкие и полуширокие

e/э переднего ряда, полуоткрытый, нелабиализованный

a/а заднего ряда, открытый, нелабиализованный

ӧ/ɵ переднего ряда, полуоткрытый, лабиализованный

o/ɔ заднего ряда, полуоткрытый, лабиализованный

ӓ/ə среднего ряда, открытый, нелабиализованный

ɛ/ɜ переднего ряда, открытый, нелабиализованный

æ/ɐ переднего ряда, открытый, лабиализованный

ɔ/å заднего ряда, широкий, округлый, лабиализованный

ʌ/ɑ̣ заднего ряда, выдвинутый вперед, полуоткрытый нелабиализованный

ɒ/ɑ̊ заднего ряда, открытый, лабиализованный

Все остальные качественные и количественные модификации широких гласных реализуются диакритическими знаками (см. приложения к таблицам VI и VII).

3

Не менее многообразны и многочисленны качественные и количественные варианты для согласных фонем тюркских языков. Так, в области губных согласных наиболее часто встречающимися в тюркских языках вариантами являются:

латинск							русск						
p	*b*	*q̇*	*ẇ*	*f*	*v*	*m̂*	*m*	*n*	*б*	*p̊*	*b̊*	*ф*	*в*	*м̂*	*м*
p'	*b'*	*q̇'*	*ẇ'*	*f'*	*v'*	*m̂'*	*m'*	*n'*	*б'*	*p̊'*	*b̊'*	*ф'*	*в'*	*м̂'*	*м'*
p^c	*b^c*	–		–		–		*n^c*	*б^c*	–		–		–	
p̌	*b̂*	*q̇̌*	*ẇ̂*	*f̌*	*v̂*	–		*ň*	*b̂*	*p̊̌*	*b̊̂*	*p̊̌*	*b̂*	–	

Здесь представлены основные варианты губных согласных:

а) палатализованные, ср. напр., в караимском языке: *б'эл'г'и б'эл'г'ил'ан'г'ан'* 'обозначенный, назначенный'; *б'ут'ун'* 'весь'; *к'оз'л'ар'им'а* 'моим глазам' и проч.

б) придыхательные губные согласные, ср. напр., в тувинском языке: *n^c ар* 'барс, тигр'; *n^c аш* 'чугун' и др.;

в) полуглухие и полузвонкие, ср. напр., в алтайском: *бала* 'ребенок' или в чувашском *апат* 'пища, корм'; *эпир* 'мы' и проч.

Еще большее количество фонем и их вариантов представлено переднеязычными и среднеязычными:

латинск.

t	*d*	*s*	*z*	*š*	*ž*	*θ*	*ϑ*	*ś*	*c*	*ʒ*	*j*	*j̃*	*n̂*	*n*	*ɾ̂*	*ɾ*	*l̂*	*l*	*r̂*	*r*
t'	*d'*	*s'*	*z'*	*š'*	*ž'*	–		–	*c'*	*ʒ'*	–	–	*n̂'*	*n'*	*ɾ̂'*	*ɾ'*	*l̂'*	*l'*	*r̂'*	*r'*
t^c	*d^c*	–		–		–		–	*c^c*	–	–		–		–		–		–	
t̆	*d*	*s̆*	*z*	*s̆*	*z̆*	–		–	*c̆*	*z̆*	–	–	–		–		–		–	

русск.

т	*д*	*с*	*з*	*ш*	*ж*	*ç*	*ʒ́*	*ц*	*ц́*	*ч*	*ч́*	*и*	*ӣ*	*н̂*	*н*	*нь*	*нь́*	*л̂*	*л*	*р̂*	*р*
т'	*д'*	*с'*	*з'*	*ш'*	*ж'*	–		*ц'*	*ц́'*	*ч'*	*ч́'*	–	–	*н̂'*	*н'*	*нь̂*	*нь́'*	*л̂'*	*л'*	*р̂'*	*р'*
т^c	*д^c*	–		–		–		*ц^c*		*ч^c*		–		–		–		–		–	
т̆	*д*	*с̆*	*з*	*ш̆*	*ш*	–		*ц̆*	*ц*	*ч̆*	*ч*	–		–		–		–		–	

Основными вариантами, как и предыдущих согласных, являются:

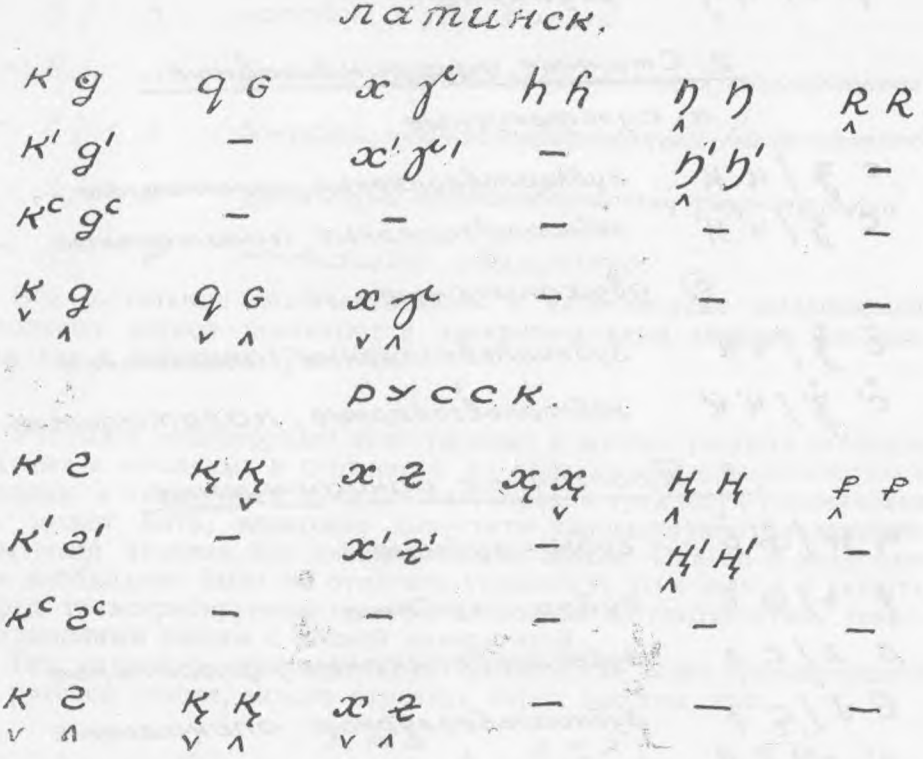
а) согласные палатализованные, ср. например, в караимском языке: *ӱс'т'т'ан* 'сверху'; *т'эр'акл'ар* 'деревья'; *с'ут'* 'молоко'; *ч'эч'ак'л'ар* 'цветы' и проч.;

б) согласные придыхательные, ср. например, в тувинском языке: $т^{с}ал$ 'ива', $т^{с}ус$ 'отдельный' и проч;

в) согласные полузвонкие и полуглухие, ср., например, в алтайском языке: *темир* 'железо', *тар* 'узкий' или в чувашском: *эсир* 'вы' и проч.;

г) носовой $\tilde{й}$, напр., в якутском языке: *а̃йах* 'рот', *и̃йэ*, 'мать', *а̃йы* 'грех' *ту̃йах* 'копыто', *хо̃йх* 'сгусток' и проч.

Основные фонемы и их наиболее часто встречающиеся варианты заднего ряда, т. е. твердонёбные, мягконёбные, гутуральные и гортанные звуки, представлены в тюркских языках в следующем составе:

В отношении задней группы фонем следует отметить наиболее характерные варианты в виде палатализованных звуков, придыхательных, полузвонких и полуглухих, которые, однако, в тюркских языках встречаются реже, чем соответствующие им варианты предыдущих групп передних и средних согласных.

Завершая обзор принципов транскрипции всей системы согласных звуков и их многообразных вариантов, встречающихся в тюркских языках, ниже мы приводим характеристику основных типов согласных.

Согласные

1. Смычные чистые

p b / n õ	губно - губные
t d / n g	зубноальвеолярные, дорсальные
t' d' / n' g'	небноальвеолярные, палатальные
k g / k g	заднеязычные, твердонебные
k' g' / k' g'	заднеязычные, мягконебные
q ɢ / ɴ ɴ̆	увулярные

2. Смычные аффрикативные

а) однофокусные

c ʒ / ч ӌ	зубноальвеолярные, палатальные
c' ʒ' / ч' ӌ'	небноальвеолярные, палатальные

б) двухфокусные

č ǯ / ч ж	зубноальвеолярные, апикальные
č' ǯ' / ч' ж'	небноальвеолярные, палатальные

3. Проточные однофокусные

ɥ w / f̊ β̊	губно - губные
f v / ф в	губно - зубные
s z / с з	зубноальвеолярные, дорсальные
θ ð / ç ʒ	зубноальвеолярные, апикальные
s' z' / с' з'	небноальвеолярные, палатальные
- j / - ĩ	среднеязычный, неназализованный
- j̃ / - ĩ̃	среднеязычный, назализованный
x' ɣ' / x' ɣ'	заднеязычные, мягконебные
x ɣ / x ʁ	увулярные
h ɦ / ʜ ʢ	гортанные

4 Проточные двухфокусные

ś - / ć - зубноальвеолярный, дорсальный

š ž / ш ж небноальвеолярные, какуминальные

š' ž' / ш' ж' небноальвеолярные, палатальные

5 Сонорные

- m / - м носовой, губно-губной

- n / - н носовой, зубноальвеолярный, дорсальный

- ń / - нь носовой, среднеязычный

- ŋ / - нг носовой, увулярный

- l / - л боковой, зубноальвеолярный, апикальный

- l' / - л' боковой, небноальвеолярный, палатальный

- r / - р дрожащий, небноальвеолярный, какуминальный

- R / - р дрожащий, увулярный.

Все остальные количественные и качественные модификации согласных звуков реализуются диакритическими знаками (см. приложение к таблицам VI и VII).

4

Учитывая многообразие качественных и количественных оттенков гласных и согласных и сложность их обозначения диакритическими знаками, а также имея в виду типографские трудности обозначения их, может быть, возможно допустить упрощенную транскрипцию обычными знаками без диакритических знаков. Однако в этом случае необходимо было бы отметить условность этих знаков и указать перед транскрибируемым текстом на точные их соответствия транскрипционным знакам с полной диакритикой.

Так, например, транскрибируя туркменский текст транскрипцией на русской основе, можно отметить перед текстом, что:

а = а̲ ; ы = ы̆ , э = э , и = и̇

о = о ; у = у̇ , ө = ө , ү = ү̇

и транскрибировать, вместо: бӣр тӣл'кӣ бӣр йолвӑрҫ бӣр мө:нӗк ӳчӳҫӳ до:ҫ болды̆ более упрощенно: бир тил'ки бир йолвӑрҫ бир мө:нӗк үчүҫү до:ҫ болды.

В тех же случаях, когда транскрибированное слово или целый текст на данном языке, например, на одном из огузских языков, сопоставляется со словом или текстом на другом, например, на одном из кыпчакских языков, с целью сравнительно-исторического изучения этих языков должна применяться полная транскрипция со всеми диакритическими знаками.

На этом я позволю себе закончить свое сообщение и выразить надежду, что обсуждение данного проекта транскрипции пойдет не по линии заявлений о типографских трудностях печатания текстов, так как совершенно ясно, что всякая точная транскрипция потребует отливки специальных знаков, а по существу транскрипции — по линии обсуждения ее основных принципов.

ОБРАЗЦЫ ТРАНСКРИПЦИИ НА ТУРКМЕНСКОМ, КАРАКАЛПАКСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Все образцы даны последовательно: а) в существующей орфографии; б) в латинской точной транскрипции; в) в латинской упрощенной транскрипции; г) в русской точной транскрипции; д) в русской упрощенной транскрипции; е) в русском переводе.

I. На туркменском языке

1. В существующей орфографии:

ТИЛКИ, ЁЛБАРС ВЕ МӨҖЕК

Бир тилки, бир ёлбарс, бир мөҗек үчүси дост болды. Ондон соң үчүси ав авламага гитдилер. Бир кейик тутдулар, ене бир шагал тутдулар, ене бир товшан тутдулар. Үчүси пайлашҗак болдулар. Мөҗеге: сен пайла — дийдилер. Мөҗек — боляр — дийип кейинги ёлбарс ийсин, товшаны тилки ийсин, шагалы мен иейин — дийди.

2 В латинской фонетической транскрипции

tĭlkʲĭ jołwɔ́rθ we mö:ǯŏ́k

bĭr tĭlkʲĭ bĭr jołwɔ́rθ bĭr mö:ǯŏ́k ŭ̆čŭ̈θŭ̈ do:θ bołdy̆. onnóп θoŋ ŭ̆čŭ̈θŭ̈ a:w a:włama:γá gĭttĭléг. bĭr кejĭ́k tŭttŭ̈lɔ́г jené bĭr šaγáł tŭttŭ̈łɔ́г. jené bĭr towšɔ́n tŭttŭ̈łɔ́г ŭ̆čŭ̈θŭ̈ naĭłaššáq boldŭ̈łɔ́г. mö:ǯöwŏ́ – θen naĭłá – dĭĭdĭléг mö:ǯŏ́k – bołĭ̆já: — dĭĭn – kejĭgi jołwɔ́rθ ĭ̆jθĭ̆n, towšɔnŭ̆ tĭlkĭ̆ ĭ̆jθĭ̆n, saγałŭ̆ men ĭ̆jejĭ̆n – dĭ̆jdĭ̆

3. В латинской (упрощенной) транскрипции

ı = i̯ u = ŭ a = ą

y = y̆ ü = ŭ

tilkí jolwɔ́rθ we mö:ǯǒk

biг tilkí biг jolwɔ́rθ biг mö:ǯǒk üčüθǘ do·θ bolḍý onnón θoŋ üčüθǘ a:w a:wląma:ɣá yittiléг biг kejík tuttuląɔ́г jeńé biг šaɣál tuttulɔ́г. jené biг towšɔ́n tŭttŭląɔ́г. üčüθǘ pajląššáq bolḍuląɔ́г mö:ǯöwǒ – θen pa:jlá – dijiléг mǒ:ǯǒk – bolyjá: – dijn – kejigí jolwɔ́rθ ijθín, towšɔný tilkí ijθín, šaɣaký men ijejín – dijdí

4. В русской фонетической транскрипции

тӣлкӯ йолвӑ́рҫ вэ мө:чө́к

бӣр тӣлкӯ бӣр йолвӑ́рҫ бӣр мө:чө́к ӯчӯҫӯ́ до:ҫ болдӯ́. оннóн ҫоӈ ӯчӯҫӯ́ а:в ą:влąмą:гą́ гӣттилэ́р. бӣр кэ́йӣк тӯттӯлӑ́р. йэнэ́ бӣр шąгą́л туттӯлӑ́р йэнэ́ бӣр товшӑ́н тӯттӯлӑ́р ӯчӯҫӯ́ па:йлашшáқ болдӯлӑ́р мө:чөвө́ ҫэн пą:йлą́ – дӣйдилэ́р. мө:чө́к – болыйа́: – дӣйп – кэ́йигӯ́ йолвӑ́рҫ йӣ́ҫӣн, товшӑны́ тӣлкӯ́ йӣ́ҫӣн, шąгąлы́ мэн йӣйэйӣ́н – дӣйдӯ́.

5. В русской упрощённой транскрипции

и=й̆ ; ы=ы̆ ; у=ў ; ү=ү̆

тил'ки́, йолва́рҫ вэ мэ:ӈэ́к

Бир тил'ки́ бир йолва́рҫ бир мэ:ӈэ́к, учуҫу́ до:ҫ болды́. онно́н ҫоӈ учуҫу́ а:в а:влама:ға́ гит-тил'э́р бир кэ́йик туттула́р, йэнэ́, бир ша-ға́л туттула́р, йэнэ́ бир товша́н туттула́р. учуҫу́ па:йлашша́ӄ болдула́р мэ:ӈэва́-ҫэн па:йла́ — дийдилэ́р. мэ:ӈэ́к — болыйа́ — дийп — кэ́йиги́й йолва́рҫ ийҫи́н товша́ны тил ки́ ийҫи́н, шаға́лы́ мэн ийэ́йи́н — дийди́.

6. В русском переводе

ЛИСИЦА, ТИГР И ВОЛК

Лисица, тигр и волк — все трое были друзьями. Отправились они все трое на охоту. Поймали они дикого козла, еще поймали они шакала и еще поймали они зайца. Все трое решили разделить добычу. Сказали они волку — раздели-ка ты. Волк говорит — ладно, пусть козла ест тигр, зайца пусть ест лиса, а я съем шакала.

II. На каракалпакском языке

1. В существующей орфографии

БӨДЕНЕ МЕНЕН ТҮЛКИ

Бир бар екен, бер жоқ екен бурынғы өткен заманда бөдене менен түлки болған екен. Жолы дус келип екеўи жолдас болыпты. Жол қысқарсын — деп әңгимеге кирисипти.

2. В латинской фонетической транскрипции

bœdenе́ menе́n tʉ̈lkʏ̆

bʏ̆g wɑ́ɣ ekе́n bʏ̆g žɤ́ɣ ekе́n bʉ̆gʉ̆ŋɣʏ́ʉ̆ ʻœtkе́n zɑ-mɑndɑ́ bœdenе́ menen tʉ̈lkʏ̆ bɤɬɣɑ́n ʻekе́n žɤɬʉ̆́ dʉ̈s kelʏ̆p ʻekewʏ̆ žɤɬdɑ́s bɤɬʉ̆ptʉ̆́ žɤɬ ɣʏsqɑrsʉ̆́n dep ɑ̈ŋgʏ̆medе́ gʏ̆rʏ̆sʏ̆ptʏ̆.

3. В латинской упрощенной транскрипции

a = ɑ	e = ɛ	y = ɣ	u = ʊ
o = ɔ	ö = œ	ı = ɪ	ü = ʏ

bödené menen tülkí

biч wáч ekeп biч žoч ekeп biчиŋчý ʻötkén zamandá bödené menen tülkí bolчán ʻekén žoɬý dus kelíp ʻekewí žoɬdás bolyptý. žol ɣys ɑarsýn – dep äŋgimegé girisipti.

4. В русской фонетической транскрипции

Бөдэнэ́ мэнэ́н түлкү́

Бүр вы́р экэн бүр жо́г экэн бурыңгы́ ʻөткэн заманда́ бөдэнэ́ мэнэ́н түлкү́ болга́н ʻүкэ́н. Жолы́ дүс кэлʻү́п ʻүкэвү́ жолда́с болы́пты́ жол гы́ысқарсы́н дэп әңгүмэгэ́ гүрүсүпту́.

5. В русской упрощенной транскрипции

е = ө	а = ɑ	и = ʊ	ү = ʏ
э = э	о = о	ы = ы	у = ʉ

Бөдэнэ́ мэнэ́н тулʻкү́

Бир вɑ́р экэн, бир жо́г экэн бурыңгы́ ʻөткэ́н заманда́ бөдэнэ́ мэнэ́н тулʻкү́ болга́н ʻүкэ́н. Жолы́ дус кэлʻи́п ʻүкэвү́ жолда́с болыпты́. жол гысқарсы́н дэп әнгимэгэ́ гирисипту́.

6. В русском переводе

ПЕРЕПЕЛКА И ЛИСА

Было ли не было ли, в древние, прежние времена жили-были перепелка и лисица. Пути их встретились и они стали друзьями. Для того, чтобы сократить дорогу, они приступили к разговору.

III. На татарском языке

1. В существующей орфографии

ХУҖАНЫҢ ИШӘГЕ КАЗЫЙ БУЛГАН

Хужа Насретдин бер көнне ишәген югалткан да, урамда очраган кешеләрдән: минем ишәгемне күрмәдегезме? — дип сорап йөри икән. Бер кеше әйткән: әй, әфәнде, мин күрдем. Синең ишәгең „фәлән мәхәлләгә казый булган" — дигән. Хужа: юк, минем ишәгем казый булмас, чөнки ул казыйлардан акыллырак — дигән.

2. В латинской фонетической транскрипции

xuҗ'ɜnuŋ iš'äɣ'i qɔzyj buɬɣán.

xuҗ'á nasɪ̆tdín bɪ̆r kʉ̆nnɪ̆ išäɣ'ɪ̆n juɣaɬtqán da
uгɔmdá ʉ̆š'raɣán kɪ̆šɪ̆lärdá̆n: miniŋ̆m iš'äɣɪ̆m-
nɪ̆ kʉ̆гmädɪ̆gɪ̆z mɪ̆ — dip sʉ̆гáp jʉ̆гí (i)kän. bɪ̆r
kɪ̆šɪ̆ äjtká̆n: äj äfändɪ̆ min kʉ̆rdɪ̆m sinɪ̆ŋ
iš'äɣ'ɪ̆ŋ fälän mäxällä ɣ'ä qɔzyj buɬɣán-diɣá̆n
xuҗ'á juq miniŋ̆m išäɣɪ̆m qɔzyj buɬmás čʉ̆nki
uɬ qɔzyjlardán ɔqʉ̆ɬɬʉ̆гáq — diɣ'á̆n

3. В латинской упрощенной транскрипции

і̆ = ӏ̆	ӑ = ӑ̆
ӳ = ӳ̆	ӓ = ӓ̆

Хиҗәпүң ишәҕә дәгүҗ вирҕән

хиҗә nасгітдін вір күнні ишәҕ'ін јиҕарtqан да игәmdа ш'ағҕан кішіlәгdән: minім ишәҕ'імні күгmәdіgіz mі – dір sыгәр јүгі (і)кән. вір кіші әjtкән: әj әfәndі min күгdім sініӈ ишәҕ'іӈ fәlән mәхәllәҕ'ә дәгүҗ вирҕән – diҕ'ән. хиҗә – јuq, minім ишәҕ'ім дәгүҗ вирmәs čүnki иӈ дәгүјfагdән эдүӈгүғq – diҕ'ән

4. В русской фонетической транскрипции

Хуңаңың ишәгү қазың булған

хуңа насрүтдүн бүр күннү ишәгүн йугалтқан да урамда ш'ағаған күшүл'ардән: миңүм ишәгүмнү курмәдүгүз мү – дип сүрап йүрі (и)кән. бүр күшү әйткән: әй, әфәндү, мин курдүм, синүң ишәгүң фәл'ән мәхәллә'ә қазың булған – диг'ән. хуңа – йуқ, миңүм ишәгүм қазың булмас чүнкү ул қазыйлардан ақыллырақ – диг'ән

5. В русской упрощенной транскрипции

и = й у = ў

ы = ы̆ ә = ә̆

Хуҗаның ишәгә қазый булган

Хуҗа насрәтдин бер көнне ишәген йоғалткан да урамда ушраған кешеләрдән: минем ишәгемне курмәдигез ми-дип сорап йүри (и)кән. Бер кеше әйткән: әй әфәнди, мин курдым, синең ишәгең фәлән мәхәллә̆дә қазый булған — диғән. Хуҗа — йоқ, минем ишәгим қазый булмас чүнки ул қазыйлардан ақыллырақ — диғән.

6. В русском переводе

КАК У ХОДЖИ ИШАК БЫЛ КАДИЕМ

Однажды Ходжа Насрєтдин потерял своего ишака и пошел по улице, спрашивая всех встречных людей: — Не видели ли вы моего ишака? Один человек сказал: — Эй, эфенди, я видел — твой ишак стал кадием такого-то района. Ходжа ответил: — Нет, мой ишак не станет кадием, потому что он умнее кади.

Таблица I

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНЕТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ (1951 г.) В ПРИМЕНЕНИИ К ТЮРКСКИМ ЯЗЫКАМ

СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ \ МЕСТО ОБРАЗОВАНИЯ			ГУБНО-ГУБНЫЕ	ГУБНО-ЗУБНЫЕ	ЗУБНО-АЛЬВЕОЛЯРНЫЕ	НЕБНО-АЛЬВЕОЛЯРНЫЕ	АЛЬВЕОЛЯРНО-ПАЛАТАЛЬНЫЕ	ПАЛАТАЛЬНЫЕ	ВЕЛЯРНЫЕ	УВУЛЯРНЫЕ	ФАРИНГАЛЬНЫЕ	ГОРТАННЫЕ	
СОГЛАСНЫЕ		СМЫЧНЫЕ	p b		t d		t' d'	c ɟ	k g	q ɢ		ʔ	
		НОСОВЫЕ	m		n			ɲ	ŋ	ɴ			
		ЛАТЕРАЛЬНО-ФРИКАТИВНЫЕ											
		ЛАТЕРАЛЬНЫЕ НЕФРИКАТИВНЫЕ			ɬ ɮ			ʎ					
		ЗАКРУГЛЕННЫЕ											
		ДРОЖАЩИЕ		ʙ	r					R			
		ФРИКАТИВНЫЕ	ɸ β	f v	θ ð s z	ʃ ʒ	ʂ	ç ʝ	x ɣ	χ ʁ		h ɦ	
		АФФРИКАТЫ			t͡s d͡z	t͡ʃ d͡ʒ							
ГЛАСНЫЕ	УЗКИЕ	ЗАКРЫТЫЕ					i y	ɨ ʉ		ɯ u			
		ПОЛУЗАКРЫТЫЕ					ɪ ʏ	ɪ̈ ʏ̈		ɯ̽ u̽			
	ШИРОКИЕ	ПОЛУОТКРЫТЫЕ					e ø			ɤ o			
		ОТКРЫТЫЕ					ɛ œ	æ		ɔ ɑ ɒ			

Таблица II

ФОНЕТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ (по Л.В.ЩЕРБЕ) В ПРИМЕНЕНИИ К ТЮРКСКИМ ЯЗЫКАМ

СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ \ МЕСТО ОБРАЗОВАНИЯ					ГУБНЫЕ		ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНЫЕ			СРЕДНЕ-ЯЗЫЧНЫЕ	ЗАДНЕ-ЯЗЫЧНЫЕ	УВУЛЯРНЫЕ	ФАРИНГАЛЬНЫЕ		ГОРТАННЫЕ
					ГУБНО-ГУБНЫЕ	ГУБНО-ЗУБНЫЕ	КАКУМИНАЛЬНЫЕ	АПИКАЛЬНЫЕ	ДОРСАЛЬНЫЕ				ВЕРХНИЕ	НИЖНИЕ	
СОГЛАСНЫЕ	СМЫЧНЫЕ	ШУМНЫЕ	ЧИСТЫЕ		p б				t d	t' d'	k'g' kg	q ɢ			ʔ
			АФФРИКАТЫ	ОДНОФОКУСНЫЕ	ПЛОСКО-ЩЕЛЕВЫЕ										
				2-ФОКУСНЫЕ	КРУГЛО-ЩЕЛЕВЫЕ				ts dz						
					СО ВТОРЫМ СРЕДНИМ ФОКУСОМ										
					С ЗАДНИМ ФОКУСОМ		tš dž								
		СОНАНТЫ			m				n	ɲ	ŋ	N			
	ЩЕЛЕВЫЕ	ШУМНЫЕ	ОДНОФОКУСНЫЕ		ПЛОСКО-ЩЕЛЕВЫЕ	ф в	f v		θ ð		j	x ɣ	x ʁ		h ɦ
			2-ФОКУСНЫЕ		КРУГЛО-ЩЕЛЕВЫЕ				s z						
					СО СРЕДНИМ ФОКУСОМ				ś						
					С ЗАДНИМ ФОКУСОМ		š ž								
		СОНАНТЫ			СРЕДИННЫЕ										
					БОКОВЫЕ			l ɫ		ʎ					
	ДРОЖАЩИЕ	ШУМНЫЕ													
		СОНАНТЫ					r					ʁ			
ГЛАСНЫЕ	УЗКИЕ	ЗАКРЫТЫЕ							y i ʏ ɪ	ʉ ɨ ʏ̈ ɪ̈		ɯ̽ u̽ χ̽ ʊ̽	ɯ u ɣ ʊ		
		ПОЛУЗАКРЫТЫЕ							ø e	ɤ̈ ɘ̈		ɤ̽ ɘ̽	ɤ o		
	ШИРОКИЕ	ПОЛУОТКРЫТЫЕ							œ ɛ	æ		ɔ̽ ɑ̽ ɒ̽	ɔ ɑ ɒ		
		ОТКРЫТЫЕ													

Таблица III

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ НА ЛАТИНСКОЙ ОСНОВЕ ДЛЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ (по В.В.РАДЛОВУ)

Способ образования \ Место образования				Губные		Переднеязычные				Средне-язычные	Заднеязычные		Увуляр-ные	Гортан-ные
						Зубноальвеолярные		Нёбноальвеолярные						
				Губно-губные	Губно-зубные	Дорсаль-ные	Апикаль-ные	Какуминаль-ные	Палаталь-ные		Твердо-нёбные	Мягко-нёбные		
Согласные	Шумные	Смычные	Чистые	p b		t d			j̇		(k) (q)	k q	q	
			Аффрикаты: однофокусные			c ć			(ć)					
			Аффрикаты: двухфокусные				č ǧ		(č) (ǧ)					
		Проточные	Одно-фокусные: плоскощелевые	[ɸ] ɯ	[f] ъ	s z	[ɵ] ð		(s) (z)	j	x ɣ	x	ɣ	h [ɦ]
			Одно-фокусные: круглощелевые											
			Двух-фокусные: со средним фокусом											
			Двух-фокусные: с задним фокусом					š ž	(š) (ž)					
	Сонорные		Носовые	m		n				ṇ ȷ		ṅ		
			Боковые				ɮ ɭ							
			Дрожащие					ɾ						
Гласные	Узкие		Закрытые							i ü ị ọ		ɥ ɯ ɯ̈ ɵ		
			Полузакрытые											
	Широкие		Полуоткрытые							є ö		o		
			Открытые							ä ą̈		a ą		

Таблица IV

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ НА РУССКОЙ ОСНОВЕ ДЛЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ (по В.В.РАДЛОВУ)

Способ образования \ Место образования				Губные		Переднеязычные				Средне-язычные	Заднеязычные		Увуляр-ные	Гортан-ные
						Зубноальвеолярные		Нёбноальвеолярные						
				Губно-губные	Губно-зубные	Дорсаль-ные	Апикаль-ные	Какуминаль-ные	Палаталь-ные		Твердо-нёбные	Мягко-нёбные		
Согласные	Шумные	Смычные	Чистые	п б		т д			ǰ		ǩ ǯ	к г	k	ʔ
			Аффрикаты: однофокусные			ц ц́			ц̌					
			Аффрикаты: двухфокусные				ч ч		ч̌ ч̌					
		Проточные	Одно-фокусные: плоскощелевые	[ɸ] ш	[ф] в	с з	[ɵ] ð		č ž	ǰ	ǩ ǯ	х	ʔ	h [ɦ]
			Одно-фокусные: круглощелевые											
			Двух-фокусные: со средним фокусом											
			Двух-фокусные: с задним фокусом					ш ж	ш̌ ж̌	ǰ				
	Сонорные		Носовые	м		н				ṅ		ң		
			Боковые				л ɭ							
			Дрожащие											
Гласные	Узкие		Закрытые							i ü ị ọ		ы ɥ ɯ̈ ɵ		
			Полузакрытые											
	Широкие		Полуоткрытые							е ö		о		
			Открытые							ä ą̈		а ą		

Таблица V

ТРАДИЦИОННАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ НА ЛАТИНСКОЙ ОСНОВЕ ДЛЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ / МЕСТО ОБРАЗОВАНИЯ				ГУБНЫЕ		ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНЫЕ				СРЕДНЕ-ЯЗЫЧНЫЕ	ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЕ		ВЕЛЯРНЫЕ	ГОРТАННЫЕ
						ЗУБНОАЛЬВЕОЛЯРНЫЕ		НЁБНОАЛЬВЕОЛЯРНЫЕ						
				ГУБНО-ГУБНЫЕ	ГУБНО-ЗУБНЫЕ	ДОРСАЛЬНЫЕ	АПИКАЛЬНЫЕ	КАКУМИНАЛЬНЫЕ	ПАЛАТАЛЬНЫЕ		ТВЕРДОНЁБНЫЕ	МЯГКОНЁБНЫЕ		
СОГЛАСНЫЕ ШУМНЫЕ	СМЫЧНЫЕ	ЧИСТЫЕ		p b		t d			t' d'		k' g'	k g	q G	ʔ
		АФФРИКАТЫ	ОДНОФОКУСНЫЕ			c ɟ ʦ ʒ ʧ ʤ								
			ДВУХФОКУСНЫЕ				č ǰ š ž ǯ ž							
	ПРОТОЧНЫЕ	ЩЕЛЕВЫЕ	ПЛОСКОЩЕЛЕВЫЕ	ɥ ɯ	f v	s z	θ ð			j		[x] ǧ	x ɣ	h [ɦ]
			КРУГЛОЩЕЛЕВЫЕ											
			СО СРЕДНИМ ФОКУСОМ			ś								
			С ЗАДНИМ ФОКУСОМ					š ž						
	СОНОРНЫЕ	НОСОВЫЕ		m		n				[ɲ]		ŋ	[ɴ]	
		БОКОВЫЕ					ɭ ɮ			[ʎ]				
		ДРОЖАЩИЕ						ɾ					[ʀ]	
ГЛАСНЫЕ	УЗКИЕ	ЗАКРЫТЫЕ								i ü		ɯ u		
		ПОЛУЗАКРЫТЫЕ												
	ШИРОКИЕ	ПОЛУОТКРЫТЫЕ								e ö	ä	o		
		ОТКРЫТЫЕ								ɛ æ		a ɔ		

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ НА ЛАТИНСКОЙ ОСНОВЕ ДЛЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ / МЕСТО ОБРАЗОВАНИЯ				ГУБНЫЕ		ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНЫЕ				СРЕДНЕЯЗЫЧНЫЕ	ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЕ		УВУЛЯРНЫЕ	ГОРТАННЫЕ
						ЗУБНОАЛЬВЕОЛЯРНЫЕ		НЕБНОАЛЬВЕОЛЯРНЫЕ						
				ГУБНО-ГУБНЫЕ	ГУБНО-ЗУБНЫЕ	ДОРСАЛЬНЫЕ	АПИКАЛЬНЫЕ	КАКУМИНАЛЬНЫЕ	ПАЛАТАЛЬНЫЕ		ТВЕРДОНЁБНЫЕ	МЯГКОНЁБНЫЕ		
СОГЛАСНЫЕ ШУМНЫЕ	СМЫЧНЫЕ	ЧИСТЫЕ		p b		t d			t' d'		k' g'	k g	q ɢ	ʔ
		АФФРИКАТЫ	ОДНОФОКУСНЫЕ			c ʒ			c' ʒ'					
			ДВУХФОКУСНЫЕ				č ǯ		č' ǯ'					
	ПРОТОЧНЫЕ	ЩЕЛЕВЫЕ	ПЛОСКОЩЕЛЕВЫЕ	ɸ ʋ	f v	s z	ɵ ð		s' z'	j̆ ǰ		x' ɣ'	x ɣ	h ɦ
			КРУГЛОЩЕЛЕВЫЕ											
			СО СРЕДНИМ ФОКУСОМ			ś								
			С ЗАДНИМ ФОКУСОМ					š ž	š' ž'					
СОНОРНЫЕ	НОСОВЫЕ			m		n				ɲ			ŋ	
	БОКОВЫЕ						ɫ ɬ							
	ДРОЖАЩИЕ							ɾ					ʀ	
ГЛАСНЫЕ	УЗКИЕ	ЗАКРЫТЫЕ								i ü	ụ ụ̈	ụ u		
		ПОЛУЗАКРЫТЫЕ								ị ̈ü	ụ̣ ụ̣̈	ụ̣ u̯		
	ШИРОКИЕ	ПОЛУОТКРЫТЫЕ								e ö	ä	ʌ o		
		ОТКРЫТЫЕ								ɛ œ		ɔ ɑ ɒ		

ВОЗМОЖНЫЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ МОДИФИКАЦИИ ЗВУКОВ

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

ДЛЯ СОГЛАСНЫХ

ʲ палатализация
ˠ velarизация
ⁿ назализация
ʰ аспирация
ˤ гортанная смычка
ˀ звонкость
ˇ глухость

ДЛЯ ГЛАСНЫХ

˗ закрытость
˖ открытость
˘ более задняя артикуляция
˓ более передняя артикуляция
ː долгота
ˑ полудолгота
˘ краткость
ˈ сильное ударение
ˌ слабое ударение

ВОЗМОЖНЫЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ МОДИФИКАЦИИ ЗВУКОВ

СОГЛАСНЫЕ

p b	ɸ ʋ	f v	m̥ m																							
pʲ bʲ	ɸʲ ʋʲ	fʲ vʲ	m̥ʲ mʲ																							
pˠ bˠ																										
pⁿ bⁿ	ɸⁿ ʋⁿ	fⁿ vⁿ																								
t d	s z	ś ź	θ ð	š ž	c ʒ	č ǯ	ʃ	ʒ	n̥ n	ɲ ɲ	ɬ ɫ	ɻ ɹ														
tʲ dʲ	sʲ zʲ	śʲ źʲ			cʲ ʒʲ	čʲ ǯʲ			n̥ʲ nʲ	ɲʲ ɲʲ	ɬʲ ɫʲ	ɻʲ ɹʲ														
tˠ dˠ					cˠ ʒˠ	čˠ ǯˠ																				
tⁿ dⁿ	sⁿ zⁿ	śⁿ źⁿ			cⁿ ʒⁿ	čⁿ ǯⁿ																				
k g	q ɢ	x ɣ	h ɦ	p̥ ŋ	ʁ ʀ																					
kʲ gʲ		xʲ ɣʲ		ŋ̥ ŋʲ																						
kˠ gˠ																										
kⁿ gⁿ																										

ГЛАСНЫЕ

i ɪ ɪ̈ ɪ̣̈	ü ʉ̈	ụ ụ̈	ụ̣ ụ̣̈	u ʊ	ụ̣ u̯	e ö	ɛ œ	ä	ʌ o	ɒ ɔ	ɑ															
iː ɪː ɪ̈ː ɪ̣̈ː	üː ʉ̈ː	ụː ụ̈ː	ụ̣ː ụ̣̈ː	uː ʊː	ụ̣ː u̯ː	eː öː	ɛː œː	äː	ʌː oː	ɒː ɔː	ɑː															
iˑ ɪˑ ɪ̈ˑ ɪ̣̈ˑ	üˑ ʉ̈ˑ	ụˑ ụ̈ˑ	ụ̣ˑ ụ̣̈ˑ	uˑ ʊˑ	ụ̣ˑ u̯ˑ	eˑ öˑ	ɛˑ œˑ	äˑ	ʌˑ oˑ	ɒˑ ɔˑ	ɑˑ															
i ɪ ɪ̈ ɪ̣̈	ü ʉ̈	ụ ụ̈	ụ̣ ụ̣̈	u ʊ	ụ̣ u̯	e ö	ɛ œ	ä	ʌ o	ɒ ɔ	ɑ															

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ НА РУССКОЙ ОСНОВЕ ДЛЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ / МЕСТО ОБРАЗОВАНИЯ				Губные: губно-губные	Губные: губно-зубные	Переднеязычные: зубно-альвеолярные: дорсальные	Переднеязычные: зубно-альвеолярные: апикальные	Переднеязычные: небно-альвеолярные: какуминальные	Переднеязычные: небно-альвеолярные: палатальные	Средне-язычные	Заднеязычные: твердо-небные	Заднеязычные: мягко-небные	Увуляр-ные	Гортан-ные
СОГЛАСНЫЕ	ШУМНЫЕ	СМЫЧНЫЕ	ЧИСТЫЕ	п б		т д			т' д'		к' г'	к г	қ ғ	
			ДИАФРАКТЫ: однофокусные			ц ҷ			ц' ҷ'					
			ДИАФРАКТЫ: двухфокусные				ҭ ҵ		ҭ' ҵ'					
		ПРОТОЧНЫЕ	ЩЕЛЕВЫЕ: плоскощелевые	ф б	ф в	с з	ҫ ҙ		с' з'	й ӣ		х' г'	х г	ҳ ҕ
			ЩЕЛЕВЫЕ: круглощелевые											
			ДРОЖАЩИЕ: со средним фокусом			ҁ								
			ДРОЖАЩИЕ: с задним фокусом					ш ж	ш' ж'					
	СОНОРНЫЕ		НОСОВЫЕ	м		н				нь			ң	
			БОКОВЫЕ				л л'							
			ДРОЖАЩИЕ					р					ғ	ӏ
ГЛАСНЫЕ	УЗКИЕ		ЗАКРЫТЫЕ						ы ү ұ ү		ы ү	ы ү		
			ПОЛУЗАКРЫТЫЕ						ы̣ ү̣ ұ̣ ү̣		ы̣ ү̣	ы̣ ү̣		
	ШИРОКИЕ		ПОЛУОТКРЫТЫЕ						э ө	э	ӓ	ӓ ө		
			ОТКРЫТЫЕ						э̣ ө̣			а ө		

Приложение к таблице VII

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Для согласных

Для гласных

ВОЗМОЖНЫЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ МОДИФИКАЦИИ ЗВУКОВ

СОГЛАСНЫЕ

п̄ б̄	ф́ в́	ф́ в	м м											
п̄ б̄	ф́ в	ф́ в	м м											
п̄ б̄														
п̣ б̣	ф́ в́	ф́ в												
т д	с з	ш ж	ҫ ҙ	с	ц ҷ	ҵ ҵ	-ӣ	-ӯ	н̄ н	н̄ нь	л л	р р		
т̄ д̄	с́ з́	ш́ ж́			ц ҷ	ҵ ҵ			н̄ н́	н̄ нь	л л	р р		
т̄ д̄					ц	ҵ								
т̣ д̣	ҫ ҙ	ш ж			ц ҷ	ҵ ҵ								
к г	қ ғ	х г	ҳ ҕ	ң ҥ	ғ р									
ќ ѓ		х́ ѓ		ң ҥ										
к̣ г̣														
к̣ г̣														

ГЛАСНЫЕ

ы ү ұ ү	ы ү ұ ү	ы ү ұ ү	ы ү ұ ү	ы ү ұ ү	ы ү ұ ү	ы ү ұ ү	э ө э ө	э	а о	а о	а
ы ү ұ ү	ы ү ұ ү	ы ү ұ ү	ы ү ұ ү	ы ү ұ ү	ы ү ұ ү	ы ү ұ ү	э ө э ө	э	а о	а о	а
ы ү ұ ү	ы ү ұ ү	ы ү ұ ү	ы ү ұ ү	ы ү ұ ү	ы ү ұ ү	ы ү ұ ү	э ө э ө	э	а о	а о	а
ы̣ ү̣ ұ̣ ү̣	ы̣ ү̣ ұ̣ ү̣	ы̣ ү̣ ұ̣ ү̣	ы̣ ү̣ ұ̣ ү̣	ы̣ ү̣ ұ̣ ү̣	ы̣ ү̣ ұ̣ ү̣	ы̣ ү̣ ұ̣ ү̣	э̣ ө̣ э̣ ө̣	э̣	а̣ о̣	а̣ о̣	а̣

Е. И. Убрятова
(Москва)

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ РУССКОЙ (И МЕЖДУНАРОДНОЙ) ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРИ ОПИСАНИИ ДИАЛЕКТОВ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

Наше совещание призвано, как мне кажется, обсуждать такие вопросы, которые, представляя известную трудность в индивидуальной работе диалектолога-тюрколога, требуют коллективного, если не разрешения, то детального обсуждения.

К числу таких вопросов относятся и вопросы диалектологической терминологии.

Я столкнулась с трудностью этого рода в своей работе по диалектологии якутского языка, но, вероятно, эта трудность стояла перед многими тюркологами, изучавшими диалекты тюркских языков, и потому о ней стоит обменяться мнениями на нашем совещании.

Я занималась якутскими диалектами так же, как, вероятно, занимается на первом этапе большая часть тюркологов-диалектологов, т. е. выявляла наличие диалектных черт, давала посильное их объяснение, пыталась установить происхождение, но все это в пределах одного якутского языка.

Когда моя работа „Диалекты якутского языка (Опыт сравнительного изучения говоров Амгинского, Вилюйского и Олекминского р-нов ЯАССР“) была уже закончена, я решила посмотреть, что делают специалисты по диалектологии других тюркских языков с тем, чтобы придать своим выводам общетюркологический фон. Как раз в это время начали появляться одна за другой диалектологические работы по разным тюркским языкам. Сравнение оказалось очень полезным. Но вместе с тем оно очень затруднило работу, так как многие явления оказались гораздо более сложными, чем это представлялось тогда, когда материалы по ним рассматривались в рамках одного языка. И прежде всего встал вопрос о терминологии.

Как и в других областях исследования якутского языка, при описании различных диалектных особенностей исследователи прибегают к русской (и частично международной) диалектологической терминологии. „Диалект“, „говор“, „чередования“, „соответствия“, „аканье“, „оканье“, „ассимиляция“, „назализация“ и т. д. и т. д. — все это термины, которые имеются в диалектологических работах по якутскому языку, как и в диалектологических работах по другим тюркским языкам.

Эти же русские (и международные) термины служат основой, на которой создается диалектологическая терминология в самих тюркских языках.

Как и в других областях, общеизвестные русские (и международные) диалектологические термины нередко оказываются лишь частично пригодными для обозначения соответствующих диалектных явлений, так как сами диалектные явления тюркских языков зачастую лишь внешне напоминают аналогичные русские диалектные явления и почти всегда имеют совершенно другую фонетическую и историческую основу и степень распространения в языке.

Кроме того, следует иметь в виду и другое. Развитие диалектов в тюркских языках проходило очень неравномерно. Среди тюркских языков есть немало таких, в которых система диалектов хорошо развита, например, языки башкирский, татарский, узбекский и др., но есть и такие, в которых диалектные черты выявились очень неотчетливо. Примером такого языка может служить казахский, о наличии диалектов в котором идут споры уже не одно десятилетие.

Такая неоднородность диалектного развития в тюркских языках объясняется, по-видимому, разными историческими условиями, в которых складывались и развивались современные тюркские языки.

Может быть, я беру на себя слишком много, делая такие выводы, но у меня сложилось убеждение, что сложность диалектной системы языка находится в прямой зависимости от сложности этногенетических процессов, сопутствовавших формированию данного тюркского языка.

Тюркские языки с развитой системой диалектов чаще всего либо имеют сложные взаимоотношения с языками других семей (узбекский, татарский языки), либо сложились из племенных языков, не являвшихся близкородственными или, во всяком случае, имевших значительные расхождения (алтайский, башкирский, туркменский, хакасский и др.) В языках со сложной диалектной системой (узбекский, башкирский) диалекты образовались в результате взаимодействия с языками других семей, а также в результате взаимодействия с другими тюркскими языками.

Тюркские языки, сложившиеся из близкородственных племенных языков, как это, по-видимому, было с казахским языком, имеют слаборазвитую диалектную систему, характеризующуюся тем, что диалектные особенности не выходят за рамки общетюркских соответствий. Об этом ярко свидетельствует „Вопросник по собиранию диалектных особенностей казахского языка“ [1]. У меня даже сложилось такое убеждение, что если бы тюркские языки развивались изолированно, вне воздействия как родственных языков, так и языков других семей, вероятно, они вообще не могли бы иметь диалектов.

Что же касается образования диалектов в якутском языке, то следует иметь в виду, что своеобразие этого процесса тесно связано с особыми условиями образования самого якутского языка. Они состоят в том, что якутский язык сложился в процессе распространения в иноязычной среде какого-то древнего тюркского языка (очень близкого к языкам орхонских тюрок).

Процесс этот имел два этапа:

1) когда складывался сам якутский язык в процессе распространения тюркского языка среди монголов и эвенков;

2) когда распространялся уже сложившийся якутский язык среди, главным образом, эвенков и эвенов.

В первый период, когда складывался сам якутский язык, сложились и два его основных диалекта, отличающиеся друг от друга огубленным и неогубленным произношением гласных в определенном

---

[1] Қазақ тіліндегі диалектілік ерекшеліктерді жыйнау бойынша сұраулық. Алматы, 1956.

круге основ. Это — единственная в якутских диалектах черта, имеющая строго закрепленное территориальное распространение в пределах первоначального расселения якутов к моменту прихода на р. Лену русских.

Во второй период, начавшийся незадолго до прихода русских на р. Лену и потому хорошо отраженный в русских исторических документах, образование диалектов шло в процессе распространения якутского языка в иноязычной среде, за пределами мест первоначального расселения якутов.

Процесс этот шел быстро и очень интенсивно. С момента прихода на р. Лену русских в начале XVII в., когда якуты жили лишь на маленьком квадрате междуречья Лены, Алдана и Амги, они распространились вместе со своим языком на всей территории нынешних границ Якутской АССР и в ряде пунктов вышли за ее пределы [1].

Сейчас якутский народ обитает на огромной территории, составляющей около $^1/_6$ части территории РСФСР, в разных природных и хозяйственных условиях, по соседству с разными народами: на севере с эвенами, на западе и востоке с эвенками, на юге с русскими. Это, так сказать, внешние условия образования диалектов. Но в якутском языке имелись и внутренние условия образования местных диалектных особенностей. Как всякий смешанный язык, он содержит в себе большое число сосуществующих языковых явлений разного происхождения, особенно в области фонетики и лексики.

В области фонетики — многочисленные фонетические варианты, обусловленные, с одной стороны, общетюркской системой соответствий, с другой стороны, взаимодействием с языками других семей, а также процессом внутреннего развития самого якутского языка.

В области лексики — наличие большого числа синонимов.

Эти внешние и внутренние условия развития привели к тому, что распространявшийся из единого центра якутский язык приобретал на местах своеобразные черты, которые чаще всего состояли в том, что в данной местности закреплялись одни варианты якутского же языка, тогда как в другой — закреплялись другие.

Исключение составил лишь язык долган, которые, перейдя на якутский язык незадолго до прихода русских, в силу сложившихся исторических условий, вынуждены были отойти от якутов и жить изолированно в северной части б. Енисейской губернии (ныне Таймырский долгано-ненецкий национальный округ Красноярского края). Изолированная жизнь вызвала замедленные темпы развития языка, что привело к сохранению в языке долган большого числа более древних особенностей. А географические условия их обитания вызвали, с одной стороны, выпадение той части якутской лексики, которая оказалась излишней в силу отличий в хозяйственном укладе (например, выпали все названия крупного рогатого скота и лошадей, названия сельскохозяйственных орудий и продуктов, которых долгане не имели и т. п.), с другой стороны, в процессе изолированной от якутов жизни многие якутские слова приобрели у долган новое значение. Например: молоко называется словом *эмий* „вымя, грудь". В якутском языке „молоко" называется *үүт*.

Следовательно, если сравнить образование диалектов в якутском языке с образованием диалектов в таком языке, как хакасский, то будет видно, что оно шло диаметрально противоположными путями. Хакасские диалекты исторически представляют собой языки тюрк-

---

[1] Этот процесс хорошо прослежен по документам в работах Б. О Долгих. См. напр., его статьи: „О некоторых этногенетических процессах (переселение народов и распространение языков) в Северной Сибири", Советская этнография, 1952, № 1; „Расселение народов Сибири в XVII в.", Советская этнография, 1952, № 3.

ских племен, постепенно объединившихся в процессе длительной совместной жизни в одну народность, имеющую сейчас общий литературный язык[1], тогда как якутские диалекты возникли в процессе распространения якутского языка в иноязычной среде.

Диалектные особенности якутского языка в области фонетики можно разделить на общетюркские и собственноякутские.

Общетюркские фонетические диалектные особенности наблюдаются, главным образом, в области гласных и смычных согласных.

Примером диалектных особенностей в области гласных может служить соответствие *и — э*. Оно наблюдается в следующих словах: *силии — сэлии* „костный мозг" (ср. кирг. *жилик* „трубчатая кость"; тат. *җилек* „мозг"), *тирии — тэрии* „кожа" (ср. кирг. *тери*; башк. *тире*), *илии — элии* „рука" (ср. хак. *ілігі* „ширина пальца", кирг. *эли*), *иринньэх — эринньэх* „хилый" (кирг. *эринчээк*, хак. *ірінчек* „лентяй").

Как показывают примеры, приведенные для сравнения из других тюркских языков, это соответствие имеет общетюркскую основу[2]. Соответствие *и — э* имелось и в древних тюркских языках. Так, в „Памятниках древнетюркской письменности" С. Е. Малова соответствие *i — ä* отражено в словах *älig* (М. 360), *ilig* (М. 380) „рука", *ärinčäk — ärinčik* „тягостный", *irinčik* „мучительный" (М. 381), которые соответствуют некоторым из приведенных выше якутским (и тюркским) словам.

В области консонантизма таким же является соответствие *б — м*, давно отмеченное в тюркологической литературе[3]. В якутском языке оно наблюдается, например, в следующих словах: *муус — буус* „лед", *умат — убат* „жечь", *мутук — бутук* „сук, ветка".

Соответствие *б — м* распространилось в якутском языке и на некоторые слова, заимствованные из русского языка. Например: *муоһа — буоһа* „вожжи", *мытыыкка — бытыылка* „бутылка" и др.

В некоторых диалектологических работах по тюркским языкам, вышедших за последние годы, это соответствие также отмечено как диалектное, например, в алтайском[4], башкирском[5], каракалпакском[6], казахском[7], киргизском[8], кумыкском[9], татарском[10] и некот. др.

---

[1] Н. Доможаков. Состояние развития хакасского литературного языка в свете учения И. В. Сталина о языке. Сб. „Вопросы хакасского языка и литературы". Абакан, 1955, стр. 16—17.

[2] См., напр., W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. Spb., 1897, Wörterbuch. П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. Записки Восточного Отделения Имп. Русского Археологического общества. СПб, 1899, т. XII, вып. II и III, стр. 21—24; A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, S. 49, § 20; М. Рясянен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 56, 81.

[3] O. Böhtlingk. Über die Sprache der Jakuten. Jakutische Grammatik, Spb., 1851, S. 173, § 172; W. Radloff. Phonetik der nördlichen Türksprachen, Leipzig, 1882, S. 152; его же. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV. СПб. 1911, слова на буквы Б и М; М. Рясянен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 148.

[4] Н. А. Баскаков. Очерк грамматики ойротского языка в книге: Н. А. Баскаков и Т. М. Тощакова. Ойротско-русский словарь. М., 1947, стр. 222.

[5] Х. Г. Юсупов. Асинский говор башкирского языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1955, стр. 5.

[6] Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. II. М., 1952, стр. 80.

[7] Н. Т. Сауранбаев. Диалекты в современном казахском языке. Вопросы языкознания. 1955. № 5, стр. 43.

[8] И. А. Батманов. Современный киргизский язык, ч. I. Фонетика. Фрунзе, 1954, стр. 79; Г. Бакинова. Кыргыз тилинин Ош говорлору. Фрунзе, 1956, стр. 33.

[9] Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 17.

[10] Н. Б. Бурганова. Особенности говора татар нагорной стороны ТАССР. Сб., Материалы по диалектологии. Казань, 1955, стр. 45; Д. Г. Тумашева. Некоторые фонетические особенности тюменского диалекта татарского языка. Там же, стр. 165; А. А. Юлдашев. Говор тептярей Учалинского р-на Башкирск. АССР. Сб. посвящ. В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953, стр. 336.

Указанное соответствие хотя и имеется во многих тюркских языках, однако распространяется на небольшое число слов, которые часто не совпадают по разным тюркским языкам. Это отмечено и в других тюркских языках. Так, например, на это указывает Н. К. Дмитриев в „Грамматике кумыкского языка“ [1].

В отличие от системы смычных согласных, которая в якутском языке развита полнее, чем в других тюркских языках за счет того, что в смычные перешла звонкая и носовая аффриката, система проточных согласных якутского языка и очень бедна (всего 6 согласных: *с*, *й*, *$\tilde{й}$*, х, *ҕ*, *h*) и смещена по сравнению с общетюркской. Поэтому в области проточных согласных общетюркских соответствий очень мало.

Одним из весьма любопытных соответствий, связывающих якутский язык с языками древнетюркских памятников бассейна р. Орхон, является соответствие *й — $\tilde{и}$ — нь*, проявляющееся в тех же словах, в каких оно нашло отражение в древних языках, ср., например: як. *$\tilde{а}$йыы — айыы — аньыы* „грех“ — др.-тюрк. *ajуγ — $\tilde{а}$пуγ*; *хан- — хань- — х$\tilde{а}$й- — хай-* — основа косвенных и производных форм вопросительного местоимения, ср. др.-тюрк. *qai- — qan-*; як. *куй$\tilde{а}$* „очень маленький“ — др.-тюрк. *qiña — qija*.

Особенность диалектных черт якутского языка составляет то, что фонетические соответствия проявляются лишь в отдельных словах, а не проходят последовательно по всему лексическому составу языка. Варианты слов, в которых проявляется данное фонетическое явление (например, *буус — муус* „лед“), широко распространены и повсеместно известны. Местные говоры отличаются друг от друга лишь частотой употребления того или иного варианта. Например, в трех изученных мною районах слово *муус — буус* „лед“ употребляется следующим образом:

Ашгинский р-н — *муус*;

Вилюйский р-н — *муус* — *буус* с преобладанием формы *буус*;

Олекминский р-н — преобладает *муус*, хотя вариант *буус* дан также многими.

Это, по-видимому, и послужило причиной того, что многие считают, что в якутском языке нет диалектов.

Впервые это было высказано О. Н. Бётлингком во „Введении“ к его знаменитому труду „Über die Sprache der Jakuten“ [2]. Но в этом же труде акад. О. Н. Бётлингк привел почти все случаи соответствий, встречающихся в якутском языке.

Л. Н. Харитонов в своей книге „Современный якутский язык“ также отметил, что в якутском языке нет диалектов, хотя встречается довольно много случаев колебания в произношении тех или иных слов [3]. Особенно категорично эта мысль выражена в статье А. Мординова и Г. Санжеева „Некоторые вопросы развития младописьменных языков народов СССР“ [4].

Эти высказывания существуют наряду с трудами по якутскому языку, в которых выявлены богатейшие материалы по диалектологии якутского языка. Такими являются, прежде всего, „Словарь якутского языка“ Э. К. Пекарского и собрания фольклора, опубликован-

---

[1] Назв. соч., стр. 17.

[2] См. русский перевод „Введения“: О. Бётлингк. О языке якутов; Опыт исследования отдельного языка в связи с современным состоянием всеобщего языкознания. Ученые записки Академии наук по первому и третьему отделениям. Т. I, вып. 4, СПб, 1853, стр. 446.

[3] Назв. соч., стр. 11—12.

[4] Журн. „Большевик“, 1951, № 8, стр. 56.

ного им же [1]. Последние представляют собой записки текстов, сделанные в разных местах разными людьми и точно отражающие местное якутское произношение. Все эти материалы широко использованы в „Словаре якутского языка" Э. К. Пекарского.

Такое несоответствие высказываний ученых с имеющимися богатейшими диалектными материалами, возможно, происходит оттого, что термин „диалект" употребляется ими в разных значениях.

Собственно, с различными значениями он употребляется и в русской диалектологии.

Так, Р. И. Аванесов в статье „Диалект" (БСЭ, 2 изд., т. 14, стр. 264) пишет, что этот термин „в общем языкознании обозначает местную разновидность языка безотносительно к объему обозначаемого им понятия". В русской научной традиции термин „диалект" употребляется и в значении наречия (широкое понимание термина) и в значении „говора" (более узкое понимание термина). В советском языкознании термином „диалект" выражают понятие, по объему среднее между понятием „наречие" и „говор". Я в своей работе пользуюсь термином „диалект" со значением „местная разновидность языка без отношения к наречию и говору". Делается это потому, что по диалектам якутского языка до сих пор еще только собирались материалы. Собранный материал подвергся лишь первичной обработке. Опубликованные и неопубликованные описания [2] давали характеристику этих материалов без отношения к материалам, собранным в других местах республики. Вопросами классификации говоров якутского языка сейчас только начал заниматься П. П. Барашков. Дальнейшее покажет, что представляет собой диалектная система якутского языка. Но уже и сейчас видно, что в этой системе будут как мелкие, так и крупные диалектные подразделения. Так, например, язык долган, упомянутых выше, представляет собой настолько своеобразный диалект якутского языка, что его приходится считать стоящим на грани перехода в самостоятельный язык.

На данном этапе изучения якутских диалектов можно заниматься исследованием самих диалектных расхождений, их происхождением, распространенностью в языке без выявления диалектной системы языка. Но термин „диалект" сейчас совершенно необходим, так как он является основным понятием диалектологии.

И когда говорят, что в языке есть диалектные расхождения, но нет диалектов, то очень трудно связать эти утверждения между собой. Если есть диалектные расхождения, то должны быть и диалекты, если же нет диалектов, то и расхождения будут недиалектные.

Якутские диалектологи избегают термина „диалект" и пользуются только термином „говор". Это подчеркнуто, например, в заголовке анкеты — „Анкета по изучению говоров якутского языка". Но это также неудобно, так как в русской диалектологической терминологии „говором обычно называют самую мелкую, далее неделимую языковую единицу" [3]. Термин „говор" соотнесен с термином „наречие", обозначающим „совокупность говоров, обладающих некоторыми общими признаками, представляющая в то же время лишь

---

[1] Образцы народной литера уры якутов, собранные Э. К. Пекарским. Вып. 1—5, СПб, 1907—1911; Образцы народной литературы якутов, издаваемые под ред. Э. К. Пекарского, т. II. Образцы народной литературы якутов, собранные И. А. Худяковым. Вып. 1—2, СПб, 1913—1918; Образцы народной литературы якутов, собранные В. Н. Васильевым. Вып. I, II. 1916.

[2] См., например, П. П. Барашков. Особенности говора якутов Орджоникидзевского района. Ученые записки. Якутский филиал АН СССР, Институт языка, литературы и истории. Вып. 3, Якутск, 1955, стр. 150.

[3] П. С. Кузнецов. Русская диалектология. М., 1951, стр. 3.

часть данного языка"[1]. Таким образом, термины „говор" и „наречие" имеют вполне определенное содержание и соотнесены друг с другом в системе. Термин же „диалект" в русской научной литературе употребляется как в более широком значении наречия, так и в более узком значении говора. Некоторые ученые под диалектом имеют в виду понятие, среднее по объему между понятиями говора и наречия[2].

Довольно сложно обстоит дело с диалектологической терминологией и в других случаях.

Так, в работах по якутской диалектологии не имеют закрепленного термина общетюркские переходы звуков.

Академик О. Н. Бётлингк, первым обративший на них внимание, называл их обменом (Wechsel)[3].

В „Вопроснике" эти переходы назывались *атастааһын*[4] „взаимная замена (звуков)".

Л. Н. Харитонов называет их очень осторожно — „Фонетически необусловленная вариация звуков[5]".

По-видимому, в „Анкете" переходы звуков были названы „вариациями"[6] под влиянием терминологии, принятой Л. Н. Харитоновым.

П. П. Барашков в своем описании говора якутского населения Орджоникидзевского района переходы гласных называл термином „чередование"[7]. На первом этапе своей работы я также пользовалась этим термином, так как значение русского слова „чередование" очень подходит для передачи фонетических переходов якутского языка, строго обусловленных его фонетической системой так же, как и всякого другого тюркского языка. Поэтому этот термин имеет довольно широкое распространение в диалектологических работах по тюркским языкам[8], но он имеет и очень существенное неудобство. Оно состоит в том, что в русистике термином „чередование" обозначаются исторические изменения звуков, приобретшие в языке морфологическое значение[9] (ср. муха — мушка, твердить — твержу).

Второе неудобство русского термина „чередование" в применении к якутскому языку, как к одному из языков тюркской семьи, состоит в том, что все общетюркские изменения звуков в якутском языке не выходят из рамок общеизвестных фонетических соответствий, определенных общетюркской фонетической системой. Разграничить общетюркские внутриязыковые чередования и общетюркские же межъязыковые соответствия невозможно. Так, например, соответствие *б — м* или *и — э*, о которых уже шла речь, можно наблюдать и как соответствие между разными тюркскими языками, и как соответствие, наблюдаемое в одном языке, но в разных его диалектах, и наконец, как соответствие внутри говора.

---

[1] П. С. Кузнецов. Русская диалектология. М., 1951, стр. 3.

[2] Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. Ч. I., М., 1949, стр. 11.

[3] O. Böhtlingk. Über die Sprache der Jakuten. Jakutische grammatik. Spb., 1851, S. 127.

[4] П. П. Барашков, И. И. Барашков. Сахатылын диалектологическай ыйытыҥҥыга. В. Н. Чемезов уопсай редакциятынан. Якутскай, 1940.

[5] Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, стр. 79, § 47.

[6] П. П. Барашков и И. И. Барашков. Анкета по изучению говоров якутского языка. Якутск, 1953.

[7] П. П. Барашков. Особенности говора якутов Орджоникидзевского района. Ученые записки. Якутский филиал АН СССР. Институт языка, литературы и истории, вып. 3. Якутск, 1955, стр. 155.

[8] См. например, статьи по диалектологии татарского языка в сб. „Материалы по диалектологии". Казань, 1955.

[9] П. С. Кузнецов. О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке. Известия АН СССР, ОЛЯ, 1952, т. XI, в. I, стр. 61.

Наконец, есть и третье неудобство в применении термина „чередование" для обозначения диалектных переходов звуков. Оно состоит в том, что во многих тюркологических работах термин „чередование" применяется для обозначения переходов гласных (и согласных) по законам сингармонизма. В этом значении им пользовался Е. Д. Поливанов[1] и некоторые другие тюркологи[2]. По-видимому, Е. Д. Поливановым были введены сложные термины — лингвально-сингармонистические чередования[3] и лабиально-сингармонистические чередования[4], употребляемые и теперь некоторыми тюркологами[5].

Поэтому я пришла к выводу, что правильно поступил Н. А. Баскаков, который в своем описании диалектов каракалпакского языка все общетюркские переходы звуков назвал соответствиями[6]. Правда, он берет их очень широко, включая и все комбинаторные изменения звуков, почему у него и даны подразделения: 1) спонтанные соответствия и 2) комбинаторные соответствия. Я не уверена, что комбинаторные соответствия так же следует включать в число общетюркских соответствий, поскольку эти изменения звуков выражаются другими терминами (ассимиляция, диссимиляция, озвончение, оглушение, назализация и т. п.).

В своей работе я пользуюсь термином „соответствие" с уточняющими определениями „межъязыковое соответствие", „междиалектное соответствие", „внутридиалектное соответствие". Эти уточняющие определения показывают, в каких рамках наблюдается данное соответствие.

Кроме общетюркских диалектных особенностей, в диалектах якутского языка имеются такие диалектные особенности, которые в других тюркских языках не отмечались.

Собственноякутские диалектные особенности в области фонетики представляют собой либо дальнейшее развитие общетюркских фонетических явлений, либо явления, развившиеся на якутской почве вне связи с аналогичными явлениями других тюркских языков.

К числу первых относится, например, соответствие дифтонгов и широких долгих гласных (*төрөө- — төруо-* „родиться", *өрөө- — өруө-* „проводить день, дневать" и т. д.)

Хотя те и другие не являются характерными для всех тюркских языков и, вероятнее всего, возникли и развились в якутском языке в связи с общим характером якутского вокализма, они, тем не менее, не выпадают из общих норм соотношения гласных в тюркских языках (например, соотношения огубленных и неогубленных гласных, передних и задних и т. д.).

Поэтому соотношение дифтонг — широкий долгий гласный является как бы естественным продолжением существующих в тюркских языках линий противопоставления гласных.

---

[1] См., например, Е. Д. Поливанов. Узбекская диалектология и узбекский язык. Ташкент, 1933, стр. 12.

[2] См., например, А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948, стр. 22.

[3] См., например, Е. Д. Поливанов. Образцы не-сингармонистических (иранизованных) говоров узбекского языка. Доклады Академии наук СССР — В., Л., 1928, № 14, стр. 311.

[4] Там же.

[5] См., например, И. А. Батманов. Фонетическая система современного киргизского языка. Фрунзе, 1946, стр. 73; его же. Современный киргизский язык, ч. I. Фонетика. Фрунзе. 1953, стр. 67; В. В. Решетов. О диалектологическом атласе узбекского языка. Второе региональное совещание по диалектологии тюркских языков (Тезисы докладов). Казань, 1958, стр. 17.

[6] Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология, ч. I. (Части речи и словообразования). М., 1952, стр. 40.

К числу диалектных особенностей, развившихся на якутской почве и не имеющих аналогии в других тюркских языках, относятся так называемые „аканье" и „оканье", составляющие основные диалектные особенности якутского языка и имеющие территориальную закрепленность в местах первоначального расселения якутов.

„Аканьем" и „оканьем" эта диалектная особенность названа лишь по внешнему сходству с аналогичным явлением в русском языке. Но она не имеет ничего общего с русским „аканьем" и „оканьем" ни по своей фонетической природе, ни по своему распространению в языке.

Русское „аканье" и „оканье" — это неразличение (аканье) или, наоборот, различение (оканье) безударного *а* и *о*[1]. Оно проходит по всему лексическому материалу данного говора. Якутское „аканье" и „оканье" — это неогубленное и огубленное произношение небольшого числа слов тюркского и монгольского происхождения, имевших исторически смешанный по огубленности и неогубленности состав гласных по отношению к ныне действующим законам гармонии гласных. Ср. например:

як. *хотун — хатын* (др.-тюрк. катун);

як. *соруй- — сарый-* „посылать" (письм. монг. zaru- „посылать с поручением, использовать для услуг");

як. *өлүөр — элиэр* „здоровый" (письм. монг. *cregūl*);

як. *сөрүүн — сэриин* „прохладный" (письм. монг. *serigūn*).

Как показывают приведенные выше примеры, гармонию гласных в этих словах можно установить либо по гласному первого слога, и тогда возникли неогубленные варианты *(хатын, сарый-, элиэр, сэриин)*, либо по гласному второго, последнего слога, и тогда возникли огубленные варианты *(хотун, соруй-, өлүөр, сөрүүн)*. Как видим, здесь не только „аканье" и „оканье", но и „э-канье" и „ө-канье", так как это явление распространяется как на слова с гласными заднего ряда, так и на слова с гласными переднего ряда. Сюда же может быть включена и двойная по ряду гласных огласовка слов монгольского происхождения, исторически имевших состав гласных, смешанный по ряду *(и — а)*, ср. монг. *nirai* „новорожденный младенец", як. *ньирэй — ньырай*, монг. *čirai* „лицо", як. *сирэй — сырай*.

Таким образом, термины русской диалектологии „аканье" и „оканье" здесь непригодны, так как они в якутском языке обозначают совершенно несопоставимое с русским явление. Но термин этот имеет у нас некоторое хождение и в работах по якутскому языку[2], и в работах по другим тюркским языкам. Так, например, он широко применялся в узбекской диалектологии. Правда, такой тонкий фонетист, каким был Е. Д. Поливанов, вводил его или в кавычках или с ограничивающим определением „так называемое"[3], но сейчас этот термин употребляется без такого уточнения[4]. Между тем, это „оканье" также очень мало похоже на русское „оканье". Произношение *а* с огублением в узбекском языке объяснялось разными причинами. Е. Д. Поливанов объяснял его происхождение влиянием иранского субстрата, почему и называл эти говоры иранизованными и иранизиро-

---

[1] П. С. Кузнецов. Русская диалектология. М., 1951, стр. 39.

[2] См., например, А. Е. Кулаковский. Аакайдыыр икки, оокойдуур икки тыллар биримиэрдэрэ. Статьи и материалы по якутскому языку. Якутск, 1946, стр. 89; П. П. Барашков. Звуковой состав якутского языка. Якутск. 1953, стр. 73.

[3] См., например, Е. Д. Поливанов. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент, 1933, стр. 31.

[4] См., например, В. В. Решетов. О диалектологическом атласе узбекского языка. Второе региональное совещание по диалектологии тюркских языков (Тезисы докладов). Казань, 1958, стр. 17, карта 2.

ванными[1]. Позднее доказывалось, что в данном случае нельзя все объяснить влиянием иранского субстрата, что большая часть происходящих в узбекских диалектах переходов *а* в *о* объясняется обычными для тюркских языков комбинаторными изменениями, происходящими под влиянием увулярных и губных согласных[2]. Такие явления можно наблюдать и в других тюркских языках, например, башкирском и даже якутском[3]. В башкирском языке, действительно, установлено комбинаторное огубление *а* первого слога под влиянием глубокозаднеязычных согласных[4]. Огубление *а* под влиянием губных согласных отмечено в некоторых диалектах азербайджанского языка[5]. Но эти случаи комбинаторного огубления едва ли помогут объяснить переход *а* в *о* в узбекском языке в таких словах, как *ат* „лошадь", *ата* „отец". Так как и в якутском, и в башкирском, и в азербайджанском и, конечно, в узбекском огубление *а* вызвано совершенно разными причинами и наблюдается в разных словах, то лучше каждый из отмеченных случаев называть не общими русскими терминами „аканье" и „оканье", которые не подходят ни к одному из указанных выше случаев, а особыми терминами, исчерпывающе характеризующими только один случай.

Некоторые диалектные особенности якутского языка определяются по своему результату, тогда как правильней было бы называть явление по вызвавшей его причине. Так, например, в „Анкете" как вариация *б—м* рассмотрен переход *б* в *м* в слове *баҕана — маҕана — маңана* — „столб"[6], тогда как здесь правильнее было бы говорить об особом случае ассимиляции — назализации, осуществляемой на расстоянии (через два слога или в соседнем слове через гласный). Такая назализация наблюдается в якутском языке очень часто и диалекты отличаются между собой степенью проявления ее. Так, например, наши материалы по слову *баҕана — маҕана — маңана* показывают, что степень назализации в этом слове в разных районах разная. В Амгинском районе большая часть записей (7 из 11) отразила вариант *маҕана*. В Олекминском районе, напротив, преобладал (34 записи из 36) вариант *баҕана*, т. е. назализация в данном слове почти не проявлялась. В Вилюйском же районе отмечены все три варианта: *баҕана* (13 записей), *маҕана* (7 записей), *маңана* (11 записей). Иными словами вариант *баҕана* зарегистрирован лишь на две записи чаще, чем вариант *маңана*. Этот вид ассимиляции отмечается и в других языках[7], но в диалектологических работах очень часто соответствие *б — м* и случаи межслоговой назализации не разграничиваются[8].

---

[1] Назв. соч., стр. 10—25.

[2] В. В. Решетов. Общая характеристика особенностей узбекского вокализма. Труды Института языка и литературы им А. С. Пушкина АН УзССР, вып. I. Ташкент, 1949, стр. 18; Ф. Абдуллаев. К вопросу об оканье в узбекском языке. Сб. Материалы по узбекской диалектологии. I. Ташкент, 1957, стр. 263—268.

[3] Справедливые возражения против этой ссылки см. в заключительном слове Б. А. Серебренникова на расширенном заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР, 17—19 февраля 1955 г., посвященного дискуссии о теории субстрата. Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, 1956, № 9, стр. 160.

[4] Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 8.

[5] М. Ш. Ширәлиев. Бакы диалекти. Бакы, 1957, стр. 17.

[6] Анкета по изучению говоров якутского языка. Якутск, 1953, стр. 25.

[7] Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М. — Л. 1940, стр. 11; И. А. Батманов. Фонетическая система современного киргизского языка, 2-е изд., Фрунзе. 1946, стр. 172; Современный киргизский язык, ч. I. Фонетика. Фрунзе, 1953, стр. 147.

[8] См., например, Казак тіліндегі диалектілік ерекшеліктерді жыйнау бойынша сұраулык. Құрастырушылар: Ж. Досқараев, Ш. Сарыбаев. Жауапты редактор С. К. Кенесбаев. Алматы, 1956, стр. 10.

В некоторых тюркских диалектах межслоговая назализация сопровождается утратой носового характера назализующими согласными. Например, слово *матаӈа* (назв. кожаной сумы) в Олекминском районе произносится *батаӈа*. В этом случае *ӈ* переходит в *ӈ* под влиянием начального *м-*, который перешел в чистый смычный согласный *б-*. Межслоговая назализация с последующей утратой носового характера у назализующего согласного, по-видимому, составляет особенность якутского языка, отличающую его от других тюркских языков. Ср., например, слово *егин* „плечо". В этой форме оно встречается только в немногих языках (лобнорский, тувинский, туркменский). В большей части тюркских языков в этом слове произошли другие фонетические изменения (начальное *е-* перешло в *и-*, *г-* перешло в *й-*, произошли различные стяжения: *иін* — казах.; *иин* — к.-калп.; *ийин* — кирг., ног.; *иӈбаш* — башк. и татар.). В якутском языке это слово входит в состав сложного названия *энил бас* „верхняя часть плеча". Но С. Е. Малов отметил это явление в хамийском наречии уйгурского языка в слове *егін* „одежда", которое имеет там два варианта *егін — еӈіл*[1]. Вероятно, если внимательно присмотреться, это явление может встретиться и в других тюркских языках. То, как у меня охарактеризовано это явление — „назализация с последующей утратой носового характера у назализующего согласного", — конечно, не может служить названием. Но как назвать это явление коротко, я не знаю.

Наряду с явлениями, не имеющими разграничения (соответствие *б — м* и назализация), в якутском языке, как и в других тюркских языках, встречается большое число фонетических явлений, рассматриваемых обычно изолированно, тогда как они имеют общую основу. Я имею в виду многочисленные явления ассимиляции, диссимиляции, метатезы, выпадения гласных и согласных, вставки гласных, связанные с правилами сочетаемости сонорных согласных между собой и с другими согласными. Вероятно, нет тюркского языка, в котором имелись бы последовательно проходящие по всему языку единообразные правила сочетаемости сонорных согласных, как и нет языков, в которых бы полностью совпали все правила сочетаемости сонорных между собой и с другими согласными.

В якутском языке общей закономерностью является только то, что чистые сонорные не могут сочетаться ни друг с другом, ни с носовыми сонорными согласными. В сочетаниях же сонорных со смычными так много различных правил, что об общих фонетических закономерностях здесь совершенно невозможно говорить.

В якутском языке правила сочетаемости сонорных согласных разграничены по частям речи и по частям слова. Так, например, начальный *л-* аффикса *-лар*, присоединяясь к основам на *-р* в именах существительных, переходит в *д-* (*үөр-дэр* „стада" из *үөр* + *-лэр*). Здесь происходит диссимиляция, состоящая в том, что начальный согласный утрачивает свою сонорность. Присоединяясь к глагольной форме (причастию на *-ар*), начальный *-л* аффикса *-лар* сохраняется и ассимилирует конечный *-р* глагольной формы (*үөрэр* „радуется", *үөрэллэр* „радуются").

Правила сочетаемости сонорных в основе слова и на стыке конечного согласного основы и начального согласного аффикса также различаются.

Так, например, начальные согласные аффиксов, начинающиеся на *-л* и *-т* после носовых согласных переходят в *-н*: *кулун-наах* „имеющий жеребенка" от *кулун* „жеребенок" + *-лаах*; *кулун-нааӈар* по сравнению с жеребенком" от *кулун* + *-тааӈар*; *куһаӈан-*

[1] С. Е. Малов. Уйгурский язык. Хамийское наречие. М.—Л., 1954, стр. 148.

ных „плохо“ от *куһаҕан* „плохой“ + *-тык*. А внутри основы сочетания *-нт-*, *-нд-* возможны: *андаҕай-* „клясться“, *антах* „в сторону“.

В коротком докладе невозможно перечислить все закономерности сочетаемости сонорных согласных между собой и другими согласными. Приведенные примеры показывают, что в якутском языке они очень дробны. Это свидетельствует о том, что они вызваны не фонетическими причинами, а скорее какими-то традициями, установившимися в каждом случае особо. Эта традиционность как бы подчеркивается тем, что в местных диалектах правила сочетаемости сонорных остаются неизменными, за исключением сочетаний сонорных со смычными в некоторых неразложимых основах [1].

Но в других тюркских языках, например, в башкирском, каракалпакском, правила сочетаемости сонорных между собой и со смычными на стыке конечного согласного основы и начального согласного аффикса различаются по диалектам. Так, например, в книге Н. А. Баскакова „Каракалпакский язык“, т. II, приведены примеры, из которых видно, что начальный *-л* аффикса *-лар* после основ на *-н* в литературном языке остается без изменения (*тонлар* „шубы“). В юго-западном диалекте он, сохраняясь, может ассимилировать конечный *н* основы (*тонлар* || *толлар*), а в северо-восточном диалекте, напротив, ассимилируясь, — переходить в *н* (*тонлар* || *тоннар*) [2].

В том же аффиксе *-лар* в диалектах некоторых тюркских языков проявляется и другое. Так, А. П. Поцелуевский отметил выпадение конечного *-р* в аффиксе множественного числа *-лар* в диалектах туркменского языка гоклен, нохури, анаули (*ogulla* вм. *ogullar* „юноши“, *aadamla* вм. *aadamlar* „люди“). В диалекте теке такое выпадение конечного *-р* аффикса *-лар* наблюдается только в форме родительного падежа (*aadamlaŋ* вм. *aadamlarьŋ*) [3].

Начальный *-л* аффикса в ташкентском говоре узбекского языка ассимилирует другие сонорные, и конечный *-р* этого аффикса выпадает [4]. Здесь мы также наблюдаем особый случай правил сочетаемости (точнее сочетаемости и несочетаемости) сонорных. И в туркменском, и в узбекском начальное *-л* аффикса *-лар* индифферентно к конечному сонорному согласному основы. Но конечное *-р* аффикса, по-видимому, не выносит соседства *-л*. Это и вызывает неустойчивость сонорных согласных, отмеченную для некоторых языков Н. К. Дмитриевым [5].

Если рассмотреть случаи метатезы в диалектах тюркских языков, то они также чаще всего приходятся на сонорные согласные [6].

Таким образом, сочетаемость (и несочетаемость) сонорных между собой и с другими согласными составляет характернейшую черту семьи тюркских языков. Своеобразие проявления этой черты в каждом отдельном языке требует, как мне кажется, выделения особого раздела в фонетике тюркских языков и их диалектов, посвященного этим правилам сочетаемости (и несочетаемости) сонорных согласных

---

[1] В речи якутского населения центральной Якутии вопреки правилам, действующим на стыке основы и аффикса, в некоторых неразложимых основах смычный согласный полностью ассимилирует предшествующий сонорный. Например: *отто* „середина“ — литер. *орто*, *кыддал* „холм“ — литер. *кырдал* и др.

[2] Назв. соч., стр. 89.

[3] А. П. Поцелуевский. Диалекты туркменского языка. Ашхабад, 1936, стр. 44.

[4] Я. Г. Гулямов. Из наблюдений над морфологией ташкентского говора. Сб. Материалы по узбекской диалектологии, I. Ташкент, 1957, стр. 186.

[5] Н. К. Дмитриев. Неустойчивое положение сонорных *р*, *л*, *н* в тюркских языках. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. I. Фонетика, М., 1955, стр. 279.

[6] См., например, Азәрбайчан дилинин Муган групу шивәләри. Бакы, 1955, стр. 56—58.

между собой и с другими согласными и тем фонетическим результатам, к которым эти правила приводят. Такое выделение сделает более прозрачными те фонетические переходы, какие происходят в том или ином тюркском языке в связи с этими правилами. А это, в свою очередь, потребует более четкого использования существующей фонетической терминологии. Поясню примером. В якутском языке все случаи перехода начального *-л* аффикса *-лар* относятся к ассимиляции. Так уж у нас установилось со времен Бётлингка. Но в действительности там можно наблюдать и ассимиляцию полную (*аан-нар* „двери" из *аан* + *-лар*) и ассимиляцию частичную — оглушение *-л* (*мас-тар* „деревья" из *мас* + *-лар*) и диссимиляцию (*үөрдэр* „стада" из *үөр* + *-лар*), состоящую в утрате сонорности начальным согласным аффикса *-лар*.

В своем докладе я остановилась лишь на некоторых терминах, принятых в русской диалектологии и получивших широкое распространение в диалектологических работах по тюркским языкам. Опыт применения их в якутской диалектологии показал, что они очень часто оказываются непригодными для обозначения диалектных явлений, свойственных якутскому языку, как и другим тюркским языкам. Вот почему совершенно необходимо обратить внимание всех тюркологов на разработку диалектологической терминологии.

Д. Г. Тумашева

(Казань)

ВОСТОЧНЫЙ ДИАЛЕКТ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ТАТАРСКОМУ ЛИТЕРАТУРНОМУ ЯЗЫКУ И ДРУГИМ ЕГО ДИАЛЕКТАМ

Данное сообщение не ставит целью дать теоретическое обобщение по вопросу о взаимоотношении литературного языка, диалекта и говора. Мы рассматриваем здесь совершенно частный вопрос об отношении одного из татарских диалектов к татарскому литературному языку и к другим его диалектам. Выбор именно восточного диалекта продиктован тем, что факты его значительных расхождений с литературным языком вызывают вопросы об отношении его к литературному языку, о его месте и роли среди татарских диалектов. Иногда ставится под сомнение принадлежность его к татарским диалектам.

Существующее в настоящее время деление татарских диалектов на средний, западный и восточный прочно вошло в научный обиход после выхода в свет учебника по татарской диалектологии Л. З. Заляя в 1947 г. В основу классификации татарских диалектов положен территориально-лингвистический принцип.

I. Средний диалект татарского языка распространен главным образом на территории ТАССР и БАССР, западный — это диалект татар, проживающих в Горьковской, Ульяновской, Пензенской, Саратовской, Куйбышевской и некоторых других областях (так называемый „мишарский диалект") и восточный — это диалект татар, проживающих в Тюменской, Омской и Новосибирской областях. Таким образом, под восточным диалектом татарского языка понимается наречие западносибирских татар.

Диалект западносибирских татар не является однородным. Если принять за основу классификацию В. В. Радлова, то с некоторыми добавлениями к ней восточный диалект можно разделить на несколько говоров: тюменский, тобольский, говор „заболотных" татар (северная часть Тобольского района, граничащая с Ханты-Мансийским национальным округом), усть-ишимский, тевризский, тарский и барабинский. Все эти говоры, исключая барабинский, и в территориальном, и в языковом отношении составляют компактную группу, объединенную многими общими чертами. Барабинский же говор стоит совершенно особняком. При классификации тюркских языков и диалектов акад. В. В. Радлов отнес первую группу говоров к „западным диалектам", куда вошли также татарский язык с его другими диалектами, башкирский, казахский и киргизский языки. Барабинский же диалект, наряду с алтайским, шорским и другими языками, отнесен В. В. Радловым к „восточным диалектам"[1].

[1] Radloff W. W. Phonetik der nördlichen Türksprachen, Leipzig, 1883, S. 285—287.

В данном сообщении использованы материалы по первой группе говоров: тюменскому, тобольскому, „заболотному", усть-ишимскому, тевризскому и тарскому.

Своеобразие языка западносибирских татар неоднократно отмечалось в тюркологической литературе. По выражению В. А. Богородицкого, их язык представляет переходный тип от наиболее древних языков Алтая и Восточной Сибири к более новым языкам Поволжья [1]. Поэтому этот диалект издавна привлекал и продолжает привлекать внимание тюркологов и татарских языковедов.

II. Рассмотрим отличительные особенности восточного диалекта в сравнении с татарским литературным языком [2].

Фонетические особенности диалекта

1. Полное оглушение всех шумных согласных почти во всех позициях. Вследствие этого в восточном диалекте вместо звуков *б, г, г, д, ж, з, җ,* употребляются соответственно *һ, қ, к, т, ш, с, ч: пала* (бала) [3] — ребёнок, *посау* (бозау) телёнок, *көл* (гөл) — цветок, *қосқын* (козгын) — ворон, *итән* (идән) — пол, *пәшу* (пәжу) — вянуть, *қысым* (кызым) — моя дочь, *сирәк* (зирәк) — смышленный, *чан* (жан) [4] — душа и т. д. Эта особенность носит устойчивый характер и распространяется на русские слова, которые сибирские татары часто употребляют в своей речи:

Тәқтим пар сапраньяны пашлағалы. — Есть предложение начать собрание. *Рөқсәт итең трепованье претъявить иткәле.* — Разрешите предъявить требованье (Лайтамакские юрты, Тобольский район).

Разговаривая по-русски, сибирские татары также оглушают все согласные звуки: *Вы толшны снать, таварищи калхосники, каштый свое сатание, то срока сакотофки кормоф осталось тватцать тней* (Медянские юрты, Тобольский р-н).

Хотя звуки *ғ, г* и могут подвергаться оглушению в любой позиции (*көл* вместо *гөл, түкел* вместо *түгел, йекет* вместо *егет*), все же в положении между гласными и сонорными наиболее характерным является озвончение глухих *қ* и *к* и переход их соответственно в *ғ* и *г*: *паға* (бака) — лягушка, *сағал* (сакал) — борода, *игән* (икән) — вспомогательный глагол. Остальные согласные в интервокальном положении не озвончаются, и лишь в очень редких случаях (главным образом в речи старшего поколения) можно встретить употребление в этой позиции звонких *з, ж* вместо первоначальных *с, ш*. Например: *Моныңқы атазы белән Алиш бертуған* (атасы). — Его отец с Алишем — родные братья. *Алар пик тус пулған, аралажып торған* (аралашып). — Они были очень дружны и постоянно общались друг с другом (Токузские юрты, Вагайский р-н).

В восточном диалекте имеются полузвонкие и спирантизованные согласные *б*^{п}, *б*^{в}, кроме того, под влиянием литературного языка иногда произносится звонкий *б*. Преобладающей же тенденцией попрежнему является употребление глухих согласных.

---

[1] В. А. Богородицкий. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию, Казань, 1933, стр. 54.

[2] Основой татарского литературного языка, по мнению проф. Заляя, является заказанский говор среднего диалекта. (См. докторскую диссертацию „Средний диалект татарского языка").

[3] В скобках дается литературный вариант слова в орфографическом написании.

[4] Проявление тех или иных особенностей в диалекте не всегда последовательно. Мы приводим здесь наиболее типичные случаи.

2. Восточный диалект характеризуется цоканьем, т. е. употреблением звука *ц* вместо татарского и общетюркского *ч*: *цана* (чана) — сани, *пыцак* (пычак) — нож, *цык* (чык) — выйди, *цәнцү* (чәнчү) — колоть, укалывать. Как вторичное явление встречается соответствие звука *ц* звуку *җ*: *цавап* < чавап (жавап) — ответ, *Цәмилә* (Җәмилә), *Айницамал* (Гайнижамал) — женские имена, *цәцрә* (шәҗәрә) — родословная, *бацa* (бажа) — свояк, *кәцә* (кәҗә) — коза (чаще в этом значении употребляется слово *ицке*) кинцә куца (< кенҗе хужа) — младший брат мужа и т. д.

3. Распространенным является йоканье (употребление начального *й* вместо литературного *җ*) или выпадение начального *җ*: *йел* (җил) — ветер, *йыр* (җыр) — песня, *йелəк* (җилəк) — ягоды, *йемеш* (җимеш) — фрукты, ягоды. Произношение тех же слов как *ил* (ветер), *илəк* (ягоды), *ир* (земля) и др. отмечено в Вагайском, Тарском районах и в некоторых других местах.

Пестə атны та игəтелəр, игенне тə игəтелəр тителəр. (Ат игү — запрягать лошадь звучит в литературном языке как *ат җигү*, а диалектальная форма *иген игү* — сеять хлеб соответствует литературной).

Ите төрле сəпүк тек, ибе тə пулмасын, иге тə пулмасын (жиде, жебе).— Сшей семь пар разных сапог, но чтобы не было ни ниток, ни швов (Вагайский район).

4. Ряд согласных фонем литературного языка совершенно отсутствует в данном диалекте. Это — фонемы *х, һ, ж, ф*. Они либо полностью выпадают: *ава* (һава) — воздух, *əлəк пулу* (һəлак булу) — погибнуть, *аман* (һаман) — все время; либо заменяются другими звуками: *қат* (хат) — письмо, *чан* (жан) — душа, *пайта* (файда) — польза.

Морфологические особенности диалекта

1. В восточном диалекте имеется особое прошедшее время, образованное от деепричастия на *-ып*, которое отсутствует в литературном языке: *алыпмын, алыпсың, алыпты, алыппыс, алыпсыс, алыптылар*.

Сес Қасаннан килепсес.— Вы приехали из Казани. *Əйнəгемне сындырыпсың қуй.*— Ты же сломал мои очки.

2. Глагольные времена, образованные от причастий прошедшего (*парған*) и настоящего (*паратыған// паратағын//паратыған//паратын*) времени, в большинстве говоров восточного диалекта при спряжении не принимают аффиксов лица, аналитически сочетаясь с личными местоимениями:

мин парған (вместо барганмын)
син парған (вместо баргансың)
ул парған (лит. так же: ул барган)
пес парған (вместо барганбыз) и т. д.

Таким же образом происходит спряжение настоящего длительного времени, не имеющего соответствия в литературном языке.

Мин паратыған //паратын//паратырын//паратағаи
син паратыған „ „ „
ул паратыған „ „ „

Например: *Мин Бохаратан килгəн* (килгəнмен).—Я приехал из Бухары. *Пес алартан йомыш алатыған* (алабыз).— Мы (обычно) берем у них работу (Тюменский район).

Қыстататын қунақны мин йаратмайтын. (Кыстата торган кунакны мин яратмыйм.) — Я не люблю гостя, который заставляет себя упрашивать (Вагайский район).

3. Ряд особенностей характерен для категории лица:

а) Глаголы в 3 лице единственного числа настоящего времени

принимают личный аффикс *-ты//-те*, а в некоторых говорах *-т*: *ул алаты, ул алат* (ул ала) — он берёт. *Иңкалай пармайты.* (Ңичкая бармый.) — (Он) никуда не ходит.

Форма *алаты, киләте* является наиболее распространенной. *Киләт, алат, акчасын сонат та китәт.* (Килә, ала, акчасын суза да китә.) — Приходит, берет, протягивает деньги и уходит (Лайтамакские юрты, Тобольский район).

б) В Тевризском, Тарском районах Омской области встречается употребление аффиксов лица II группы (восходящих к категории принадлежности) вместо аффиксов лица I группы: *мин парғаным, уқығаным* (вместо барганмын, укыганмын), *пес парғаныбыс, уқығаныбыс* (вместо барганбыз, укыганбыз).

Смешение двух типов личных аффиксов имеется и в настоящем времени:

Син торага параңмы? (Син шәһәргә барасыңмы?) — Ты поедешь в город? (Усть-Ишимский район).

Настоящее время в Тевризском районе спрягается следующим образом:

мин алатым (алам)
син алатың (аласын)
ул алаты (ала)
пес алатых//алатық (алабыз) и т. д.

Соң инте, пес китәтек. (Соң инде, без китәбез.) — Уже поздно, мы уезжаем. *Йә, палам, мин үләтем, пөтөрә пайлығым сәңа қалаты.* (Я, балам, мин үләм, бөтен байлыгым сиңа кала.) — Ну, сын мой, я умираю, всё мое богатство остается тебе *(из сказки).*

4. В восточном диалекте отсутствует будущее время на *-ачак.*

5. Будущее время на *-ыр//-ер, -р* отличается от литературного в отрицательной форме, а именно: 1 лицо ед. числа в диалекте имеет два варианта: *мин алман* и *мин алмасмын* (в литературном языке *мин алмам)*; 1 лицо мн. числа в диалекте: *пес алмаспыс* (в литературном языке *алмабыз).*

Күңелегескә йарарбысма, йарамаспысма? — Понравимся мы вам или не понравимся? (юрты Чебурга, Тобольский р-н). *Мин Қасан йегет пулман.* (Мин Казан егете булмам.) — Я не стану казанским парнем (Вагайский р-н, Малый Уват).

В Тобольском районе, в частности, в Лайтамакских юртах, зарегистрирована следующая отрицательная форма будущего времени: *алмарым, алмарсың, алмар. Сес песнең өйне таба алмарыс.* (Сез безнең өйне таба алмассыз.) — Вы не сможете найти наш дом. *Син мине ул эшкә саставить итә алмарсың.* (Син мине ул эшкә мәҗбүр итә алмассың.) — Ты не сможешь заставить меня выполнить эту работу.

6. Повелительное наклонение также отличается от литературного. Во 2 л. ед. числа глагол может принимать афф. *-ғын//-ген* для выражения большей категоричности приказания; 2 л. мн. числа имеет аффикс *ың//-ең//-ң.*

Син алай эшләмәген! (Син алай эшләмә!) — Ты не делай так! *Йасың, йасың, Қасаннан атай килгәч.* (Языгыз, языгыз, Казаннан махсус килгәч.) — Пишите, пишите, раз специально приехали из Казани.

7. Желательное наклонение в восточном диалекте имеет несколько вариантов, ни один из которых полностью не совпадает с литературным языком:

1 л. ед. числа: *парайын, киләйен* (барыйм, килим).

1 л. мн. числа: *парайық, киләйек*
парайың, киләйең
парайығың киләйеген } (барыйк, килик)

Қалай парайын? (Кая барыйм?) — Куда мне итти? (Куда я пойду?)

Әйтәң, паллар, патибун тыңлағалы парайығың! (Әйдәгез, егетләр, патефон тыңларга барыйк!) —Пошли, ребята, слушать патефон (Тюменский район).

8. В восточном диалекте имеется деепричастие цели, образованное при помощи аффикса *-ғалы//-гәле*: *Песнең телне аңлатқалы парғалы кәрәк* (Безнең телне аңлатырга барырга кирәк.) — Надо поехать объяснить наш язык.

Синтаксические особенности диалекта

1. Слова, образованные от местоимений и существительных при помощи аффикса *-ныңқы//-неңке* (так называемые притяжательные прилагательные и местоимения), в отличие от татарского литературного и других тюркских языков, употребляются в восточном диалекте в атрибутивной функции.

Патишаныңқы қысыныңқы воспитательницасы пулаты. (Патша кызының тәрбиячесе була.) — У дочери падишаха была воспитательница *(из сказки). Үсемнеңке тә исем китәте.* (Үземнең дә исем китә.) — Я и сам удивляюсь. *Анта рыпсаботныңқы приемный пункты пар.*— Там есть приемный пункт рыбозавода.

2. Встречается употребление безличных оборотов с оформлением глагола в страдательном залоге:

— *Тораға барасың кәрәк?* — Ты едешь в город?

— *Йох, палых антығалы ғына парып килелер.*— Нет, пойду только на рыбную ловлю (букв. „будет схожено") (Лайтамакские юрты, Тобольский р-н).

3. Распространен безаффиксальный способ связи в определительных сочетаниях:

Атын урам қапқа төптә қалтырыпты. (Атын урам капкасы төбендә калдырган.) — Он оставил лошадь у уличных ворот.

Аш өй ишек алтта. (Аш өе ишек алдында.) — Кухня во дворе.

Тауық пала (чебеш) — цыплёнок, *тәрәс шешә* (тәрәзә пыяласы) — оконное стекло и т. д.

Лексика восточного диалекта дает много расхождений с литературным языком. Существует также много вариантов между говорами этого диалекта. Например: *инә* (әни) — мать, *өннә//онна//үйә//қартнә* (дәү әни, әби) — бабушка, *оллата//қарттa//поппа* (дәү әти, бабай) — дедушка, *қортқайақ//пашлық//мама* (карчык) — старуха, *шабала* (кашык) — ложка, *сәртәк* (кишер) — морковь, *мешәк* (песи) — кошка, *қысылца//ләпләбел//ләпләп* (чөгендер) — свекла и т. д.

III. Черты восточного диалекта, отличающие его от татарского литературного языка, имеют параллели в ряде тюркских языков.

1. Преимущественное употребление глухих и полузвонких согласных, свойственное восточному диалекту, наблюдается в виде оглушения согласных в начальной позиции и озвончения их в интервокальной в алтайском, шорском, хакасском, тувинском языках. Сходное явление имеется и в чувашском языке.

2. Употребление спиранта *х* вместо общетюркского *қ* (*к*) спорадически встречается во многих татарских диалектах. В говоре „заболотных" татар восточного диалекта эта особенность носит закономерный характер: *палых* (балык) — рыба, *ых* (в др. говорах *ық*) — течение, *йох* (юк) — нет. *Толхын киймәне тирбәтәт* (дулкын).— Волна качает лодку. *Атларны харату варах.* (Атларны каратырга кирәк.) — Лошадей надо дать осмотреть. Эта особенность отмечена и в Тевризском районе Омской области. *Сыхтыйт, инәсен сахынаты.* (Елый, әнисен сагына.) — Плачет, скучает по матери.

Аналогичное явление со специфическими особенностями для каждого языка имеется в якутском, хакасском, тувинском, чувашском

языках, из южных языков — в азербайджанском и некоторых других.

3. По грамматическим особенностям восточный диалект татарского языка обнаруживает большую общность с кыпчакскими языками: казахским, киргизским, ногайским, каракалпакским, отчасти с алтайским и некоторыми другими.

а) Встречающееся в восточном диалекте причастие настоящего времени с афф. *-тығын//-тын* (*ауылға паратығын юл* — дорога, ведущая в деревню; *йырлайтын қыс* — поющая девушка) в разных фонетических вариантах употребляется в казахском, киргизском, ногайском, алтайском, каракалпакском языках.

б) Прошедшее время типа *алыпмын*, отрицательная форма будущего времени *алмасмын* и *алмаспыс*, желательный оборот *алғым киләте* (мне хочется взять) свойственны большинству кыпчакских языков.

в) Употребление местоимения *алар* для выражения множественного числа при именах собственных и терминах родства, свойственное тобольскому, тарскому и другим говорам восточного диалекта, встречается в языке румынских татар.

Например: *Қуца бабамаларға парып киләйен.* (Абыйларыма барып килим.) — Схожу-ка я к старшему брату. *Оннағысаларны күртем.* (Әбиләрегезне күрдем.) — Я видел вашу бабушку. *Сәлимҗаннар кайтты.* (Сәлимҗаннар кайтты.) — Салимджан (с товарищами) вернулся (Тобольский р-н).

Enisti alarman gengi alar, arabaman kelip, neni alarni alip kettiler.

(Җизниләр белән җиңгиләр арба белән килеп әниләрне алып киттеләр)[1].

г) В некоторых говорах сибирских татар встречается особая форма прилагательного, близкого по значению к страдательному причастию: *Айу үлүле ите.* — Медведь был мертв. *Ақйар икегә пүлүле ите.* — Деревня была разделена на две половины. Такая же форма имеется в каракалпакском и в румынско-татарском языках.

д) По употреблению афф. 3 л. ед. ч. *-ты//-те* восточный диалект сходен с казахским, ногайским, каракалпакским и др. языками; афф. *-т*, характерный для некоторых говоров этого диалекта, имеется в алтайском, киргизском языках.

е) Некоторые черты восточного диалекта можно объяснить влиянием узбекского языка, занесенного сюда бухарцами. К ним относится, например, особенность склонения слов с аффиксом принадлежности: *күпер астыға, өстәл өстетә, урын астытан* вместо *күпер астына, өстәл өстендә, сәке астыннан.*

Таких параллелей можно было бы привести множество.

IV. Было бы, однако, ошибочным думать, что восточный диалект совершенно обособлен от остальных татарских диалектов и не имеет с ними никакой общности. По целому ряду существенных фонетических, грамматических и лексических признаков восточный диалект имеет сходство со средним, ведущим диалектом татарского языка, и в особенности с его западным, мишарским диалектом. Близки к нему говоры уральских, оренбургских и других групп татар.

1. Наиболее важным признаком общности восточного диалекта со средним (и через него с литературным языком) является система гласных звуков. Как и в татарском литературном языке, в восточном диалекте шкала гласных „передвинута" таким образом, что звукам *у, ү; о, ө; ă//е, и* в словах: *қул* (раб), *күл* (зола), *қол* (рука), *көл*

[1] Из дипломной работы студента КГУ Э. Мамута „Язык румынских татар", 1958, стр. 35.

(озеро), *кәл//кел* (приходи), *ит* (собака) большинства тюркских языков в нем соответствуют: *о, ө; у, ү*; *и, е* (*i*): *қол* (раб), *көл* (зола), *қул* (рука), *күл* (озеро), *кил* (приходи), *ет* (*іт*) (собака).

Неустойчивое или параллельное употребление некоторых гласных *о//у, ә//и, ө//ү* и др. в восточном диалекте (*толқын//тулқын*; *кәмә//көймә//кимә; көлбуқа//күлбуқа* и др.) свидетельствует „о переходном" характере этого явления в языке западносибирских татар.

2. Отклонения от фонетических норм литературного языка, свойственные восточному диалекту, имеются и в других татарских диалектах.

а) Взаимные соответствия между звуками *о — у, ө — ү*, наблюдаются в среднем диалекте (заказанский, нагорный говоры): *олау* (улау), *суң* (соң), *бөген* (бүген), *көңел* (күңел), *молла* (мулла), *ояну* (уяну) и в западном диалекте (в Ульяновской, Горьковской и др. областях): *орам, он, кол, орман* (вместо урам, ун, кул, урман)[1].

б) Соответствия между *ә — и* имеются в мензелинском, заказанском, бардинском говорах среднего диалекта и в западном диалекте: *кәбән, кәртә, шәкәр* (вместо: кибән, киртә, шикәр) и *сике, синәк, фирештә* (вместо сәке, сәнәк, фәрештә).

в) Отсутствие некоторых согласных звуков в восточном диалекте, их выпадение или субституция другими звуками является также закономерностью, характерной для абсолютного большинства татарских говоров. Это — субституция звука *х* звуком *қ* (*қатын* — хатын, *рәқмәт* — рәхмәт), звука *ф* звуком *п* (*Патима* — Фатыйма), выпадение звуков *h* и *ғ* (<араб. „айн") в начале слова, распространенное во всех татарских диалектах (*ава* — hава, *әдәт* — гадәт).

г) Даже такое, наиболее специфическое явление восточного диалекта, как оглушение шумных согласных, имеет отдельные, единичные проявления в других татарских диалектах: *Әрпет* (Ирбит), *аташу* (адашу), *тигән* (дигән), *җите* (жиде) — средний диалект, уральский говор, *тага* (дага) — западный диалект.

д) Озвончение звуков *қ — к* в интервокальной позиции: *чоғыр* (чокыр), *әллә ғая* (әллә кая), *йаға* (яка), *игенче* (икенче) встречается в заказанском, параньгинском, бардинском говорах среднего диалекта.

3. Наибольшее сходство обнаруживается между восточным и западным диалектами татарского языка.

а) Оба диалекта являются цокающими (за исключением некоторых говоров западного диалекта).

б) В обоих диалектах закономерно йоканье: *йел, йер, йыр* или выпадение начального *й//ж*: *әләк* (западн. д.), *иләк* (восточн. д.), жиләк (литер.).

в) Монофтонгизация: в западном диалекте — полная, в восточном — частичная: *сүлә* (сөйлә), *үрә* (өйрә) и т. д.

г) Аффрикативное произношение звука *ч* (типа русского „ч") в отличие от его фрикативного звучания в среднем диалекте и литературном языке (близко к „шь").

д) Образование повелительного наклонения с афф. *-ғын//-ген* для выражения категоричности приказания: *барғын! килген!*

е) Наличие прошедшего типа *алыпмын*, общность желательного оборота *алгым кели* (западн. д.) и *алғым киләте* (восточн. д.)— *алачасым килә* (средний д. и литературный язык).

ж) Сохранение некоторых архаических аффиксов понудительного залога: *қыр//-кер,--қыз//-кез*; *кергез* (керт) и др.

---

[1] Здесь и в последующем изложении примеры взяты из следующих источников; Л. Жәләй. Татар диалектологиясе, Казан, 1947; Изв. КФАН. Серия гуман. наук, вып. 1, Қазань, 1955; Сб. Материалы по диалектологии, Казань, 1955.

з) В говоре мишарей Оренбургской области, кроме обычного для западного диалекта озвончения глухих согласных в соседстве со звонкими *(абдырау, шурба, аж бар, эжлэу)* отмечено также озвончение некоторых согласных в междугласном положении *(кеже, сөйлэжу, тажу)*[1].

Оба диалекта близки к языку памятника „Codex Cumanicus".

Все эти факты свидетельствуют о существовании многих общих черт между восточным и западным диалектами.

V. На языковых особенностях восточного диалекта отразились конкретно-исторические условия его формирования, развития и, в первую очередь, пестрота этнического состава сибирских татар. Опираясь на известное высказывание акад. В. В. Радлова, можно полагать, что западносибирские татары сложились в 14 — 16 вв. из смешения казахских, ногайских племен с бухарцами, привлеченными в Сибирь для развития торговли, и казанскими татарами, переселившимися в Западную Сибирь после ее завоевания русскими.

Таким образом, язык западносибирских татар является близкородственным языку казанских татар, как это мы пытались показать выше. Кроме того, язык казанских татар, явившихся одним из этнических компонентов в составе западносибирских татар, мог сыграть известную роль и в формировании западносибирского татарского наречия.

Это обстоятельство, наряду с другими причинами общественно-исторического характера (экономические и культурные связи Сибири с Казанью, массовое переселение в Сибирь казанских татар, привлеченных свободными землями, большое влияние их языка и литературы на культуру местных татар и др.) способствовали консолидации языка западносибирской татарской народности с татарским национальным языком. Процесс этот проходил длительное время и завершился, вероятно, в конце XIX — начале XX вв. в период формирования татарской буржуазной нации и сложения татарского национального языка. Окончательное закрепление литературной формы татарского языка в Сибири завершилось уже в годы советской власти. В настоящее время развитие восточного диалекта происходит под большим влиянием татарского литературного и русского языков.

---

[1] Из дипломной работы студ. КГУ А. А. Амирхановой „Говор татар Шарлыкского района Оренбургской области", 1958 г.

М. Ш. Ширалиев

(Баку)

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ АТЛАС АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

Ведущая отрасль азербайджанского языкознания — азербайджанская диалектология — в настоящее время уже в состоянии охватить те основные вопросы, которые ставятся перед современной диалектологической наукой.

Учитывая вышеизложенное, в отделе диалектологии Института литературы и языка Академии наук Азербайджанской ССР, как научном центре в деле изучения и разработки вопросов азербайджанской диалектологии, в данное время научно-исследовательская работа ведется в трех направлениях:

1) монографическое исследование диалектов и говоров азербайджанского языка;

2) составление диалектологического атласа азербайджанского языка;

3) составление диалектологического словаря азербайджанского языка.

Монографическое изучение отдельных диалектов и говоров азербайджанского языка послужило основой для осуществления работы над диалектологическим атласом азербайджанского языка, так как оно явилось богатым источником для выявления основных его диалектных различий, без чего нельзя было приступить к созданию программы по собиранию сведений для составления диалектологического атласа азербайджанского языка.

В Азербайджане изданы монографии: проф. М. Ширалиева „Бакинский диалект", коллективный труд „Говоры муганской группы азербайджанского языка". Написаны и защищены в виде кандидатских диссертаций работы: Р. Рустамова „Кубинский диалект", И. Гаджиева „Говоры Исмаиллинского района", Б. Ибрагимова „Говоры Маразинского района", А. Велиева „Говоры западных районов Апшеронского полуострова", К. Рамазанова „Сальянский диалект" и т. д.

Как видите, наиболее изученными оказались восточные группы диалектов и говоров азербайджанского языка. Поэтому отделом диалектологии нашего Института в первую очередь запланировано создание диалектологического атласа восточной группы диалектов и говоров азербайджанского языка. Эта работа начата в 1957 году и должна быть закончена в 1965 году.

На основании программы диалектологического атласа азербайджанского языка, с 1958 по 1961 гг. предусмотрен сбор материалов по 30 районам восточной части Азербайджанской ССР, а с 1961-го по 1965 гг. — картографирование диалектных различий в области фонетики, грамматики и лексики восточной группы диалектов и говоров азербайджанского языка в количестве 50 карт.

Само собой разумеется, что создание диалектологического атласа требует, в первую очередь, составления специальной программы для сбора материалов, которая охватывала бы важнейшие различия, имеющиеся между всеми диалектами и говорами азербайджанского языка. Поэтому вопросы, касающиеся особенностей только отдельных диалектов, не могут быть включены в программу атласа.

Учитывая важность этого вопроса, в 1957 году была создана программа по сбору сведений для составления диалектологического атласа азербайджанского языка, которая охватывает основные различия в области фонетики, грамматики и лексики азербайджанских диалектов и говоров. Первый вариант программы состоял из 306 вопросов, из них: 56 вопросов по фонетике, 51 — по грамматике и 199 — по лексике. Второй, последний, вариант программы был сокращен до 197 вопросов, из них: 56 вопросов по фонетике, 47 — по грамматике и 94 — по лексике.

Следует отметить, что авторы при составлении программы атласа, не имея опыта и традиции в этом вопросе не только у нас, но также и по другим родственным языкам, столкнулись с большими трудностями. Поэтому трудно сказать, что второй вариант программы является окончательным. Обсуждение нашей программы на региональных совещаниях поможет дальнейшему ее усовершенствованию.

В отличие от программы монографического исследования, в программу атласа включены только такие языковые явления, которые реализуются различно на отдельных территориях и которые, как предполагается, дадут в дальнейшем изоглоссы на картах атласа.

Составление диалектологического атласа азербайджанского языка поможет осветить и выяснить как отдельные вопросы истории азербайджанского языка, так и многие другие вопросы, связанные с его происхождением.

Известно, что азербайджанский язык оформился на базе огузских и кыпчакских племенных языков. Установление пределов распространения огузских и кыпчакских языковых явлений даст возможность, во-первых, установить продвижение этих племен и их языков и, во-вторых, степень участия этих племенных языков в образовании азербайджанского языка. Исходя из этого, в разделы фонетики, морфологии и лексики включены такие вопросы, которые дадут изоглоссы, устанавливающие пределы распространения кыпчакских и огузских языковых явлений на территории Азербайджанской ССР.

Кроме того, изоглоссы воочию покажут место азербайджанских диалектов среди других родственных языков, а также отличительные черты их от азербайджанского литературного языка.

Учитывая все это, мы включили в раздел фонетики такие вопросы, большинство которых посвящено чередованию гласных и согласных, как, например: переход *а* > *ə*: *галын* или *гəлин* (толстый), *гамыш* или *гəмиш* (камыш), *јашыл* или *јəшил* (зеленый); переход *а* > *о* (оканье): *баба* или *боба* (дедушка), *дабан* или *добан* (ступня); переход *ə* > *е*: *сəс* или *сес* (звук), *чəкмə* или *чекмə* (туфли ; переход *ə* > *ө*: *дəвə* или *дөвə* (верблюд), *нəвə* или *нөвə* (внук ; переход *у* > *ы*: *буғда* или *бығда* (пшеница); *пул* или *пыл* (деньги); переход *о* > *у*: *гојун* или *гујун* (баран), *одун* или *удун* (дрова); переход *ө* > *ү*: *көзəл* или *күзəл* (красивый), *өкүз* или *үкүз* (бык) и т. д.

На чередование согласных можно привести следующие примеры: переход *б* > *п*: *бичин* или *пичин* (жатва), *балта* или *палта* (топор); переход *б* > *м*: *буна* или *муна* (ему), *биз* или *миз* (шило); переход *д* > *т*: *диш* или *тиш* (зуб), *дүкан* или *түкан* (лавка); переход *к* > *қ*: *кечи* или *қечи* (козел), *кечид* или *қечид* (переход); переход *б* > *в*: *чобан* или *чован* (пастух), *габ* или *гав* (посуда); переход *ч* > *ж*: *бачы* или *бажы* (сестра), *гоча* или *гожа* (старик); переход *б* > *ф*: *бошгаб*

или *башгаф* (тарелка); переход ғ > х: *јарпағ* или *јарпах* (лист), *торпағ* или *торпах* (земля) и т. д.

Кроме того, как различительная черта азербайджанских диалектов в программу включены вопросы, касающиеся:

протезы звуков *ј* и *һ*, например: *еҝиш* или *јеҝиш* (спуск), *улдуз* или *јулдуз* (звезда), *арава* или *һарава* (телега), *ачар* или *һачар* (ключ), *о* или *һо* (он) и т. д.;

элизии звуков *ј*, *һ*, *р* и *л*, например: *јухары* или *ухары* (верх), *јумрух* или *умрух* (кулак), *һөрмәк* или *өрмәк* (плести), *һүрмәк* или *үрмәк* (лаять), *гуртар* или *гутар* (кончай), *отур* или *оту* (сядь), *алтмыш* или *атмыш* (шестьдесят), *милчәк* или *мичәк* (муха) и т. д.;

дифтонгов, например: *довшан* или *давшан*, *доушан*, *дојшан* (заяц), *төвлә* или *тәвлә*, *төүлә*, *төјлә* (конюшня), *сувамах* или *суамах*, *дувар* или *дуар* (стена) и т. д.

Как видно из сказанного, в разделе фонетики отсутствуют вопросы, касающиеся ассимиляции, диссимиляции согласных, протезы, элизии гласных и т. д. Это объясняется тем, что с точки зрения азербайджанских диалектов они не являются различительными чертами между ними и поэтому не дают изоглоссов на картах.

Вопросы раздела фонетики построены в двух формах: 1) „Произносится ли тот или иной звук в первом или во втором или в третьем слоге слова?“ (вопрос, касающийся чередования звуков), 2) „Каково употребление в некоторых словах звука...? (т. е. прибавляется или выпадает тот или иной звук?).

Раздел морфологии также охватывает основные различия, свойственные азербайджанским диалектам и говорам в области употребления отдельных грамматических форм.

Следует отметить, что в азербайджанском языке, как и в других тюркских языках, на основе закона гармонии гласных аффиксы бывают двухвариантные или четырехвариантные. Поэтому в примерах каждый вариант отражен в отдельном слове.

Грамматические формы, которые вошли в программу атласа, следующие.

1. Употребление аффиксов винительного падежа в именах, оканчивающихся на гласные, например: *балтаны* или *балтајы*, *балтыјы*, *балтеји* (топор), *үтүнү* или *үтүјү* (утюга), *гапыны* или *гапыјы* (дверь) и т. д.

2. Употребление притяжательного аффикса II лица в родительном, дательном и винительном падежах, например: *атанын* или *атыјын*, *атовун* (твоего отца), *атанызын* или *атајызын*, *атовузун* (вашего отца), *атана* или *атаа*, *атува* (твоему отцу), *атаныза* или *атааза*, *атовуза* (вашему отцу), *атаны* или *ата*, *атајы*, *атови* (твоего отца), *атанызы* или *атазы*, *атовузи* (вашего отца) и т. д.

3. Употребление аффиксов сказуемости II лица множественного числа, например, *бағбансыныз* или *бағмансыңыз*, *бағмансыз*, *бағмансуз*, *бағмансуз* (вы садовник).

4. Употребление аффиксов сравнительной степени имен прилагательных, например: *узун тәһәр* или *узунрах* (длиннее), *гапгара* или *гафгара* (черный-пречерный), *тумтурш* или *туфтурш* (кислый-прекислый), *ағапбаг* или *ангапбах* (белый-пребелый).

5. Употребление личных местоимений в дательном и винительном падежах, например: *мәнә* или *маңа*, *ма*, *маға*, *мәјә*, *мә* (мне), *сәнә* или *саңа*, *са*, *саға*, *сәјә*, *сә* (тебе), *она* или *оа*, *уа*, *оја* (ему), *мәни* или *мәји* (меня), *сәни* или *сәји* (тебя), *ону* или *оју* (его) и т. д.

6. Употребление аффиксов инфинитива, например: *алмаг* или *алмахлых*, *алмеҝ* (купить).

7. Употребление аффиксов повелительного наклонения I лица множественного числа и II лица единственного числа, например: *қәдәк* или *қедәқүн*, *қедәjин* (пойдем), *бах* или *бахгынан*, *бахқынан* (смотри), *де* или *деқинән*, *денән* (скажи).

8. Употребление аффиксов настоящего времени, например: *алыр* или *аладу*, *алер*, *алеj*, *алиj*, *алу*, *ала вар* (покупает).

9. Употребление аффиксов настояще-прошедшего времени, например: *гачмыш* или *гачыб*, *гачып*, *гачыф* (убежал).

10. Употребление аффиксов будуще-категорического времени во II лице, например: *қәдәчәксән* или *қәдәжәhсән*, *қедәссән*, *қедәшшән* (пойдешь), *қедәчәқсиниз* или *қедәжәhсиниз*, *қедәссиз*, *қедәшшиниз* и т. д.

11. Употребление аффиксов настояще-будущего времени в I и II лицах единственного и множественного чисел, например, *бахмарам* или *бахманам* (не посмотрю), *бахмарыг* или *бахманығ* (не посмотрим), *қәлмәзсән* или *қәлмәрсән* (не придешь), *қәлмәзсиниз* или *қәлмәрсиз* (не придете).

12. Употребление аффиксов аспекта невозможности, например: *ала билмәди* или *аламмады*, *алелмәди* (не мог купить).

13. Употребление аффиксов деепричастия, например: *дуруб* или *дурубан*, *дурубаны*, *дурубаннары* (подняв).

14. Употребление послелогов, например: *өтрү* или *өтрүн*, *өтәри* (для).

15. Употребление союза *ки*, например: *ки* или *кын*, *кин*, *күн*, *кун* (что).

Исходя из разнообразных грамматических форм, вопросы раздела морфологии сформулированы различно. Из них укажем на следующие:

1. Какие аффиксы принимают слова, оканчивающиеся на гласные, в винительном падеже?

2. Каково употребление аффиксов принадлежности II лица в родительном, дательном и винительном падежах?

3. Какие аффиксы имеют категории сказуемости во II лице множественного числа?

4. В каком виде употребляются прилагательные уменьшительной степени? (аналитически и синтетически).

5. Как употребляется личное местоимение, стоящее в родительном, дательном и винительном падежах?

6. Какими аффиксами выражается инфинитив?

7. Какие аффиксы принимают глаголы настоящего времени в III лице единственного числа?

8. Употребляется ли нижеследующая особая форма настоящего времени в III лице единственного числа?

В программе минимальное место отведено разделу синтаксиса. Это объясняется тем, что синтаксические различия между диалектами и говорами азербайджанского языка очень незначительны.

Программа охватывает следующие моменты:

1. Глаголы *башламаг* (начинать), *буjурмаг* (приказать) управляют винительным падежом, например: *ишләмәjә башлаоылар* или *ишләмәjи башладылар* (начали работать), *ушаға буjур* или *ушағы буjур* (прикажи ребенку).

2. Глаголы *хошу қәлмәк* (нравиться), *инандырмаг* (уверить), сөjмәк (ругать) управляют дательным падежом, например: *говундан хошум қәлир* или *говуна хошум қәлир* (мне нравится дыня), *сәни инандырачам* или *сәнә инандырачам* (тебя буду убеждать), *бизи сөjүр* или *бизә сөjүр* (нас ругает).

3. Управление послелогов *көрә* (для, ввиду того), *сонра* (потом, через), например: *чох олдуғуна көрә* или *чох олдуғуна* (ввиду того,

что много); *алты күндән сонра* или *алты күннән* (через шесть дней).

4. Употребление множественного числа в словосочетаниях после числительных, например: *ики гызы* или *ики гыздары* (две дочери).

5. Употребление определительных словосочетаний, например: *колхоз сәдри* или *колхоз сәдриси* (председатель колхоза), *бригаданын үзвү* или *бригаданын үзвүсү* (член бригады).

Формулировка вопросов в разделе синтаксиса по своей структуре отличается от формулировки вопросов, включенных в разделы фонетики и морфологии.

Здесь ставятся такие вопросы:

1. Употребляется ли винительный падеж взамен дательного падежа при глаголах *башламаг, бүјурмаг?*

2. Какие из нижеследующих выражений у вас употребляются?

3. Как у вас употребляются...?

Значительное место в программе занимает раздел лексики (из 197 пунктов программы лексике отведено 94 пункта). Раздел лексики охватывает как реально бытующую, так и архаическую бытовую лексику (при этом основной упор делается на архаизмы), ибо более полный охват последних даст очень ценные материалы для истории языка.

В программе лексические материалы распределены по двум разделам:

I. Различные слова при единстве значения, которые охватывают две третьих лексического материала раздела лексики. Приведем некоторые из них.

1. Устаревшие слова: название племени, клана, рода, например: *тајфа чоға, ојмах, уруғ, чом, табун, шагга, көбәкләр, сој, тағ, көк, тохум* и т. д.

2. Слова, обозначающие родственные отношения, например: *биби, мама, һәмширә* (в значении сестра отца), *језнә, күрәкән, қөј* (в значении муж сестры) и т. д.

3. Слова, обозначающие террасу дома, например: *балхон, сејван, ејван, артырма, гуланқәриш, сәки* и т. д.

4. Слова, обозначающие прозвище, например: *ајама, ләғәб, тәјәлға, ләлға, ләвәдә, ајалга* и т. д.

5. Слова, обозначающие место стоячей воды, например: *көлмәчә, ахмаз, дурма* и т. д.

6. Слова, обозначающие место сбора, например: *јығнах, орталых, мәрәкә, қимқә* и т. д.

7. Слова, обозначающие курьера, например: *чағрыхчы//чағрышчы, ајахчы, питиричи, ичрачы* и т. д.

8. Название вишни, например: *албалы, вишнә, қиләнар, туршқилас, дәлиқилас, нарқилә, ачы бәһли, алы бәһли* и т. д.

9. Название кукурузы, например: *гарғыдалы, пејғәмбәри, мәкәбуғда, кәбә, шормачабуғда, гарагундеј* и т. д.

10. Название дуршлага, например: *сүзқәч, ашсүзән, дүшбәлан, горапалан, сумахпалан, чәтән* и т. д.

11. Название закваски, например: *маја, хамралы, ачхамра, палаты, ачытма* и т. д.

12. Название полотенца, например: *дәсмал, мәһраба, тәлис, әлардан.*

13. Название блюдца, например: *нәлбәки, бөлмә, зир* и т. д.

14. Название комара, например: *ағчагәнәд, һүнү, дитдили, мығмығы* и т. д.

II. Наличие или отсутствие определенного слова с определенным значением. Цель этого раздела лексики заключается в том, чтобы

выявить архаические слова. Сюда относятся слова: *хырсыз* (вор), *оғуз* (грубый, сильный, здоровый и т. д.), *дамы* (ад, жарко, огонь), *озан* (ашуг, болтун), *јазы* (степь), *манга* (голова, лоб), *гондара* (туфли), *оғулмах* (спать), *чин* (правда), *туғ* (знамя), *сајры* (больной), *атағар* (лес), *гулојша* (сплетник), *јығламаг* (плакать), *јассар* (лентяй), *өјнә* (время) и т. д.

Раздел лексики отличается от разделов фонетики и грамматики не только своими материалами, но и формулировкой вопросов.

Для выявления разного характера лексических различий в программу включено три вопроса:

1) Как у вас называется такой-то предмет? 2) Какие из этих слов у вас употребляются? 3) Употребляется ли у вас такое-то слово и каково его значение?

Как правило, все иллюстративные материалы, охватывающие фонетику, грамматику и лексику, подобраны из общего лексического фонда языка, и для каждого явления дано несколько примеров.

При собирании материала для диалектологического атласа азербайджанского языка, система фонетической транскрипции остается та же, которая применялась при монографических исследованиях азербайджанских диалектов и говоров, так как в этом вопросе не было разнобоя и было достигнуто полное единство.

Для составления диалектологического атласа азербайджанского языка отделом диалектологии выделены три научных сотрудника, которые в этом году три раза выезжали в восточные районы Азербайджана и на основе программы собрали в 12 районах богатый материал. В 1959 году предполагаем организовать четыре поездки для сбора материала по программе атласа в 15 восточных районах Азербайджана.

Сбор и камеральная обработка материала для диалектологического атласа также отличается от сбора и обработки материала для монографического исследования. Если при монографическом плане исследования обследованию подвергаются все пункты района, то при исследовании методами лингвистической географии нет такой надобности. Обычно для этого мы берем в среднем 7 пунктов определенного района: один пункт с севера, второй — с юга, третий — с востока, четвертый — с запада, а остальные три пункта охватывают среднюю полосу района: при этом учитывается расстояние между пунктами (оно должно быть не более 12 километров).

Камеральная обработка материала, предназначенного для составления атласа, включает в себя создание ряда альбомов по каждому изученному пункту, которые состоят из отдельных карточек и в которые вносятся ответы на вопросы по данной программе.

Н. Б. Бурганова, Л. З. Заляй

(Казань)

О ПРИНЦИПАХ СОСТАВЛЕНИЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Диалектология среди других отраслей татарского языкознания является самой молодой. Она сформировалась и получила свое развитие после Октября. За этот период татарская диалектология прошла довольно сложный путь развития, который можно было бы разделить на два этапа. Первый этап условно назовем подготовительным. Он характеризуется выяснением вопроса о наличии в татарском языке местных (территориальных) диалектов.

Второй этап — с 1939 года по настоящее время — характеризуется тем, что в течение 15 лет проводилась работа по фронтальному изучению татарских народных говоров путем организации ежегодных (за исключением военных лет) специальных экспедиций. Данный этап татарской диалектологии можно назвать диалектографическим ибо его задачи и цели были направлены, главным образом, на выявление существующих диалектных черт и их описание.

Однако было бы несправедливым утверждать, что для данного этапа характерно лишь простое описание диалектов и говоров татарского языка. В этот период сделаны и некоторые теоретические выводы и обобщения. Так, например, написан ряд монографических работ, посвященных исследованию говоров отдельных групп татар, составлены три части словаря диалектных слов. Одним из существенных достижений этого периода является также выявление специфических особенностей диалектов и говоров татарского языка и установление границ их распространения. На основе этих данных стало возможным создание диалектологической карты татарского языка.

Успехи татарской диалектологии, большое количество материалов, имеющихся в нашем распоряжении, создают условия для постановки вопросов о составлении диалектологического атласа татарского языка. Изучение говоров методами лингвистической географии будет представлять собою новый — третий этап в развитии татарской диалектологии.

Опыт составления атласа других языков, в первую очередь русского языка, подсказывает, что организацию работы над атласом необходимо начать с выработки программы — вопросника по собиранию материалов и сведений для атласа, а также с разработки принципов составления атласа, с выяснения вопроса о составе атласа, о построении его частей и т. д.

„Программа по собиранию материалов для атласа татарского языка“ к настоящему времени составлена, обсуждена и утверждена на специальном заседании сектора языка ИЯЛИ КФАН СССР. Во

время экспедиций 1958 года сбор материалов был организован по этой программе. Первые итоги практической работы по новой программе показали, что она по своему построению и формулировке вопросов отвечает основным требованиям подготовки атласа, в ней учтены все те фонетические, грамматические и лексические особенности татарских народных говоров, которые реализуются на разных территориях различно и которые при картографировании дадут изоглоссы на всей территории распространения татарского языка. Каждый пункт программы снабжен богатым иллюстративным материалом, подобранным из общего лексического фонда татарского языка.

Программа состоит из четырех разделов: 1) лексики, 2) фонетики, 3) морфологии, 4) синтаксиса и включает в себя 230 вопросов.

В отличие от программы „Атласа русских народных говоров", наша программа начинается с раздела лексики. При этом мы исходили из того соображения, что заполнение раздела лексики, большинство вопросов которого относится к выяснению названий построек (например, *өй, абзар, капка...*), сельскохозяйственного инвентаря (*тырма, тәгәрмәч, пила...*), предметов домашнего обихода (*мендәр, пәрдә, сөлге...*), названий растений (*шомырт, бәрәңге, җитен, киндераш..*), домашних животных и птиц (*ат, сарык, этәч, чеби...*), терминов родства (*әни, әби, апа, кайната, кайнана...*) и т. д., можно начинать путем опроса в первый же день приезда в намеченный пункт. Исследователь одновременно может вести наблюдения и по остальным разделам программы. Так, например, во втором пункте раздела лексики спрашивается: как называется крестьянский дом: *йорт, өй, ызба...*? При заполнении этого пункта диалектолог может сделать наблюдение над произношением звуков *о* и *ы* (*йорт* или *йырт*), *з* и *d* (*ызба* или *ыdба*), употреблением дифтонгов (*өй* или *эw* или *γ*), каждый из которых представлен отдельным пунктом в разделе фонетики.

Раздел лексики нашей программы включает в себя, в основном, вопросы трех типов.

1. Вопросы, уточняющие названия предметов, которые передаются в различных говорах различно. Так, например, крестьянский дом в одних говорах называют *йорт, өй*, а в других — *ызба*; общее название домашних животных в одних говорах передается словами *терлек, терлек-хәлмән, терлек-туар*, в других — *туар//тывар, тывар-кара*, в третьих — *мал, мал-туар*.

2. Вопросы, уточняющие различные значения одного и того же слова в разных говорах. Так, слово *абзар//азбар* употребляется в одних говорах только в значении теплого помещения для скота, а в других оно имеет несколько значений: а) теплое помещение для скота (*сыерны азбарга йап*), б) двор (*керләрне азбарга эл*), в) хозяйство вообще (*безнең авылда йөз азбар бар*).

3. Вопросы, выявляющие наличие или отсутствие отдельных слов в данном говоре. Например, таких слов, как *дывадак* (в значении „одинокий, бездетный, безродный"), *асрау* (в значении „родить и воспитывать"), *тγрәγ* (в значении „родить"), *явер* (в значении „род, потомок"), *сыр* (в значении „краска"), *γчγ* (в значении „умереть до единого человека") и т. д., которые вышли из употребления в современном литературном языке, но встречаются в древних письменных памятниках, а также до сих пор сохранились в татарских говорах. Для разработки отдельных вопросов истории татарского языка уточнение границ распространения подобных слов и их семантических оттенков имеет весьма важное значение.

В разделе фонетики представлены вопросы, уточняющие: 1) наличие или отсутствие некоторых звуков и фонем (например, глубоко-

заднеязычных звуков *қ* и *ғ*, переднеязычного междузубного *d*, аффрикат *ц* и *дж* и т. д.); 2) комбинаторные изменения звуков в определенных положениях (напр., звуков *а*, *у* и т. д.); 3) различные звуковые соответствия (напр., звуков *ә*, *е*, *и*, *ү*; *у*, *о*, *ы* и т. д.); 4) формы проявления закона ассимиляции и диссимиляции и т. д.

В разделе морфологии большинство вопросов посвящено уточнению глагольных форм и временных окончаний. Это объясняется тем, что глагол в татарском языке является очень сложной частью речи. Диалектные черты народных говоров больше проявляются именно в области глаголов. Например, в современном татарском литературном языке неопределенной формой глагола принято считать форму на *-ырга*, *-ергә* (*барырга* — идти, *килергә* — прийти). В говорах же число таких глагольных форм доходит до пяти. Так, русское выражение *еду учиться* в говорах татарского языка можно передать следующими формами: *укырга барам*, *укыма барам*, *укымага барам*, *укымаллы барам* и *укыгалы барам*.

Та же самая картина и с формами, выражающими повторяемость действия, многократность действия с редким повторением. В татарском литературном языке эти понятия выражаются двумя формами: на *-гала*, *-гәлә* (*килгәлә*, *киткәлә*) и *-штыр*, *-штер* (*укыштыр*, *языштыр*). В татарских говорах, кроме этих 2 форм, существуют еще формы на *-гакла*, *-гәклә*, *-кла*, *-клә*, (*баргакла*, *укыкла*) и на *-псу*, *-су* (*карапсу йөрите*).

Поэтому вполне естественно, что из общего числа вопросов раздела морфологии около 60% занимают вопросы, уточняющие границы распространения тех или иных глагольных форм и категорий.

В разделе синтаксиса представлены вопросы, касающиеся, главным образом, простого предложения и отдельных синтаксических конструкций: изафета, глагольного управления, инверсии и некоторых других.

Синтаксис и, особенно, распространенные синтаксические конструкции и структура сложных предложений представляют собой наиболее трудную для наблюдения сторону языка, требующую долгого пребывания исследователя в диалектной среде. Поэтому вопросы по синтаксису сложного предложения сформулированы в программе таким образом, что помогают наблюдателю сосредоточить свое внимание на сборе материалов по наиболее общим вопросам. При этом особое внимание уделяется записи живой разговорной речи. Все эти материалы затем могут быть использованы для монографического описания синтаксиса татарских говоров, который еще по сей день остается малоизученной областью языка.

Выработка программы-вопросника — это только первый шаг в деле организации работы над атласом.

Очень важным является также выяснение вопроса о составе атласа татарского языка, о принципах его членения на отдельные тома.

Татарское население Европейской части СССР и Урала распространено на территории около 20 областей и автономных республик. Кроме того, значительная группа татар проживает и в Западной Сибири. Ввиду обширности территории распространения татарских говоров невозможно их представить в одном томе атласа. Поэтому, учитывая и практическую и научную стороны нашей задачи, предполагается составить диалектологический атлас татарского языка в трех томах. Первые два тома охватывают татарские говоры, распространенные на территории областей и республик Приволжья, Прикамья и Приуралья, третий том — говоры татарского населения Западной Сибири. Следовательно, схема членения диалектологического атласа татарского языка на отдельные тома представляет следующую картину:

I том включает в себя территорию Рязанской, Горьковской, Кировской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Ульяновской, Куйбышевской, Сталинградской областей, Марийской, Чувашской, Мордовской и Татарской Автономных Республик. Таким образом, территория I тома диалектологического атласа татарского языка будет соответствовать квадрату, находящемуся между 40 и 51 градусами восточной долготы и между 50 и 59 градусами северной широты.

II том включает в себя территорию Пермской, Свердловской, Курганской, Челябинской, Оренбургской и части Куйбышевской областей, Башкирской, Удмуртской и части Татарской Автономных Республик. Квадрат этого тома охватывает территорию, находящуюся между 51 и 63 градусами восточной долготы и 51 и 59 градусами северной широты.

III тому атласа татарского языка будет соответствовать территория распространения говоров татарского населения Западной Сибири. Этот том и по своему составу и по принципам своего построения будет иметь некоторую специфику, что объясняется, прежде всего, территориальной его отдаленностью от основной массы татар. Его никак невозможно соединить с квадратами других томов.

В основу деления всей территории на отдельные тома можно положить различные принципы: 1) исторический, 2) историко-лингвистический, 3) административно-территориальный, 4) диалектологический и др.

Опыт составления атласа русских народных говоров показал, что все эти принципы имеют свои недостатки и по тем или иным причинам неприемлемы при членении атласа. Так, возьмем хотя бы диалектологический принцип. Сущность этого принципа заключается в том, что территории для отдельных томов атласа выделяются по ранее установленным диалектам или говорам.

Исходя из этого принципа, мы должны были бы выделить наш западный (или мишарский) диалект в отдельный том атласа, средний диалект (или диалект казанских татар) — в отдельный том. Тогда в результате составления атласа мы не смогли бы установить, чем отличаются эти крупные диалекты татарского языка друг от друга. Поэтому диалектологический принцип ни в коем случае не может служить исходным моментом при членении атласа татарского языка.

Русская советская диалектология при выделении территории отдельных томов исходит, в основном, из двух моментов:

во-первых, чтобы границы отдельных томов не совпадали с границами отдельных диалектов и говоров. Иначе мы не сумели бы выявить реально существующие границы языковых явлений;

во-вторых, чтобы территория каждого тома атласа охватывала возможно больше разнообразных говоров и чтобы известные нам границы языковых явлений оказались внутри квадрата. Только тогда можно будет извлечь больше материалов для картографирования и получить ярко выраженные изоглоссы.

Все эти описанные моменты в полной мере могут быть применены и для членения атласа татарского языка. Основываясь на этих принципах, мы считаем целесообразным провести границу между первым и вторым томами, примерно, по 51 меридиану, который проходит по той территории, где распространены наиболее однообразные говоры татарского языка.

В результате такого деления на картах I тома атласа татарского языка будет представлена территория распространения двух диалектов — западного (мишарского) и среднего с их многочисленными говорами. По нашим расчетам этот том будет самым большим по объему и самым разнообразным по содержанию. В результате его

составления мы получим точные данные, представляющие собой большой интерес для разработки вопросов истории татарского языка.

Кроме научно-теоретических соображений, такое районирование томов атласа татарского языка имеет еще и практическое значение. Так как татарское население разбросано небольшими группами на обширной территории, охватить все группы в одном томе невозможно, ибо пришлось бы тогда работать над картами огромного формата. Членение атласа татарского языка на три тома избавит нас от такого рода практического неудобства.

Сетка исследуемых точек для нашего атласа, примерно, такая же, как и в „Атласе русских народных говоров", т. е. 10—15 *км*. Масштаб карт, отображающих отдельные языковые явления, будет единым для всех томов атласа.

Основным методом сбора материалов для атласа остается экспедиционный метод. Думаем, что другие методы (анкетный опрос, контрольные работы студентов и заочников), не вполне оправдавшие себя и ранее, не дадут ожидаемого результата и для атласа, где требуется еще более точное и последовательное фиксирование каждого явления непосредственно в момент произношения.

Работа по сбору материалов для атласа несколько осложняется в связи с тем, что: а) имеющиеся в нашем распоряжении по большинству татарских говоров материалы не были собраны по единой программе, предназначенной для диалектологического атласа. Вследствие этого по некоторым вопросам нашей программы необходимых фактов среди ранее собранных материалов может не оказаться. Поэтому при картографировании нам придется производить дополнительный сбор материалов путем экспедиционных выездов; б) у нас имеются группы татарского населения, говоры которых до сих пор никем еще не изучены (например, южные группы мишарского диалекта). При изучении их нам придется одновременно заниматься и сбором материалов для монографического описания данного говора и заполнением программы атласа.

Составление диалектологического атласа татарского языка имеет большое научное значение. Материалы, которые будут получены в результате составления атласа татарского языка, явятся ценным источником для решения многих до сих пор не решенных вопросов истории татарского языка и истории самого татарского народа.

Р. А. Рустамов

(Баку)

О ПРИНЦИПАХ СОСТАВЛЕНИЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

Каждый язык тесно связан с историей народа, создавшего его. Именно благодаря этому в языке, в его словарном составе имеются сотни слов, отражающих историю развития, борьбу против иноземных захватчиков, а также обычаи и традиции, образ жизни и пр. того или иного народа. С этой точки зрения диалекты и говоры обладают богатейшим материалом, так как в них следы древних времен сохраняются гораздо дольше, чем в литературном языке.

С другой стороны, диалектная лексика, как известно, менее чувствительна к иноязычному влиянию, она может сохранить „свою чистоту" на длительный период. Поэтому изучение лексики диалектов и говоров языка, в данном случае азербайджанского, разъяснение этимологии слов, исследование топонимических названий, обнаружение остатков прошлого,—все это является одним из актуальных вопросов азербайджанского языкознания.

Изучение лексики диалектов и говоров азербайджанского языка, составление его диалектологического словаря является одной из неотложных задач наших диалектологов.

Составление диалектологического словаря, разумеется, может сыграть важную роль в деле изучения истории развития и обогащения лексики азербайджанского языка. С другой стороны, такой словарь, несомненно, даст богатейший материал для составляемого в данное время 4-томного толкового словаря азербайджанского языка, а также поможет определить взаимоотношения между словарным составом литературного языка и диалектной лексикой.

Известно, что из литературного языка в диалекты входят сотни новых слов и терминов так же, как и литературный язык обогащается за счет лексики диалектов и говоров. В азербайджанском литературном языке имеются десятки таких слов. Мы тут ограничимся приведением лишь нескольких примеров.

В азербайджанском литературном языке употребляется слово *тəрəчə* (специальная установка — щит для разведения шелкопряда и сушки хлопка). Это слово употребляется в лексике носителей диалектов и говоров хлопкосеющих и шелководческих районов. Однако в лексике таких районов, как Бакинский, Шемахинский, Кубинский, где не производится хлопок, данное слово не употребляется. Несомненно, слово *тəрəчə* в азербайджанский литературный язык вошло из определенного диалекта или говора. Употребляемые в бакинском диалекте слова *гəмбəр* (булыжник) и *гəмбəррик* (мостовая) характерны лишь для данного диалекта. Одним из наших

литературоведов впервые в азербайджанский литературный язык введено слово *гəмбəрлик*, соответствующее русскому слову „мостовая", что, по нашему мнению, является вполне положительным явлением[1]. До последнего времени в азербайджанском литературном язык'е употреблялось слово *мираж* или *сəраб* (мираж). И нам казалось, что азербайджанский язык не располагает таким словом, которым можно было бы передать это понятие. Однако, изучение говоров муганской группы показало, что в этих говорах имеется слово *илғым*, которое полностью соответствует слову „мираж". Это слово введено в литературный язык и умело употреблено в поэме „Ајқүн" народным поэтом Самедом Вургуном.

Диалекты и говоры азербайджанского языка отличаются от литературного языка по своим лексическим особенностям в большей степени, чем по фонетико-морфологическим. Все это еще раз подтверждает, что составление диалектологического словаря азербайджанского языка является самым актуальным вопросом.

Составление диалектологического словаря в Азербайджанской ССР началось в 20-е годы. Начиная с 1924 года, в течение нескольких лет в большинстве районов республики был собран богатый лексический материал, на основе которого составлен „Словарь тюркских народных говоров Азербайджана" в двух выпусках: первый выпуск данного словаря, охватывающий букву „А", вышел из печати в 1930 году, второй — на букву „Б" — в 1931 году. В последующие годы работа над этим словарем почему-то была прекращена.

Мы не намерены здесь подробно говорить как о положительных качествах, так и о недостатках „Словаря тюркских народных говоров Азербайджана", так как об этом сказано в нашем докладе на координационном совещании по вопросам диалектологии тюркских языков, созванном в Баку в 1956 году[2].

До 1954 года лексика азербайджанских диалектов широко не изучалась, столь важному вопросу, как этот, не была посвящена даже отдельная научно-исследовательская работа, не был объектом особого исследования и диалектологический словарь азербайджанского языка. Правда, в некоторых диссертационных работах по диалектологии даны пояснения 300 - 500 словам, характеризующим лексику того или иного диалекта и говора, однако, не все приведенные в словарной части этих работ слова относятся к изучаемому диалекту.

Поэтому словарные части диссертаций страдают рядом недостатков: порой остается неясным, на каких принципах основываются словарные части защищенных работ. Здесь, наряду со словами, характерными исключительно для данного диалекта и говора, приводятся и слова общенародные. Например: *јумаг* (1. клубок; 2. стирать), *көк* (1. толстый; 2. морковь), *јүк* (груз) и т. д. Этимология заимствованных слов в этих работах объясняется поверхностно, иногда некоторые слова сопоставляются со словами из древних памятников азербайджанского языка, со словами из трудов азербайджанских классиков, но последовательности в этих сравнениях нет. Кроме того, неправильно объясняются значения ряда слов, относящихся к диалекту или говору; часто значение слова, объяснение его и пример не соответствуют друг другу и т. д. Несмотря на

---

[1] Следует отметить, что некоторые товарищи (даже языковеды) необоснованно предполагают, что слово *гəмбəр* означает *даш* (камень). Однако, это далеко не так, ибо в бакинском диалекте употребляются оба слова в различных значениях: *гəмбəр* — булыжник, *даш* — камень. Что касается других диалектов и говоров, то в них употребляется слово *чај дашы* (булыжник), которое соответствует бакинскому *гəмбəр* (булыжник).

[2] См. Вопросы диалектологии тюркских языков, Баку, 1958, стр. 67.

вышеизложенные недостатки, словари диссертаций и опубликованных трудов по диалектологии, несомненно, имеют немаловажное значение для „Диалектологического словаря азербайджанского языка".

Систематическая работа по составлению диалектологического словаря ведется в республике с 1954 года. С этого года Р. А. Рустамов и А. Г. Велиев начали составление словаря восточной группы диалектов и говоров азербайджанского языка. Это уже говорит о том, какое большое значение придают диалектологи Азербайджана составлению диалектологического словаря.

Коллектив диалектологов Института литературы и языка имени Низами АН Азербайджанской ССР, обладающий большим и ценным опытом в деле создания монографических работ по диалектам и говорам азербайджанского языка, начиная с 1958 года, приступил к составлению „Диалектологического словаря азербайджанского языка" в одном томе. В словаре будет, примерно 7000 слов на буквы „А" — „Ш".

В начале 1958 года через газету „Азәрбајҹан мүәллими" мы обратились к сельской интеллигенции (учителям, врачам, работникам культуры и пр.) с просьбой помочь нам в сборе материалов по лексике диалектов и говоров азербайджанского языка. Им были даны соответствующие инструкции о правилах сбора слов.

Следует отметить, что наша сельская интеллигенция с большой охотой и интересом включилась в эту благородную работу и прислала в Институт сотни характерных слов с объяснениями.

В настоящее время эти слова картографируются Слова из защищенных диссертационных работ еще в прошлом году занесены на карточки. В настоящий момент в картотеке отдела азербайджанской диалектологии насчитывается около 3000 слов, к 1000 из которых уже составлены пояснения.

Однако, материал, используемый для составления „Диалектологического словаря азербайджанского языка", не ограничивается названными нами источниками. Мы обработали также диалектологические материалы, собранные в предыдущие годы в различных районах нашей республики, используем их как необходимый источник. Помимо этого, в распоряжении отдела находятся материалы, накопленные с 1924 года для „Словаря тюркских народных говоров Азербайджана". Как было указано выше, опубликованы из них лишь материалы на буквы „А" и „Б", а остальные материалы до сих пор еще не использовались. Мы решили включить в указанный словарь также и диалектизмы, встречающиеся в произведениях азербайджанских советских писателей, для чего, начиная с 1959 года, будут собираться диалектизмы из художественной литературы.

Таким образом, сейчас накоплен богатый материал для создания „Диалектологического словаря азербайджанского языка".

Принципы составления этого словаря следующие.

В „Диалектологическом словаре азербайджанского языка" охватываются слова по всем разделам лексики. В нем особое место займет профессиональная лексика, а именно: слова по земледелию, хлопководству, садоводству, огородничеству, виноградарству, шелководству, животноводству и проч. Например: *башшағ//башах* (колосья, выпавшие во время жатвы и остающиеся на полях; незахваченные косой отдельные колосья), *амбыл//һамбыл*, *өрүх'* (первая пара быков или буйволов, запрягаемых в соху), *модух* (готовый узел шелковых нитей), *күнал//кунал* (ветвь шелковицы, листья которой съедены шелковичным червем), *пүш* (навоз), *готман* (стог сена), *ағуз//ағыз* (молозиво; первое молоко после отёла), *ёдуғ* (взболтанное кислое молоко), *јығар* (кожаный мешок для хранения кислого

молока), *хәра* (неспелая дыня), *қаванқир* (сорт винограда), *дүләкс* (мелкий огурец) и т. д.

В „Словаре" особое место уделено словам, относящимся к бытовой лексике, куда входят названия предметов домашнего обихода, одежды, украшения и пр., например: *налча//нил дәр* (тюфячок), *мәзәр* (сито), *шәтәл* (шерстяные носки или чулки), *ојма* (род женского платья), *әјрәмчә* (кольцо) и др.

Как известно, безошибочное определение границ диалектной лексики представляет собой весьма трудную задачу. В любом языке существуют такие слова, которые невозможно отнести к словарному составу только литературного языка или же только к диалектной лексике. Исходя из этого, мы предполагаем охватить в словаре и часть тех слов, которые употребляются как в литературном языке, так и в диалектах и говорах азербайджанского языка. Для выявления таких слов трудно установить общий критерий. Под определенной группой общих слов (т. е. слов, употребляемых как в литературном языке, так и в диалектах), мы подразумеваем слова, обладающие наибольшим диалектным признаком. Такие слова, вероятно, вошли в словарный состав литературного языка из того или другого диалекта, но пока еще не потеряли свою диалектную черту, например: *қүни* (каждая новая жена одного мужа по отношению к предыдущим его женам), *анач* (старая – о курице), *бибәр//бибар* (перец), *гәншәр//гејшәр* (противоположный, напротив), *тум* (семена), *хаша* (мешок для хранения хлопка), *қүлөјшә* (кисло-сладкий сорт граната), *гәлби* (высокий) и др.

В азербайджанских диалектах бытует множество слов, которые, наряду с литературным значением, имеют и диалектные значения. В таких случаях даются только диалектные значения этих слов. Так, например, *арпа* (ячмень) означает сорт зерновой культуры; это слово во всех диалектах и говорах азербайджанского языка употребляется в литературном значении. Однако, в ряде диалектов и говоров слово *арпа* имеет и другое значение, а именно — „золотое украшение для женщин в форме ячменя". Или возьмем слова *јасдуғ//јасдығ* (подушка), *улах* (осёл), *көјнәк* (рубашка), *тоз* (пыль), *чәп* (косой), которые употребляются в одном и том же значении как в литературном языке, так и в диалектах и говорах. Однако указанные слова в некоторых диалектах и говорах имеют и другое, дополнительное значение, например: *јасдуғ//јасдығ* (материя, подкладываемая под хомут для предупреждения образования нарыва на шее быка), *улах* (бык), *көјнәк* (спицы колеса в телеге), *тоз* (1. гвоздь с большой головкой; 2. немного), *чәп* (весло). В таких случаях, в „Словаре" будут указаны только значения, характерные для данного диалекта. В диалектах и говорах азербайджанского языка имеется большое количество таких слов, как, например: *әрикс* (дикорастущая алыча), *гул//гол* (прямая труба печи из жести), *ләлә* (люлька, колыбель), *јетим* (сорт риса), *хач* (хохолок у мужчин), *силсилә* (1 головное золотое украшение у женщин; 2. треугольная праздничная бумага, нанизанная на нитку), *үзди* (шаловливый, неспокойный). Слова, литературное значение которых не приводится в „Словаре", будут снабжены специальной пометой.

Как известно, одной из важных и, вместе с тем, весьма трудных задач является точное и правильное толкование значений слов, а также отражение всех специфических оттенков значений слов, употребляемых в диалектах и говорах. Иногда невозможно дать удовлетворительное толкование тому или иному слову, употребляемому в диалектах. Однако, это не является общим положением.

В „Словаре" найдут свое отражение слова, употребляемые в диалектах и говорах азербайджанского языка. Значение того или

иного слова, употребляемого в диалектах, дается соответствующим словом из литературного языка. Например: *вала* — лит. нарын (размолотый), *гапчах* — лит. гоза (хлопковая коробочка), *ғут* — лит. тумурҷуғ (почка), *гәзилләмәх'* — лит. алдатмаг (обмануть,) *јассар* — лит. тәнбәл (лентяй), *хыдыл* — лит. нәвә (внук), *hим* — лит. әзүл (фундамент), *гал* — лит. тәрәф (сторона), *дәмеқ* — лит. hин (курятник), *қијәв//қијō* — лит. күрәкән (зять) и т. д.

Слова, значение которых невозможно выразить одним соответствующим словом литературного языка, в „Словаре" будут пояснены описательно со всеми подробностями. Например: *гапсах* (дверь, сплетенная из прутьев), *гарығ* (внешняя, зеленая оболочка грецкого или мелкого ореха), *јүјәнәк*[c] (место, где вода протекает с большой скоростью), *ылытма* (простокваша, изготовленная из кипяченого молока), *пытылга* (древесная труха), *пүзқә* (отходы шелка после его очищения), *солғунч* (железный обруч, надетый на рукоятку большого ножа), *тоғај* (роща на берегу реки или роща, находящаяся на островках в реке) и пр.

Сбор многозначных слов, имеющихся в азербайджанских диалектах и говорах, правильное толкование их значений требуют большого труда и выдержки. Диалектологи, занимающиеся составлением „Словаря", относятся к этому с особым вниманием. Значения многозначных слов предполагаем давать в „Словаре" последовательно, с соответствующей нумерацией. В этом случае, как основной фактор, будут приняты во внимание значения слов, близких между собой, например: *бағырдағ* (1. повязка, обматываемая вокруг колыбели; 2. матерчатая повязка, обматываемая вокруг спеленутого ребенка); *гоби* (1. маленькая долина, овраг; 2. место, где протекают селовые потоки); *гашгал* (1. маленький арык, проложенный через двор; 2. водораздел, место, где вода распределяется по маленьким каналам); *гыр//гир* (1. специальная палка с загнутым концом для поднятия воды из колодца; 2. палка, используемая для нагибания верхних ветвей дерева; 3. крюк); *қүрвә* (1. поддувало; 2. специальное отверстие, сделанное в стекле для жестяной трубы камина (печи); 3. отверстие в стене дома для вентиляции); *тапан* (1. ограда, высокая ограда; 2. камыш, употребляемый для покрытия конюшни) и т. д.

Без преувеличения можно сказать, что как азербайджанский литературный язык, так и его диалекты и говоры богаты омонимами. В „Словаре" они будут представлены как заглавные (реестровые) слова. Напр.: *вал*[1] (патефонная пластинка), *вал*[2] (насыпь), *вал*[3] (хитрость, надувательство); *горапалан*[1] (дуршлаг), *горапалан*[2] (верхняя часть горелки лампы, куда вставляют стекло); *јалах*[1] (подхалим), *јалах*[2] (деталь маховика мельницы), *јалах*[3] (место, где откладывает яйца несушка); *әл*[1] (сторона), *әл*[2] (раз); *парағ*[1] (двор), *парағ*[2] (загон для скота), *парағ*[3] (низ балкона или веранды двухэтажного дома); *гысганмах*[1] (вздремнуть), *гысганмах*[2] (стыдиться), *гысганмах*[3] (бояться); *мочан*[1] (акушерка), *мочан*[2] (отросток в горле козла); *бәлқә*[1] (сушеный персик), *бәлқә*[2] (толстая материя, обматываемая вокруг руки во время боя с палками), *бәлқә*[3] (документ), *бәлқә*[4] (признак, пометка) и пр.

Синонимы в „Словаре" даются как заглавные слова с указанием значений каждого из них и со ссылками на синонимы данного слова. Так, в наших диалектах и говорах имеется около 20 слов, выражающих понятие короткого, низкого. В „Словаре" все эти слова будут даны отдельно, с указанием их значений и ссылками на соответствующие синонимы их, например; *бисдили* (короткий, очень низкого роста; см. *дыгран, мимих, төрә, төсмәрәк, хипәр, шипған*...); *бирәлли* (кружка для воды; см. *қәл-қәл, таҷгулп, әллик*[c], *әлличә*...);

hуну (комар; см. *дитдили, мыƒмыƒы...*); *мисги* (скупой; см. *симич, гејмәз, ныргыз, көјчи, хымы, күзә...*); *әбәчи* (акушерка; см. *мочан, hадых...*) и т. д.

В азербайджанских диалектах то или иное слово может употребляться в различных фонетических вариантах. Иногда в диалектологических словарях различные фонетические варианты одного и того же слова даются в одном месте с параллельными знаками. Однако, по нашему мнению, они должны даваться как заглавные слова с объяснением их значений и со ссылками друг на друга. Например: *габла* (неспелый инжир; см. *гобла, губла*); *гора* (неспелый кислый виноград; см. *гура*); *туш* (сон; см. *чуш*); *күз* (осень; см. *күз*) и т. д.

Это значительно облегчит пользование словарем и послужит хорошим источником для сравнения с другими тюркскими языками. Например, вполне возможно, что в каком-нибудь тюркском языке слово *чуш* в значении „сон", „сновидение" может употребляться с начальным звуком *ч*. Для того, чтобы установить, применяется ли это слово в азербайджанских диалектах, специалист будет искать его в разделе на букву *ч*. Если слово *чуш* мы поместим в разделе на букву *т* со знаком параллели (//), то это может и не привлечь внимания исследователя, и тот не будет знать, что оно существует в азербайджанских диалектах.

В азербайджанских диалектах имеются десятки архаизмов, относящихся к древним периодам нашего литературного языка. В „Словаре" они будут помещены в алфавитном порядке с подробным объяснением их значений. В отличие от других слов, к архаизмам будут приведены параллели как из азербайджанского языка, так и из древнетюркских памятников. Например: *дамы*^{и} (ад), *јазы* (степь, пустыня), *јеј//јеһ* (хороший), *күз//күз* (осень), *үн* (голос), *туш//чуш* (сон), *ајама* (прозвище), *сајры*^{и} (больной), *гыјрым* (стремление, охота) и т. д. Архаизмы не будут иметь особых помет.

Как известно, в тюркских языках вопрос об отнесении того или другого слова к определенной части речи остается пока что спорным. Поэтому в словарях необходимо давать грамматические пометы к отдельным словам. Мы поступим именно так, пометив в словаре условными сокращениями существительные, прилагательные, глаголы и пр. Как правило, будут перечислены также все диалекты и говоры, в которых употребляется данное слово. Заглавные слова будут сопровождаться примерами, взятыми из диалектов, например: *гарнуƒач* (ласточка). — *Бизин үвдә hәр ил гарнуƒач үзүчүн јува тикәду* (Губа.) Если слова записаны в нескольких диалектах и говорах, то будет дано указание, откуда взят пример. Для диалектального слова не будут даны примеры — цитаты из произведений художественой литературы. Они будут использованы только при диалектизмах.

Принимая во внимание научное значение показа всех фонетических оттенков слов и примеров, в „Словаре" последние будут транскрибированы. Здесь будут использованы различные знаки, показывающие на долготу и краткость, назализацию гласных, аспирирование и палатализацию согласных и др. Например: *гōсара* (склад, амбар), *гыра* (вешалка), *хирних'* (зайчик) и др. Здесь в первом слове (*гōсара*) *о* произносится долгим, во втором — (*гыра*) *ы* произносится кратким. В третьем слове (*хирних'*) последний *к* обозначен через *х'*.

Как известно, по некоторым тюркским языкам изданы, хотя и неполные, диалектологические словари. Следует признать, что пользование этими словарями иногда и для нас затруднительно. Учитывая это, в нашем „Словаре" значения и пояснения всех заглавных слов будут даны также и на русском языке. Это, несо-

мненно, облегчит пользование словарем как тюркологам, так и другим специалистам. Кроме того, „Словарь“ послужит хорошим источником для сравнительной лексики тюркских языков. (Примеры — цитаты не переводятся, ибо в этом нет необходимости).

Так как в азербайджанском языке ударение, в основном, падает на гласный последнего слога, то в словаре на словах не ставится знак ударения.

Как было отмечено выше, наша основная цель в первой стадии работы заключается в том, чтобы собрать слова, употребляемые в диалектах и говорах азербайджанского языка, дать правильное объяснение их значения, оказать посильную помощь в составлении толкового словаря и способствовать обогащению словарного состава литературного языка за счет диалектов. Поэтому в „Словаре“ все слова (за исключением архаизмов) не будут сравнены с фактами других тюркских языков. Это — совершенно другой вопрос, другая цель.

По-нашему, основные принципы „Диалектологического словаря азербайджанского языка“ заключается в вышеизложенном. Нет сомнения в том, что в процессе его составления возникнет ряд вопросов, а некоторые положения будут пересмотрены, что будет служить лишь улучшению словаря.

Ш. Ш. Сарыбаев

(Алма-Ата)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОСТАВЛЕНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Как известно, всестороннее и тщательное изучение лексики казахских говоров, а также успешное ведение картографической работы предполагает составление диалектных словарей казахского языка, которые должны отразить основной лексический фонд различных групп говоров.

Прежде чем говорить о трудностях в практике составления диалектных словарей, нам нужно внести некоторую ясность в терминологию. Речь идет о названиях „диалектные словари", „областные словари" и „региональные словари". В русской лингвистической литературе порою все эти названия словарей употребляются как синонимы. Дело в том, что могут быть сводные словари всех говоров и диалектов того или иного языка и могут быть местные, локальные словари отдельных говоров и диалектов. И те и другие в литературе часто не разграничиваются, и оба типа этих словарей называются областными, что является не совсем правильным. Например, Ф. П. Филин название „областной словарь" употребляет в значении общерусского сводного словаря, а словари, составленные по отдельным говорам и диалектам, называет частными (региональными) словарями[1]. Правда, и те и другие являются диалектными словарями. Но название „областной словарь" мы должны сохранить только для тех частных региональных словарей, которые охватывают лексические диалектизмы не всех диалектов, а лексику только одного говора или диалекта. Термин „областной" оправдывается и тем, что в частный, местный словарь в большинстве случаев входят лексические особенности одного, двух и более областей или районов. А что касается того, как назвать словарь, который охватывает словарные диалектизмы всех диалектов и говоров, то такой словарь целесообразнее было бы назвать сводным общенациональным (общеказахским, общеузбекским и т. д.) диалектным словарем.

При составлении диалектного словаря пришлось преодолеть ряд трудностей. Эти трудности, в первую очередь, связаны с тем, что совершенно неисследованными остаются вопросы теории диалектной лексикографии. Незатронутыми остаются такие вопросы, как структура и специфика словаря, принципы отбора, толкования и привле-

[1] Ф. П. Филин. Об областном словаре русского языка. „Лексикографический сборник", 1958, II, стр. 10.

чения иллюстративных материалов, а также вопрос о мере включения этих материалов в диалектные словари[1].

При составлении диалектных словарей должен учитываться опыт создания толковых словарей. Мы, конечно, хорошо понимаем, что к диалектным словарям нельзя предъявлять такие требования, какие предъявляются к толковым и двуязычным словарям. Но отсутствие инструкции по составлению диалектного словаря принуждало нас обращаться к инструкции по составлению толкового словаря казахского языка[2]. Диалектные словари, как метко заметил Г. Мельниченко, „можно рассматривать как особую разновидность толковых словарей"[3].

Прежде всего, нужно решить вопрос о том, что из словарного состава говоров должно войти в диалектные словари. При подборе слов для словника словаря мы должны исходить из норм литературного языка. Мы вполне согласны с мнением Ф. П. Филина о том, что „Словарный диалектизм (единственный объект областного словаря) — слово, территориально ограниченное в своем употреблении, имеющее диалектную изоглоссу. Если не придерживаться этого объективно данного в самом языке принципа, то мы потеряем всякую границу между областными и разговорно-просторечными словами и не будем иметь никаких критериев для отбора слов в областной словарь"[4].

Трудности возникали и в связи с тем, что пока у нас еще не установлен круг основных диалектных различий казахского языка. Большую сложность представляет вопрос о границах между диалектизмами и просторечными словами. Границы между ними не всегда могут быть точно установлены, особенно если еще не выяснены границы территориального распространения их. Поэтому при подборе реестровых слов приходилось быть очень осторожными.

В указанном диалектном словаре отражены все слои лексики казахских говоров. Диалектизмы в казахском языке представлены всеми частями речи вплоть до служебных слов и междометий.

В словарь включены диалектизмы как противопоставленные, так и непротивопоставленные, слова, по форме общие со словами литературного языка, но употребляющиеся в говорах в других значениях. В словарь включены также узколокальные слова, заимствованные из родственных (узбекского, татарского), а также из русского, китайского и др. языков. Фонетические варианты одних и тех же слов, а также диалектизмы — „синонимы" в казахском словаре выделяются с отсылочными знаками (=). В словарь включено значительное количество профессиональных слов, связанных с рыболовством, хлопководством, бахчеводством и др. отраслями хозяйства. Причем, эти узкоспециальные слова в словарь включаются в том случае, если то или иное профессиональное слово является достоянием отдельного говора и не относится к группе повсеместно употребительных профессиональных слов общенационального языка. Слова,

---

[1] Диалектный словарь казахского языка был составлен кандидатом филологических наук Ж. Доскараевым в 1955 году. Этот словарь охватывает около 3000 слов и является первым опытом в области казахской диалектной лексикографии. См. Ж. Доскараев. Қазіргі қазақ тілінің жергілікті ерекшеліктері Лексика. Алматы, 1955, 155 стр.

[2] Қәзіргі қазақ тілінің бір томдық түсіндірме создігінің инструкциясы. Курастырғандар: Г. Жәркешева, Г. Мусабаев, С. Кенесбаев. Редактор С. К. Кенесбаев. Алматы, 1953.

[3] Г. Мельниченко. О принципах составления областных словарей. Уч. зап. Ярославского гос. пед. института им. К. Д. Ушинского, вып. XXVI (XXXVI). Русский язык. Ярославль, 1957.

[4] Ф. П. Филин. Об областном словаре русского языка. „Лексикографический сборник", вып. II., М., 1957, стр. 5.

включаемые в словарь, являются словами территориально ограниченными, локальными. Это касается и узкоспециальных профессиональных слов, о которых мы уже говорили. Топонимические названия не должны включаться в словарь. Если название полуострова *Мангышлак* и название села *Маканчи* местными жителями произносятся как *Манкыстау* и *Муканчы//Мыканчы* вм. *Мангыстау* и *Маканшы*, то такие явления относятся к явлениям фонетического порядка и включению в словарь не подлежат. Ясно, что фонетико-грамматические диалектизмы не должны включаться в словарь.

Мы не считаем, что словарь во всех отношениях является специфически диалектным, т. к. иногда в современном казахском языке очень трудно бывает провести границу между областной и литературной лексикой. Наблюдается много точек соприкосновения слов литературного языка с диалектизмами. Если грамматические и фонетические явления уже твердо нормализованы, и мы чётко отличаем литературные формы от диалектных, то в отношении лексики мы в ряде случаев наталкиваемся на затруднения, т. к. хотя казахский литературный язык уже сложился, нормализован, но процесс внутренней шлифовки в области лексики еще продолжается: определенная часть лексики находится в процессе нормализации, параллельно продолжают сосуществовать несколько вариантов „синонимов", имеющих определенные территориальные границы в употреблении, и мы пока не можем дать предпочтение одному из этих равноправных вариантов, называя его литературным словом. Например, мы имеем 7—8 названий балки — части сооружения, из которых *мәтке, арқалық, қары* употребляются параллельно. Коромысло имеет также 7—8 названий, из которых *мойын ағаш, су ағаш, иін ағаш* употребляются параллельно. Дублетные параллели имеет и название одеколона (*иіссу, иісмай, әтір*). Если учесть, что таких дублетных слов в казахском языке немало, то нетрудно понять, насколько осложняется работа по отбору слов для словника диалектного словаря. Нам кажется, что в таких случаях каждый вариант этих групп слов — синонимов нужно выделять в отдельную словарную статью, иллюстрировать их примерами и затем давать отсылку.

Одним из спорных вопросов, который нужно разрешить, является вопрос о том, следует ли в качестве реестровых слов выделять целые словосочетания, состоящие из двух, трех, а иногда и четырех слов? Правильно ли поступили составители казахского и татарского диалектных словарей, выделив в реестровые слова те словосочетания, в которых диалектный характер слова определяется лишь употреблением его в данном словосочетании? Нам кажется, что в качестве реестровых слов в диалектных словарях должны выделяться не только отдельные слова, но и целые словосочетания, состоящие из двух или нескольких слов. Например, к ним относятся такие сочетания, как *аяқтап сату* (продавать скот в заколотом виде), *аяқтай сату* (продавать скот живьем), *жер шығып кету* (высыхание земли), *аяқ усті болу* (выздоравливание), *жумыс жасау* (работать), где каждое слово в отдельно взятом виде употребляется и в литературном языке, но значения, полученные при их сочетании, уже не соответствуют нормам литературного языка, ибо только их сочетание образует диалектное употребление.

Но среди казахских диалектологов были и другие мнения. Предлагалось в качестве заглавного слова выделить диалектизм, который имеется в данном словосочетании. А как быть тогда с теми словосочетаниями, о которых говорилось выше и в которых нет диалектного слова? Если в одних случаях мы будем выделять в реестры словосочетания, а в других — диалектное слово, то у нас не будет единой системы в выделении словосочетаний. К тому же в казахских гово-

рах словосочетания, в которых трудно выделить диалектное слово, встречаются чаще, чем те, в составе которых оно имеется. Нам кажется, чтобы сохранить единую систему, словосочетания следует выделять целиком.

Диалектные омонимы в словаре подаются так, как это принято в толковых словарях: каждое слово выделяется в отдельную словарную статью и снабжается римскими цифрами, Например, слово *шақа* в значении „цена, стоимость" составляет одну словарную статью, в значении „ведро" — другую, в значении „ребенок" — третью и, наконец, в значении „чекушка" (у телеги) это слово выделено в четвертую словарную статью. Все они рассматриваются как диалектные омонимы. Там, где имеется многозначность слов, все значения одного и того же слова включаются в одну словарную статью и снабжаются арабскими цифрами.

Слова знаком ударения в словаре не снабжаются, т. к. ударение в казахских словах, в основном, падает на последний слог, и отклонений от этого закона в области словарных диалектизмов пока не отмечено.

Как известно, основной задачей диалектного словаря является точное истолкование, определение значений слов средствами литературного языка. В казахском диалектном словаре даются следующие виды определений.

1. Синонимические определения, которые представляют собой соответствующие диалектному слову эквиваленты из литературного языка.

2. Описательные определения, употреблявшиеся в тех случаях, когда для объяснения словарного диалектизма в литературном языке не удавалось подыскать синонимически адекватного соответствия. Описательные определения даются почти ко всем узкоспециальным профессиональным словам, не имеющим соответствий в литературном языке.

3. Отсылочные определения. При наличии у одного и того же слова двух или более вариантов произношения, а также при наличии нескольких „синонимов", толкование дается одному из этих вариантов или „синонимов", а при других вариантах делается отсылка к первым. Как нам кажется, отсылочных определений в диалектных словарях не следует применять, т. к. при таких отсылках исключается возможность документирования отсылочных слов, а также иллюстрирования их примерами. К тому же отсылаемые друг к другу диалектизмы-синонимы могут употребляться в разных группах говоров. Если уж никак не обойтись в словаре без отсылки, то в таких случаях, помимо объяснения, толкования одного из „синонимов", целесообразно в скобках указать и другие существующие „синонимы".

Нуждаются в обсуждении также вопросы об источниках иллюстрирования и о мере введения иллюстративных материалов в словарные статьи. Как известно, толкование слова становится живым, убедительным только при наличии примеров, которые содействуют полному раскрытию значений слов в конкретных условиях, показывают использование их в связной речи. Эти примеры исключительно большую роль играют при описательных определениях.

При составлении диалектных словарей в качестве источников должны использоваться следующие материалы.

1. Материалы диалектологических экспедиций. Если источником для толковых словарей служат преимущественно тексты художественной литературы, то основными источниками иллюстрации для диалектных словарей являются материалы диалектологических экспедиций. В словаре не должно быть ни одной словарной статьи,

где бы не было примера из диалектологических материалов. Причем эти примеры даются непосредственно за определениями, и они особенно ценны в тех случаях, когда приходится прибегать к описательным толкованиям, которые иногда получают вид пространного объяснения.

В казахском словаре реестровые слова почти всегда сопровождаются подобными примерами. Однако помещение двух или трех примеров в одной словарной статье оправдывается лишь в тех случаях, когда словарный диалектизм, входящий в эти примеры, по своему территориальному распространению очень обширен, и эти примеры взяты из материалов, зафиксированных в нескольких отдаленных друг от друга районах.

В многозначных же словах каждое значение слов сопровождается соответствующими иллюстративными материалами. В словарной статье не обязательно указывать, когда и от кого записано слово, а указать, где (область, район) зафиксировано слово — прямая обязанность словаря.

Документация, указывающая на район распространения слова, должна даваться в скобках непосредственно после реестрового слова. Если при составлении азербайджанского и татарского диалектных словарей, в силу общепризнанной классификации диалектов, имеется возможность вести документацию, ссылаясь на названия говоров и диалектов, то в казахском словаре, ввиду невыясненности основных диалектных различий, приходится ограничиваться указанием лишь района и области. Причем, следует иметь в виду, что если после реестрового слова идет указание на область или район, где зафиксировано слово, то это не значит, что данное слово не употребляется в соседних районах и областях. Составители при всем своем желании не смогли бы указать на все населенные пункты, где употребляется данное слово, т. к. не все еще районы охвачены изучением.

2. Материалы периодической печати, художественной литературы и фольклора. Как один из источников иллюстрации должны быть широко использованы материалы художественных произведений, фольклора, а также материалы областных и особенно районных газет, где еще часто можно встретить диалектные слова. Примеры из этих источников желательно давать непосредственно после материалов диалектологических экспедиций. В казахском словаре материалы художественной литературы и фольклора использованы частично, а материалы периодической районной печати, к сожалению, совершенно не использованы.

Как известно, словарные диалектизмы вводятся в язык художественной литературы с определенной целью. Писатель путем употребления местных особенностей говоров старается передать в произведении местный колорит. Удачно использованы они в романе М. Ауэзова „Абай“, а также в романе С. Муканова „Ботаков“ и др. Однако часто можно наблюдать, как отдельные писатели, чрезмерно увлекшись местными речениями, злоупотребляют ими. Это, конечно, является нежелательным в художественном произведении, но может быть использовано составителями диалектных словарей. Например, в одном только романе Г. Сланова „Огнедышащая гора“ мы находим около ста диалектизмов. Если в западных областях Казахстана стенную газету называют *жар газеті* (вм. лит. кабырға газеті), почему бы в словарной статье к слову *жар* не привести пример из вышеуказанного романа, автором которого является уроженец Западного Казахстана. Если в некоторых районах Семипалатинской области отмечено служебное слово *тургай//тургой* (вм. лит. *түгіл* „не только...“) и если эта форма 25 раз встречается в повести писателя Ж. Тлекова „Кайнар“, почему бы к реестровому слову *тургай*

не привести пример из этой повести? В южных говорах отмечена форма *сурау* (управлять, властвовать), которая в аналогичном значении употреблена и у Джамбула. Литературную цитату из стихотворений Джамбула можно использовать в качестве иллюстративного материала к слову *сурау*. К сожалению, в нашем словаре цитаты из художественной литературы использованы очень мало. Гораздо больше использованы фольклорные материалы. Например, приводятся цитаты из эпических произведений „Козы-Корпеш-Баян-сулу", „Кыз-Жибек", „Ер-Таргын", „Камбар" и др. Использована масса пословиц, содержащих в себе словарные диалектизмы. Например: *Мият, мияттың түбі ұят; казадағы балық - казандағы балық; айдап жүрмін обымды, айналдырып кидім тонымды; арғайынның азары болса да, безері болмас* и мн. другие.

Нам кажется, что составлению словаря должна предшествовать диалектологическая обработка всей художественной литературы. При составлении диалектного словаря такая работа велась лишь частично и поэтому не было возможности широко использовать материалы художественной литературы.

В словаре (там, где возможно) должны даваться исторические справки и этимологии в следующих рамках: 1) для исконно казахских слов — анализ морфологической структуры слова, установление их составных частей и сопоставление со словами родственных языков; 2) для заимствованных слов — указание источника заимствования. Причем, в этой справке обязательно указывается значение этого слова в языке-источнике, из которого данное слово заимствовано, т. к. значение заимствованных слов не всегда совпадает со значением соответствующих слов языка-источника.

В казахском словаре широко использованы лексические параллели из других тюркских языков, материалы из древнетюркских памятников, а по части заимствований—лексические соответствия из русского, китайского, татарского и других языков. Например, в словарной статье на слово *аданас* (родственник) приводятся такие параллели из родственных языков, как тувинское, ойротское *ада*, древнетюркское *ада*. В словарной статье к южному диалектизму *сыпыра* (скатерть) приводятся соответствующие параллели из узбекского, уйгурского и персидского языков. Такие сравнительные материалы имеются в большинстве словарных статей.

В западных областях Казахстана вм. лит. *сом* (рубль) выступает заимствованное слово *манат* (ср. монета). В Маканчинском районе Семипалатинской области, граничащей с Китайской Народной Республикой, вм. лит. *шүгөрі* (кукуруза) употребляется слово *борми*, которое происходит от китайского *баоми* (кукуруза). Здесь слово *борми* также снабжается исторической справкой с указанием на источник заимствования. По этому же принципу даются справки на такие заимствованные из русского языка слова, как *үілет* (клеть), *бокебай* (пуховый), *бөгіребас* (погребец) и другие.

В иллюстрациях широко были использованы материалы, представленные в татарском диалектном словаре[1]. Например, в качестве сравнительного материала к казахским диалектизмам *ату* (ичиги), *сәт* (часы), *аржа* (ящик), *қашаға* (занавеска), *сыбай* (всадник) и др. были приведены соответствующие татарские диалектизмы *ату, сәәт, әрҗә, качак, сыбай* и др., которые в татарских говорах употребляются в тех же значениях, что и в казахском.

Конечно, словарь, составленный в сравнительном плане с фактами родственных языков, дает богатый материал для создания сравни-

[1] Диалектологик сүзлек. Төзүчеләр: Н. Борһанова, Г. Якупова. Л. Жәләй редакциясендә. Казан. 1953.

тельной грамматики тюркских языков, а также для этимологических исследований. Однако такие сравнительные материалы не всегда обязательно давать в словаре, т. к. это не входит в основную задачу диалектных словарей.

При составлении словарей должна быть тщательно продумана система стилистических помет. Для диалектных словарей подходят не все пометы, которые приняты в толковых и двуязычных словарях. В диалектных словарях не обязательно применять грамматические пометы. Но для словаря приемлема помета „устаревшее", причем, она в толковых, двуязычных и диалектных словарях имеет неодинаковое значение. Если в толковых и двуязычных словарях под устаревшими словами понимаем такие слова, которые раньше были обычными для языка, а теперь стали вытесняться и, в силу этого, стали редко употребительными, то в диалектных словарях под этим следует понимать слова, которые когда-то были обычными для данного говора, но впоследствии вышли из употребления.

При составлении областного словаря какого-либо диалекта желательно прилагать к нему краткий грамматический справочник, как это делается в некоторых двуязычных словарях. Это поможет получить цельное представление о фонетико-грамматической структуре этого диалекта.

Как известно, созданию диалектного словаря должно предшествовать составление специальной инструкции, где должны быть определены требования к составителям. К сожалению, такие инструкции у нас отсутствуют. На первых порах желательно было бы составлять инструкции, общие для групп родственных языков (в данном случае для тюркских), т. к. при составлении диалектных словарей мы безусловно будем сталкиваться с однотипными трудностями, и разрешение этих трудностей и спорных вопросов общими усилиями намного облегчит нашу работу в области диалектной лексикографии.

Л. Т. Махмутова

(Казань)

О ПРИНЦИПАХ СОСТАВЛЕНИЯ ТАТАРСКОГО ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

В настоящее время перед татарской диалектологией, наряду с составлением диалектологического атласа татарского языка, ставится вопрос о создании большого диалектологического словаря, охватывающего все татарские диалекты.

Постановка этого вопроса является своевременной, т. к. отсутствие такого словаря затрудняет исследование исторического развития лексики татарского языка, сравнительно-историческое изучение словарного состава татарского языка со словарным составом других тюркских, а также монгольских языков. Такой словарь явился бы также серьезным вкладом в дело подготовки толкового словаря татарского языка. Приходилось обращаться к диалектам и при составлении 4-томного русско-татарского словаря.

Чтобы пока частично удовлетворить потребность в таком словаре, диалектологи нашего института намечают подготовку диалектологического словаря, охватывающего диалектную лексику татарских говоров, распространенных на Европейской части СССР, включая также Челябинскую, Курганскую и Оренбургскую области, т. е. территорию распространения двух крупных татарских диалектов, сыгравших важную роль в формировании, развитии и дальнейшем обогащении татарского литературного языка.

В данном сообщении хотелось бы кратко остановиться на том, какие имеются у нас источники, в какой степени они могут быть использованы нами при составлении диалектологического словаря и, затем, на некоторых основных, наиболее важных принципах составления этого словаря.

Известно, что изучение татарского языка началось еще в XVII веке. Вначале оно носило чисто практический характер и служило миссионерско-колонизаторским целям царского правительства. В течение этого периода создавались глоссарии, различного рода пособия, самоучители для изучающих татарский язык и т. д.

В данном случае особый интерес для нас, татарских диалектологов, представляют словари, создававшиеся в конце 18 века и в 19 веке, т. к., во-первых, составители некоторых из них опирались на отдельные говоры татарского языка, во-вторых, татарская часть их дана в так называемой миссионерской транскрипции, которая довольно точно передает особенности говора. Такими словарями являются: „Шестиязычный словарь Дамаскина" (1785 г.), в татарской части его имеем лексические материалы по говору нижего-

родских татар (т. е. сергачских мишарей); словарь И. Гиганова (1804 г.) [1], при составлении которого автор опирался на говоры сибирских татар; превосходными для своего времени являются двуязычные словари Н. П. Остроумова [2] и А. Воскресенского [3], татарская часть которых полностью основана на говоре крещеных татар.

Во всех этих словарях, наряду с общенародной лексикой, составляющей основу словарного состава всякого говора или диалекта, помещалась и диалектная лексика, имеющая узко территориальное распространение.

Значительное количество лексикографического материала зафиксировано также в таких трудах, как „Опыт словаря тюркских наречий" (1885, 1888, 1900, 1905 гг.) В. В. Радлова; „О языке и народности мишарей" (К., 1909) Г. Ахмарова, в трудах Н. Ф. Катанова, Е. А. Малова и некоторых других.

Таким образом, уже до Октябрьской социалистической революции был накоплен довольно богатый лексический материал по отдельным говорам и диалектам татарского языка. Но все же надо признать, что до революции изучение татарских диалектов (в частности сбор лексического материала) носило отрывочный, несистематический характер. И только после Великой Октябрьской революции началось планомерное изучение диалектов татарского языка путем организации диалектологических экспедиций. В результате, за последнее время накоплено значительное количество лексического материала, часть которого уже издана или издается в виде небольших выпусков диалектологического словаря, включающих в себя, примерно, по 4000 слов; часть материалов пока еще остается в рукописи в виде приложений к кандидатским диссертациям или научным отчетам.

Первая часть диалектологического словаря была выпущена в свет в 1948 г. Материалы для него были собраны путем экспедиций, а также путем рассылки на места специальных вопросников и анкет. Эта часть словаря охватывает, главным образом, лексику восточного диалекта татарского языка. Но здесь имеются и материалы по другим татарским диалектам, хотя их значительно меньше. Несмотря на то, что это был первый опыт создания татарского диалектологического словаря, он составлен на достаточно высоком уровне.

Вторая часть татарского диалектологического словаря издана в 1953 г. Она, к сожалению, во многом уступает первой части как по технике и принципам составления, так и по тому, что в эту часть словаря попало некоторое (правда, небольшое) количество случайного, непроверенного, а отсюда недоброкачественного материала; сюда попали также слова литературного языка или же фонетические варианты слов литературного языка. Все это объясняется, по-видимому, тем, что товарищи, принимавшие участие в сборе материала и составлении словаря, не имели под руками ни разработанных единых принципов, ни соответствующих инструкций.

Третья часть диалектологического словаря татарского языка составлена исключительно на основе материалов, собранных на местах путем экспедиционных выездов.

---

[1] Словарь росс.-тат., собранный в Тобольском глав. нар. училище учителем тат. языка священ. Госифом Гигановым (СПБ, 1804 г.).

[2] Н. П. Остроумов. Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещ. татар Казан. губ., Казань, 1876 г.; Н. П. Остроумов. Татарско-русский словарь, Казань, 1892.

[3] А. Воскресенский. Русско-татарский словарь с предисловием о произношении и этимологических изменениях татарских слов, Казань, 1894 г.

При составлении этой части словаря был использован опыт составления прежних диалектологических словарей, а также частично опыт составления 4-томного русско-татарского словаря. Словарь был составлен в 1956 году. Надеялись, что он выйдет в свет к настоящей конференции, но наши надежды не оправдались: успели получить только корректуру словаря [1].

Как видно из вышесказанного, татарская диалектология располагает лексикографическим материалом, накапливавшимся в течение довольно длительного времени. Однако неправильно было бы думать, что все эти источники могут быть использованы при составлении большого диалектологического словаря. Так, словари и другой лексический материал, изданные в 19 веке, могут служить лишь источником для исторической лексикографии и лексикологии, а при составлении диалектологического словаря они могут дать только вспомогательный материал, так как в них мы не находим ни точного указания на место и время фиксирования материала, ни достаточного количества иллюстраций, нередки также случаи неправильного толкования значений слов.

Поэтому при составлении большого диалектологического словаря нам придется опираться, главным образом, на материалы, собранные в течение последних десятилетий путем экспедиций, критически использовать материалы, включенные в отдельные выпуски диалектологического словаря, и добавить то, что будет получено при дальнейшем изучении татарских диалектов.

Нам представляется, что анкетные данные также могут служить некоторым подспорьем при составлении диалектологического словаря.

Перейдем к изложению некоторых (подчеркиваю — лишь некоторых, наиболее важных) принципов построения словаря.

Сразу же замечу, что принципы эти, за исключением тех, на которые я укажу, использовались уже при составлении находящейся в печати III части диалектологического словаря.

I. Прежде всего, какие слова должны включаться в диалектологический словарь?

В диалектологический словарь включается только диалектная лексика, к которой мы относим следующие группы слов:

1. Слова, характерные для данного говора или группы говоров, но отсутствующие в татарском литературном языке. Например, *'елэйлэнеш* (кас. гов.) – литер. *көнбагыш* (подсолнух); *пинэ* (миш. д.) — литер. *үпкэ* (обида); *тэртешкэ* (гов. ур. татар.) — литер. *кисэү агачы* (кочерга); *орынтын* (миш. д.) — литер *яшертен, астыртын* (тайно, исподтишка); *чирахман* (миш. д.) — литер. *боз* (град); *үши'* (кас. гов.) — литер. *гайбәт, әләк* (сплетня, ябеда); *япа* (параньг. гов.) — *ялгыз* (один, одинокий) и др.

2. Слова, одинаковые по звучанию со словами литературного языка, но употребляющиеся в говоре в другом значении. Например, слово *сыр* в мишарском диалекте и касимовском говоре среднего диалекта значит „краска", в литературном языке — „складка"; *тастымал* в мишарском диалекте означает „головной платок", в литературном языке – „салфетка"; *авыл* в касимовском говоре – „улица", в литературном языке — „деревня"; послелог *артында* в касимовском говоре соответствует русскому предлогу „под (чем -нибудь)", в литературном языке — русскому предлогу „за (чем-нибудь)". Ср. касимовское: *эстил артында* — под столом; *үрди' артына җиде җомор'а*

[1] Словарь, о котором здесь идет речь, вышел в свет в декабре 1958 г. (см. Диалектологик сүзлек, III кисәк, Казан, 1958 е.; төзүчеләр: Н. Б. Борһанова, Л. Т. Махмутова). — *Ред.*

'уйдым и бәрси ди чы'ты — под утку положила семь яиц и из всех вылупились (утята).

3. Слова, имеющие ряд дополнительных по сравнению с литературным языком значений. Например, слово „аяз", которое бытует в литературном языке в значении „ясный, безоблачный, солнечный" (*аяз көн* — ясный день), в нократ-кистымском говоре среднего диалекта имеет еще четыре значения, неизвестных литературному языку. Там и о голосе можно сказать „аяз" (*синен тавыш бик аяз икән ерламаға*), и о почерке (*син яман аяз язасын икән, укыма була ич*), и о человеке в значении „приветливый" (*бик аяз кеше ул Нотфулла абзый*), и, наконец, об открытой поляне (*аязда эләк йыдык*).

4. Фонетические варианты слов литературного языка, как правило, не включаются в словарь. Но если слово под влиянием действующих в языке законов настолько изменило свой фонетический облик, что порой трудно бывает в нем узнать то или иное известное нам из общенародного языка слово, то оно должно найти свое место в словаре. Например, литературное *күлмәк* в касимовском говоре звучит как *'үли'*, литературное *икмәк* там же звучит как *үтми'*, и т. д. Мы считаем, что подобные слова должны войти в словарь.

5. И последняя группа включаемых в словарь слов — это слова, изменение звукового состава которых носит единичный характер, т. е. не является закономерным для данного говора. Например, у глазовских татар литературное *уңайсыз* — неудобный звучит как *умайсыз*. Так как других подобных случаев замены *н* звуком *м* в данном говоре не отмечено, то это слово вошло в словарь. Ср. также касим. *чекә* вм. литер. *нечкә* — тонкий, *чартла* вм. литер. *шартла* — лопни и др.

II. Следующим наиболее трудным этапом в работе по созданию диалектологического словаря является определение и правильная передача значения слова.

1. Значение диалектного слова в одних случаях раскрывается эквивалентным по значению словом литературного языка. Например, *уч табаны* (миш. д.) — *уч төбе*; *чи ӗпь* (миш. д.) — *тегәрҗәп*; *җиралма* (кас. гов). — *бәрәңге*.

2. В случае же отсутствия его в литературном языке — путем развернутого толкования значения диалектного слова. Например, слово *токын*, отмеченное в говоре уральских татар, означает: 1) место, отгороженное в дальнем углу конюшни, для содержания зимой мелкого скота и птицы; 2) *перен.* глушь, глухое место, глухомань.

Эквивалента этого слова в татарском литературном языке нет. Даем объяснение его: 1) җылы абзарның бер почмагын бүлеп алып, кыш көне вак терлекне һәм кош-кортны ябу өчен җайланган урын; 2) район үзәгеннән һәм гомумән культура үзәгеннән ерак җир.

Или возьмем слово *сузан*. Оно отмечено в заказанском говоре и значит „долговязый". В литературном языке эквивалента его не имеем. Даем развернутое объяснение: „озын буйлы ябык кешегә карата әйтелә" или „озын буйлы ябык кеше".

В особо трудных случаях, когда речь идет о каких-нибудь деталях отдельных хозяйственных предметов или орудий труда, построек, следует, как нам кажется, наряду с объяснением, давать и схематический рисунок. К этой мысли мы окончательно пришли еще при составлении III части диалектологического словаря, когда на практике столкнулись с этими трудностями, но претворить ее в жизнь думаем в Большом словаре.

3. Если в словаре имеется синоним данного слова, и значение его уже дано, то ограничиваемся просто отсылкой этого слова к его синониму, а затем (в необходимых случаях) даем пример.

4. В тех случаях, когда многозначное слово является диалектным лишь по части своих значений, а другие его значения совпадают со значениями соответствующего слова литературного языка, было бы целесообразным указывать и на последние. Например, слово *тоя'* в касимовском говоре значит: 1) пятка, 2) каблук, 3) копыто. В литературном языке *тояк* употребляется только в третьем значении. На наш взгляд, необходимо давать в словаре и это третье значение. Это заняло бы немного места, но зато дало бы возможность иметь полное представление о семантике данного слова. В прежних диалектологических словарях, включая сюда и III часть, мы этого не делали, но в будущем намерены придерживаться этого принципа.

5. Очень важное значение мы придаем толкованию слова на русском языке, т. к. это, несомненно, облегчило бы работу как при сравнительно-историческом изучении лексики тюркских и монгольских языков, так и при составлении сравнительного диалектологического словаря тюркских языков. Вообще, материалы, включенные в диалектологические словари, стали бы взаимно более доступными для специалистов по тюркским, монгольским и финно-угорским языкам. В III части диалектологического словаря мы давали значения лишь отдельных слов на русском языке, но в большом словаре мы намерены проводить это последовательно во всех случаях.

6. В словаре широко должна быть представлена диалектная фразеология. Сочетания, в которых диалектное слово выступает лишь в связном значении, даются после знака ◇ с соответствующим толкованием их значения:

Пирахлат *Хвал. с.* — өрлек (перекладина); *аранның пирахлаты сынган.* ◇ **Тамук пирахлаты** — хурлау сүзе (ругат. слово, букв. знач. „перекладина ада").

Если значение отдельно взятого слова непонятно, необъяснимо, забыто носителями говора, и это слово употребляется только в сочетании с другим словом, то в таких случаях оно берется в качестве заглавного слова, после него ставится двоеточие и далее дается сочетание, в котором оно употребляется, с соответствующим пояснением.

Эпчи: әпчи карчыгы *Хвал. с.* — күп сөйләүчән, һәр нәрсәне тикшереп, акыл өйрәтеп торырга яратучан хатын-кызга карата әйтелә (любительница поговорить, поучать других, вмешиваться во все).

Что касается пословиц и поговорок, то они могут быть приведены в качестве иллюстраций к отдельным значениям слов:

Камау *миш. д.* — ихтирам итү, хөрмәтләү, хөрмәт белән карау (уважать): *ир камаганны ил камый, ир какканны ил кага.*

Тару *Мәл. с. Хвал. с. Бөре с. Кас. с.* — очрау, туры килү (попадаться, попасться, доставаться); *азыклы ат арымый, күп кешегә тарымый.*

III. При составлении диалектологического словаря приходится уделять большое внимание иллюстрации примерами, по возможности, каждого значения слова. Лучшим иллюстративным материалом являются, конечно, записи, сделанные на местах во время экспедиций. Сюда относятся и отдельные фразы и цитаты из связных текстов.

В качестве иллюстраций могут быть использованы также и извлечения из фольклорных записей, сделанных самими участниками экспедиций. Правда, при использовании фольклорного материала необходимо проявлять максимум осторожности, ввиду того, что в фольклорных произведениях встречаются иногда слова, нехарак-

терные для данного говора. В таких случаях мы стараемся на месте выяснить источник появления данного слова в фольклоре изучаемого говора. Так, слово *муел* в темниковском говоре мишарского диалекта не употребляется, значение его неизвестно носителям говора. Но в песне поют:

Олы юлкайларда *муеллар*,
Арасында сайрый былбыллар...

Когда спросили, что означает *муел*, даже представители старшего поколения не смогли ответить на этот вопрос. Позднее оказалось, что в районе Рузаевки и южнее, в Пензенской области, это слово является общепонятным и общеупотребительным: там *муел* значит „черемуха" (тат. литер. — *шомырт*). Следовательно, к темниковским мишарям оно попало с песней, но значение его осталось непонятным.

Этот пример показывает, что не всякое слово, встречающееся в фольклорных произведениях, бытует в говоре и что мы должны быть осторожными при использовании фольклорного материала в диалектологическом словаре, хотя в то же время не должны отказываться от него.

В некоторых случаях иллюстративным материалом могут служить и цитаты из произведений крупных мастеров слова, таких, как М. Колый, Г. Кандалый, Ш. Камал, Г. Ибрагимов, Х. Такташ и др., которые использовали в своих произведениях диалектные слова с той или иной целью (чаще всего для характеристики речи персонажа).

Приведу только один пример. Слово *асрау* в татарском литературном языке и во многих его говорах означает „воспитывать, содержать". А в одном из говоров татарского языка оно употребляется в значении „родить ребенка".

Классик татарской литературы Г. Ибрагимов в одном из своих произведений употребляет *асрау* именно в этом значении: „*игез бала асрап, икесе дә үле тугач, ирнең күңеленда бер шом уянды*". (т. III, стр. 601), вместо „*игез бала тудырып, икесе дә үле тугач...*" Здесь автор, видимо, хотел избежать повторения слов „тудырып", „тугач" и поэтому употребляет диалектное „асрау".

Таких примеров можно было бы привести довольно много. Мы считаем, что они могут быть использованы в качестве иллюстративного материала в диалектологическом словаре.

Остановлюсь еще на одном вопросе. В татарских диалектах отмечается значительное количество заимствованных слов. Среди них наибольшее место занимают русские, а затем арабо персидские заимствования. В говорах групп населения, находящихся в окружении других нерусских народностей, имеется некоторое количество слов, вошедших из мордовского, удмуртского, марийского, чувашского и других языков. В III части диалектологического словаря мы, по возможности, указывали на источник заимствования этих слов.

Например: русское слово „голбец" попало в нократ-кистымский говор в форме *гөлбәч//гөлмәч* и в говор уральских татар — в форме *гөлбич* в значении „подполье" (лит. идән асты), а у тептярей это слово употребляется в значении „промежуток между стеной и печью". Русское слово „целый" попало в мишарский диалект в форме *чил* (ср. в пословице: *бүресе дә тук булсын, куе да чил булсын* — чтобы и волк был сыт и овцы целы были).

Русские заимствования встречаются в отдельных говорах даже в области глаголов.

Например, слово *жәртлими'и* касимовского говора восходит к русскому *жарить* + словообр. афф. *ли* + афф. инф. *ми'и*; *кума'лама'а* (кас. гов.) в значении „завязать узлом" восходит к русск. *комок* + + словообраз. афф. *ла* + афф. инф. *ма'а*.

Мишарское *паңгы* (гриб) заимствовано из мордовского языка. Слова *өмөжә* (ежевика) и *угата* (очень) заимствованы в говор уральских татар из марийского языка (ср. марийск. *ынгыж* и *огата*).

Слова *секере* (каравай) и *кукыле* (пирог) заимствованы в нукраткистымский говор из чувашского языка (ср. чувашск. *çăкăр* и *кукăль*), а слова *кучкук* (комар) и *папа* (насекомое) заимствованы в тот же говор из удмуртского языка.

Несколько слов о пометах. Поскольку в словаре помещается диалектная лексика, т. е. лексика, территориально ограниченная в своем употреблении, каждое слово (а там, где различные значения слов употребляются в различных говорах, — и каждое значение его) необходимо снабжать пометой, указывающей на территорию распространения данного слова.

Отдельные слова употребляются только на части территории распространения того или иного говора. Такие случаи должны также получить отражение в словаре. Например, нагорный говор (а вернее было бы сказать „нагорная группа говоров") делится на три говора или, как принято называть в татарской диалектологии,— на три подговора. Между ними много общего. Но по ряду особенностей, в том числе лексических, они отличаются друг от друга. Поэтому в тех случаях, когда слово употребляется лишь в одном из подговоров, в словаре указывается говор (*Т. Я. с.* — Тау ягы сөйләше), а затем — через черточку и подговор *-К. Т.*- Кама тамагы урынчылыгы, или *Норл.* — Норлат урынчылыгы, или *О. Тарх.*— Олы Тархан урынчылыгы).

То же самое следует сказать и о заказанской группе говоров.

Возникает также вопрос о том, необходимо ли давать в диалектологических словарях по тюркским языкам стилистические и грамматические пометы. Мы считаем, что введение их в словарь при наличии помет, о которых шла речь выше, несколько осложнило бы пользование словарем. В грамматических пометах, на наш взгляд, вообще нет необходимости в этих словарях, а на экспрессивную окраску слов можно указывать при толковании значения слова. Например:

Әчәрвәх *Т. я. с.* — ябык кешегә карата көлеп әйтелә.

В татарской лексикографии наименее изученными являются названия растений и животных. Это особенно чувствовалось при составлении 4-томного русско-татарского словаря.

Сбором названий растений путем составления гербариев татарские диалектологи уже занимаются. Сделаны пока еще первые, робкие шаги в этом направлении.

Правда, это дело нелегкое, т. к. многие растения среди широких слоев населения не имеют особых названий. Их просто называют „ак чәчәк", „күк чәчәк", „сары чәчәк", т. е. по окраске цветов: „белый цветок", „синий цветок", „желтый цветок". Другие же, наоборот, имеют по 8—10 и более названий. Так, нам сейчас известно 12 названий шиповника (*гөлән, гөлҗимеш, аю камыр, камыр элге, эт борны, үгез күзе* и др.), 11 названий бузины красной (*аю баланы, байбай агачы, бохар милəше, бүре элəге, карга милəше, каңгырык агач, кумрык, шүре агачы* и др.).

В приложении к III части словаря даны названия двухсот с лишним растений с их русскими и латинскими эквивалентами, заимствованными из определителя растений.

Таким путем мы надеемся получить материал, который в будущем можно будет частично использовать в толковом и двуязычных словарях.

Таковы наши соображения о некоторых принципах составления большого диалектологического словаря татарского языка. Они основаны на опыте, накопленном татарскими диалектологами и отчасти татарскими лексикографами в течение ряда лет, и, в большинстве своем, уже использовались при составлении третьей части диалектологического словаря. При этом мы, стремясь к максимальной простоте словарной статьи, считаем, что нет необходимости перегружать диалектологический словарь отрывочными сравнительными материалами из других тюркских языков.

Отрадно отметить, что наши практические выводы, в основном, не расходятся с взглядами ведущих русских диалектологов и, как показали сегодняшние доклады, наших коллег-тюркологов. Но имеется целый ряд вопросов, которые мы должны еще решить общими усилиями.

А. Г. Велиев

(Баку)

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРОВЕДЕНИЯ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ГОВОРАМИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

(На материале азербайджанского языка)

В Азербайджане планомерное изучение диалектов и говоров началось после установления советской власти. В 1926 году вышло монографическое исследование чл.-корр. АН СССР проф. Н. И. Ашмарина „Обзор народных тюркских говоров гор. Нухи". С 1924 года был начат сбор лексического материала по всем говорам азербайджанского языка, для чего под руководством проф. Ашмарина была составлена первая программа по сбору диалектологического материала. На основе собранного материала был издан диалектологический словарь в 2 выпусках, включающий буквы А и Б. С 1940 года продолжалось более интенсивное монографическое исследование говоров под руководством проф. М. Ш. Ширалиева. За это время написан ряд монографий („Бакинский диалект" М. Ш. Ширалиева, „Кубинский диалект" Р. А. Рустамова и др.), создан специальный курс по диалектологии на филологических факультетах Азербайджанских вузов, составлены программы для монографического исследования и вопросник по диалектологическому атласу азербайджанского языка.

Для успешного развития диалектологической работы в Азербайджане были исследованы обширные районы восточной и западной групп диалектов, а также частично изучены южная и северная группы. Институт литературы и языка АН Азербайджанской ССР и частично Азгосуниверситет и Педагогический институт им. В. И. Ленина занимаются, в основном, подготовкой кадров диалектологов, планированием, организацией и финансированием диалектологических экспедиций, а также индивидуальных поездок для сбора материалов. В Институте обобщаются, обрабатываются и публикуются собранные материалы. Кроме того, диалектологической работой заняты отдельные лица, работники сельских школ и вузов. Руководство всей диалектологической работой в республике сосредоточено в Совете координации АН Азербайджанской ССР. Здесь обсуждается тематика, организуется обмен опытом и консультации для отдельных лиц.

Диалекты и говоры азербайджанского языка изучаются двумя методами: методом монографического исследования и методом лингвистической географии. Как известно, оба эти метода внутренне тесно связаны между собой и являются основными в диалектологических исследованиях. До последнего времени в азербайджанском языкознании главное внимание уделялось методу моногра-

фических исследований. Отдавать предпочтение применению этого метода заставляла также ограниченность числа научно-исследовательских учреждений, занимающихся вопросами изучения диалектов.

Впервые этим методом воспользовался известный языковед Н. И. Ашмарин, применив его при исследовании одного из интересных в языковом отношении диалектов азербайджанского языка — нухинского диалекта. Он, уделив основное свое внимание изучению фонетики и морфологии указанного диалекта, написал ценный труд по азербайджанской диалектологии.

При монографическом исследовании главная цель заключается в том, чтобы выявить все закономерности в данном диалекте, для чего описывается его фонетическая система, грамматический строй, лексические различия. При этом, описание может вестись как по линии охвата всей системы диалекта без учета диалектных различий, так и по линии выяснения только диалектных различий.

Большинство монографических работ, особенно диссертационные работы, отличаются тем, что в них детально изучается вся система данного диалекта без учета диалектных различий. Однако, наряду с этим, во вводной части почти всех монографических работ даются диалектные различия по фонетике, морфологии, синтаксису и лексике.

Известно, что между монографическим исследованием и методом лингвистической географии существуют как общие, так и отличительные моменты. Как при монографическом методе, так и при методе лингвистической географии изучаются отдельные языковые явления. Но если монографическое исследование характеризуется большей глубиной изучения диалекта, то лингвистическая география — большим территориальным охватом. При монографическом описании отдельных диалектов выявляются некоторые особенности, присущие данным диалектам, которые при дальнейшем требуют уточнения территории их распространения, что и осуществляется в процессе изучения методами лингвистической географии. Без монографического описания и изучения отдельных диалектов и говоров невозможно рационально заниматься разрешением вопросов лингвистической географии азербайджанского языка, потому что для установления взаимоотношения между различными диалектами необходимо иметь определенное представление об их специфических особенностях.

В азербайджанской диалектологии так же, как и в диалектологии других тюркских языков, первым этапом работы является монографическое исследование диалектов, отстоящих друг от друга на значительном расстоянии. Так, например, у нас первая монографическая работа была посвящена нухинскому диалекту, который входит в северную группу диалектов и говоров; вторая крупная монография посвящена бакинскому диалекту, относящемуся к восточной группе; далее, в 1950—1955 гг. проводилось монографическое описание нахичеванского и ордубадского диалектов, входящих в южную группу, а в последние годы завершены экспедиционные работы по монографическому изучению казахского диалекта, входящего в западную группу диалектов и говоров.

Для выявления характерных особенностей отдельных говоров и для установления территориальных границ между ними необходимо пользоваться методом лингвистической географии. Так как монографическое изучение диалектов и говоров восточной группы, можно сказать, почти закончено, азербайджанские диалектологи с 1957 года приступили к составлению географического атласа восточной группы, о чем подробно говорил в своем докладе проф. М. Ш. Ширалиев. Однако, с применением метода лингвистической географии

не прекращается монографическое исследование диалектов. Исходя из этого, в структуре отдела диалектологии Института выделяется отдельная группа диалектологов для продолжения монографических исследований. Кроме того, как отмечалось выше, монографическая работа ведется вузами и отдельными лицами — диалектологами.

При монографическом исследовании диалекта описываются либо все стороны языка (фонетика, морфология, синтаксис, лексика), либо только одна или две его стороны. Например, в работе „Нухинский диалект" дано описание только фонетики и морфологии этого диалекта.

При исследовании диалектов можно пользоваться как индивидуальным, так и групповым методом. Индивидуальным методом изучены бакинский, кубинский диалекты, говоры Исмаиллинского, Маразинского, Западно-Апшеронского, Дманиского, Таузского и др. районов. Групповым методом изучено большинство диалектов и говоров азербайджанского языка, как, например, муганские говоры, нахичеванский, казахский, агдашский, геокчайский говоры и др. Групповое изучение проводится Институтом литературы и языка АН Азербайджанской ССР и частично Азгосуниверситетом. Для изучения диалектов групповым методом организуются специальные экспедиции в составе специалистов-диалектологов, в основном, сотрудников отдела диалектологии Института литературы и языка АН. Кроме того, в состав экспедиций, организуемых высшей школой, включаются аспиранты, преподаватели и студенты старших курсов вузов. Руководитель экспедиции проводит семинарские занятия с членами экспедиции, знакомит их с задачами экспедиции, разъясняет им метод собирания материала, указывает на необходимость умело ставить вопросы и т. д.

Сбор материалов целесообразно производить групповым методом, лучше всего вдвоем, при этом один из членов экспедиции задает вопросы, дает желаемое направление речи объекта исследования, а другой — записывает. В некоторых случаях, при наличии возможности, попеременно записывает несколько человек. Такой метод используется тогда, когда в составе экспедиции находятся студенты или преподаватели — не диалектологи. В этих случаях обязательно необходимо, чтобы в составе таких групп находился специалист-диалектолог, под контролем которого должна вестись вся работа по сбору материала. Целесообразно ежедневно проверять работу участников экспедиции и подвергать обсуждению некоторые записи. По окончании срока пребывания в районе руководитель экспедиции на основе собранного материала выявляет специфические морфологические, синтаксические и лексические особенности исследуемого говора. После возвращения из экспедиции все материалы, записи документируются и сдаются на хранение в отдел диалектологии Института.

Подготовительная работа по диалектологическому изучению говоров определенного района начинается с выбора пунктов исследования. Выбор пунктов диалектологических исследований предварительно проводится отделом диалектологии Института или отдельными диалектологами, а затем все это согласуется в Совете координации АН Азербайджанской ССР. Для ведения диалектологического исследования территория Азербайджана разделена между исследовательскими учреждениями. Так, например, исследование западной и южной групп диалектов поручено отделу диалектологии Института литературы и языка, говоры средних районов Азербайджана (начиная с Апшеронского полуострова и далее к западу) — коллективу диалектологов Университета и т. д. Перед выездом в экспедицию или перед индивидуальной поездкой точно устанавливается

название района исследования, уточняются населенные пункты, новые и старые названия сел; если населенный пункт имеет несколько названий, то все они вносятся в план маршрута экспедиции (а на месте записываются фонетические варианты их). Кроме того, устанавливаются сокращенные названия населенных пунктов обследуемого района; указывается расстояние от ближайшей морской или речной стоянки, железнодорожной станции, шоссейной дороги, города, рабочего поселка, промышленного предприятия, а также обозначается направление населенного пункта от районного центра. Далее отмечается, где расположено данное село: на возвышенности, у подножья горы, у морского или речного берега, на равнине и пр.

В подготовительный период работы предварительно производится сбор необходимых сведений по истории, географии, экономике и этнографии изучаемого района. Для этого необходимо ознакомиться с соответствующими историческими документами, рукописями, статистическими данными, отдельными трудами или монографиями по указанным отраслям наук. Перед выездом в район диалектологического исследования целесообразно ознакомиться с имеющимися диалектологическими материалами (ранее опубликованными или собранными), записями, дипломными и контрольными работами студентов филологических факультетов, а также другими источниками. Кроме того, проводятся беседы с выходцами из изучаемого района и пр.

Исходя из объема работы, перед выездом в район уточняется состав экспедиции, назначаются помощники руководителя по отдельным зонам, проводится инструктаж участников экспедиции.

По приезде в район диалектологического исследования, прежде всего, записывается точное название населенного пункта, производится запись сведений о происхождении названия данного населенного пункта, а также соседних селений. Иногда местное название населенного пункта отличается от официального названия. В этих случаях записываются как официальные, так и местные варианты. На месте уточняется его географическое местоположение. Все это необходимо для составления карт исследуемого района. Рекомендуется в каждом селе записывать со слов объектов исследования сведения о роде и племени, живущем в данном селении, выяснить, откуда прибыли предки, какая часть была кочевниками и пр. Необходимо собирать сведения о количестве начальных и средних школ, когда были организованы клуб и библиотека, имеется ли радиоузел, телефон и электричество и т. д.

По приезде в район собираются сведения у старожилов о занятиях жителей в прошлом. Какой промысел (шелководство, рыболовство, ковровое дело, ткацкое дело, охотничество и пр.) был развит в данной местности. Устанавливаются наименования отдельных групп населения (терəкема, ражбарляр и др.), что является необходимым для уточнения некоторых фактов языка.

Основным способом для получения необходимых данных об исследуемом говоре является непосредственное наблюдение над речью представителей данного диалекта и правильная фиксация особенностей ее. Поэтому важным моментом является подбор лиц для записи диалектной речи.

По приезде в деревню (район) устанавливается связь с райкомом, райисполкомом, роно и др. организациями, которые дают указания сельсоветам, председателям колхозов, руководителям начальных и средних школ об оказании соответствующей помощи членам экспедиции. Большую роль играет сельский актив, при помощи которого подбираются объекты исследования. Объект исследования должен быть типичным представителем данного говора, не испытав-

шим посторонних влияний, желательно, чтобы он имел ясное произношение. Записи должны быть снабжены следующими данными: дата записи, название населенного пункта, фамилия, имя и отчество объекта изучения, возраст, образование, чем занимается, в каких местах бывал, продолжительность пребывания в городе или в других населенных пунктах.

При монографическом исследовании обьектами изучения могут быть как представители традиционного диалекта (преимущественно старые женщины), так и других слоев населения, а именно: сельская интеллигенция, молодежь и дети. Для выявления фонетических, морфологических и синтаксических особенностей диалекта ценный, доброкачественный материал дают только представители старшего поколения (особенно женщины). Однако, некоторый материал, главным образом, лексический могут дать и представители других групп населения, которые являются типичными носителями данного диалекта и в речи которых не чувствуется влияние других диалектов.

Во время беседы с объектом изучения нельзя записывать факты языка путем постановки таких прямых вопросов, как „Говорят ли у вас так?". Необходимо направить беседу таким образом, чтобы собеседник говорил непринужденно. Вызывая разговор на определенную тему и задавая наводящие вопросы, диалектолог получит соответствующие сведения по интересующей его области. Поэтому диалектолог при выяснении языковых фактов изучаемого диалекта должен умело ставить ясные и конкретные вопросы, подбирая при этом вопросы таким образом, чтобы в ответах на них были употреблены нужные ему грамматические формы или слова.

При моногр фическом изучении нельзя ограничиваться сведениями, полученными от отдельных объектов. Наряду с ними, диалектолог должен записывать разговоры, диалоги представителей данного диалекта (говора), фиксировать услышанные им отдельные слова и фразы. Необходимо, по возможности, присутствовать на различных сельских собраниях и заседаниях, на родительских собраниях, на судебных процессах, в свадьбах и похоронах, в чайхане и в других общественных местах, записывать выступления носителей говора, а затем проводить последующую проверку их. Членам экспедиции необходимо все время прислушиваться к разговорам жителей исследуемого населенного пункта, стараться завязывать с ними беседы на различные темы.

Таким образом, метод наблюдения над свободной разговорной речью объектов исследования изучаемого говора является основным методом монографического изучения диалекта. Однако, иногда приходится диалектологу пользоваться также и методом опроса. Последний применим при сборе лексического материала среди всех слоев местного населения. Диалектолог, показывая на отдельные предметы домашнего обихода, сельско-хозяйственные орудия и их части, транспортные средства или собранные травы и растения, задает вопрос: „Буна нә дејирсиниз?" („Как это у вас называется?") и, таким образом, выясняет нужные ему названия. При наличии возможности делаются зарисовки предметов. Но этим методом нельзя изучить нетерминологическую лексику, в этом случае применим только метод наблюдения.

В диалектологических записях предпочтение дается записям разговорной речи. Кроме того, записываются бытовые, повествовательные тексты, а также некоторые образцы фольклора (сказки, загадки, пословицы, колыбельные песни, рассказы о стихийных явлениях и пр.). Запись фольклорного материала проводится только от носителей традиционного диалекта — от стариков.

Для точного фиксирования диалектологических данных диалектолог пользуется фонетической транскрипцией, в основу которой положен алфавит современного азербайджанского языка с некоторыми диакритическими знаками, которые, по мере необходимости, уточняются новыми дополнительными знаками. Например, для обозначения сонорной аффрикаты велярной *ӄ*, встречающейся, в основном, в западной группе диалектов, употребляется знак *ӄ*; для обозначения сильно аспирированного *х* употребляется знак *х'*; характерная для некоторых говоров южной группы диалектов аффриката *ц* обозначается двойным знаком *тс* (*тсај* „чай", *тсиммәк* „купаться"); двойной знак *дз* обозначает аффрикату, употребляемую в исмаиллинском и джебраильском говорах.

Для обозначения звуковых вариантов употребляются следующие знаки: для долготы гласного (—), для краткости (⌣), напр. *пы̄чах*, *шӣкил*, *отӯрах*; для назализованных гласных (~), напр.: *әвларыа̃*, *баѓдасы̃з*, *рәһсиз*, *кӯшдәр*, *дӧды*; для обозначения носового долгого гласного звука знак (≃), которого не видно в таблицах проф. Н. А. Баскакова, например: *ма̃*, *ат̃*, *әлы̃*, *бәз̃*, *верәсуз̃*, *әло̃*; оглушение согласного передается знаком (·), напр.: *чораб*, *сөјүз*, *саггал*, *гызззар*; степень еще большего оглушения его — знаком (··), напр.: *кәнд*, *гәнд*; аспирированные согласные — знаком ᶜ (кᶜ, чᶜ, тᶜ, пᶜ); неслоговой гласный — (⌢), напр.: с$\bar{о}^{у}{}_{F}$, т$\bar{о}^{у}{}_{F}$; маленький кружочек под буквой указывает на переднее произношение звука, напр.: кит//кид.

Фонетической транскрипцией пользуются при записях материала по фонетике и морфологии. Кроме того, транскрипция применяется при сборе лексического материала (как в заглавных словах, так и в примерах) и для записи фонетических вариантов слов (например, *әппәх'//әппәј//әппек*). Отрывки речи также записываются в транскрипции, так как отдельные отрывки, как и связные тексты, дают очень интересный материал для характеристики фонетических, морфологических и других явлений языка. Слова записываются так, как они употребляются в исследуемом говоре, нельзя олитературивать слова, не допускаются в записях поправки стиля представителя данного диалекта.

Фиксирование связной речи ведется путем групповой записи. При этом один из диалектологов задает вопросы, однако, поддерживая беседу, старается меньше говорить и лишь направляет ее по желаемому пути. Остальные члены экспедиции записывают как связную речь, так и отдельные фразы, словосочетания, а в необходимых случаях — отдельные слова.

При монографическом исследовании объектом изучения должно быть большое число лиц как представителей старшего поколения, так и молодежи. Если население данного пункта неоднородное, т. е. состоит из нескольких родов (тайфа), то объекты изучения выбираются из числа представителей всех групп.

При наблюдении над фонетической системой говора основное внимание диалектолога направляется на выяснение фонетических особенностей изучаемого говора. Это достигается как в процессе свободной беседы, так и путем постановки некоторых вопросов.

При изучении фонетической системы говоров азербайджанского языка необходимо зафиксировать следующее.

Выяснить причины образования долгих вариантов гласных: *а*, *о*, *ә*, *и*, *е*, *ө*, *у*, *ү*, из коих *ӯ*, *ӳ* встречаются редко.

Выяснить наличие кратких вариантов гласных, свойственных закрытым (узким) гласным, а именно гласным *ы, й, у, γ*. Краткое произношение указанных гласных имеет место, в основном, в первом слоге, а иногда и в последующих слогах, большею частью между сонорными согласными *м, н, л, р*. В последнем случае краткие гласные произносятся очень слабо (редуцируются) или же могут совершенно выпасть. Это можно наблюдать, в основном, при склонении имен в родительном, дательном и винительном падежах, напр., *оғул — оғлун — оғла — оғлу*. Необходимо учитывать все случаи редукции и выпадения гласных.

Следует обратить внимание на выяснение нисходящих дифтонгов *ōʸ, ēʸ* и дифтонгоидов *өj, әв, ав* и др., встречающихся в западной и южной группах диалектов.

Особый интерес представляет собой носовой гласный *а̃* (*маа̃* — мое, *анаа̃* — твоей матери), *ы̃* (*әлы̃ы̃* — твоей руки), *ә̃* (*рә̃hсиз* — бесцветный), *у̃* (*доу̃р* — замерзает), *о̃* (*до̃ды* — замерз).

В некоторых диалектах (в основном, восточном, северном и южном часто нарушается гармония гласных. При изучении этого явления выясняется, в каких случаях имеет место нарушение губной и нёбной гармонии. Следовательно, при записи диалектологического материала нужно иметь в виду как гармонию гласных, так и факты ее нарушения.

Во всех диалектах имеет место чередование гласных. Гласные переднего ряда чередуются с гласными заднего ряда: *ә — а* (сүфрә — суфра), *е — а* (hejван — hajван), *и — ы* (ылдырым); *γ — у* (чума); гласные заднего ряда чередуются с гласными переднего ряда: *а — ә* (әjах), *а — е* (jejлах), *ы — е* (пыч); огубленные гласные чередуются с неогубленными гласными: *о — а* (ав), *ө — ә* (тәвлә), *у — ы* (быға), *у — и* (бил), *γ — и* (билбил); неогубленные гласные чередуются с огубленными гласными: *а — о* (попах), *а — у* (чуғаб), *ә — ө* (нөә), *ы — у* (jохун), *и — у* (дувар), *е — ө* (сөмек), *и — γ* (бүлдүр); широкие (открытые) гласные чередуются с узкими (закрытыми) гласными: *а — ы* (таjы), *ә — и* (шикил), *ә — е* (сеққиз), *о — ы* (телфын), *о — у* (пузмаг), *ө — γ* (чүрек); наконец, узкие (закрытые) гласные чередуются с широкими (открытыми) гласными: *ы — а* (кағаз), *и — ә* (дәhәнз), *у — о* (боғда).

Обычно чередование гласных отличает данный диалект от других диалектов, а также от литературного языка. Диалектолог не должен ограничиваться только установлением чередований в отдельных азербайджанских словах, необходимо их сравнивать с фактами из других диалектов, а также из родственных языков.

Особо следует обратить внимание на выявление *у*-канья, *о*-канья, *а*-канья (особенности кубинского, бакинского и нахичеванского диалектов).

В диалектах азербайджанского языка встречаются варианты согласных (*ӈ, x', h*), отсутствующие в литературном языке. Поэтому некоторые диалекты по составу своих согласных резко отклоняются друг от друга и от литературного языка. Так, например, почти во всех восточных говорах в конце слова согласный *г* чередуется с *ғ* двойное чередование, напр., *торпағ*); в западных говорах этот же согласный *г* в конце слов чередуется с глухим *х* (*торпах*), т. е. здесь наблюдаем явление оглушения согласных. В этих же говорах согласный *к* в конце слов переходит в *j* или в *x'* или же в *h* (*чөрәх' — чөрәj*), а в восточных говорах *к* переходит в *қ* (*чүрек*) и т. д.

Очень интересным является выявление случаев аффрицирования и дезаффрицирования звуков. Здесь важно установить наличие в

говоре явления *ж*-оканья в корнях и аффиксах, свойственное, в основном, западной группе диалектов (*аж, бажы, алажам, верәжәм*).

В диалектах часто наблюдается чередование согласных. В западной группе в середине слова употребляется согласный *в* вместо звука *б* (*хавар* „известие", *hарава* „телега"), *к'* вместо *г* (*к'уш* „птица", *к'ыш* „зима"), *қ* вместо *ч* (чилас — черешня, *чедир* — идет), *тс* вместо *ч* (*тсај* — чай, *тсиммах* — купаться) и др. Потребуется собрать большой фактический материал на чередование гласных и согласных в еще не изученных говорах, чтобы выяснить, в каких позициях оно происходит.

В говорах азербайджанского языка имеют место случаи ассимиляции и диссимиляции, на что обращается особое внимание диалектологов; наблюдаются также случаи выпадения целого слога (явление гаплологии), например, в словах *шәр* (город), *сәр* (утро), *дир* (говорит), *мурта* (яйцо), *отду* (сидел) и т. д.

При изучении говора исследуются и другие фонетические явления:

метатезы (перестановки звуков): *партал//палтар* — одежда, *орғу//оғру* — вор, *мидгар//мигдар* — количество, *мәткәб//мәктәб* — школа;

протезы как в заимствованных словах (*истәкан* — стакан, *шкаф* — шкаф, *иразы* — довольный, *ираст* — встреча и др.), так и в азербайджанских словах (*јениш* — спуск, *јил* — год, *јулдуз* — звезда, т. е. так называемое явление *ј*-оканья, *hарава* — телега, *hорах* — серп, *hанчах* — только — явление h-оканья и пр.)

При изучении раздела морфологии особое внимание обращается на грамматические явления, которые отличают его от литературного языка и других говоров. Например, при склонении имен существительных, оканчивающихся на гласные, в винительном падеже вместо литературного *-ны, -ни, -ну, -нү* в диалектах западной группы и в некоторых других говорах употребляются четырехвариантные аффиксы *-јы, -ји, -ју, -јү* (*hаравыјы, дәhреји, гузују, күчүјү*) и двухвариантные аффиксы *-јы, -ји* в словах, оканчивающихся на открытые гласные.

Категория принадлежности 2-го лица в говорах восточной группы отличается тем, что перед аффиксом родительного, дательного и винительного падежей возникает согласный *в* (*атовун, атова, атови*), а в западных говорах — *ң* (*атаң, атаңа, атаңы*).

При образовании степеней сравнения прилагательных в говорах употребляются различного рода аффиксы, на которые также обращается внимание при сборе диалектологических материалов. Например, в говорах встречаются аффиксы *-сов, -сав, -сој* (*гарасов, узунсав, узунсој*), *-уш, -үш* (*ағуш, қөкүш*) и пр.

Формы родительного, дательного, винительного падежей личных местоимений в говорах отличаются от соответствующих форм их в литературном языке, например: *мәним, мәм, менин*—меня (родительн. падеж), *сә, са, саңа, саға* — тебе (дательн. пад.), *ону, оны, оји, уну, уни, ои, hону* — его (винит. пад).

Аффиксы настоящего времени изъявительного наклонения глагола в говорах имеют различные формы, например, в кубинско-дербентском диалекте и в некоторых других говорах аффикс настоящего времени передается через *-ад, -әд* (*аладам* — я получаю, *вәрәдәм* — я даю); в казахсхом диалекте — через *-ер, -ор, -өр* (*алерам* — я получаю, *верерәм* — я даю; *дурорам* — я встаю, *көрөрәм* — вижу); в южных говорах — через *-ej, -иј* (*алеј, көриј*). Только в одном говоре Пираза Агдашского района отмечено отсутствие личных окончаний при спряжении глагола (*мән алатды, сән алатды, о алат-*

ды и т. д.). На все это диалектолог должен обратить особое внимание при сборе материала.

Диалектолог должен уметь различать чисто фонетические явления от морфологических, так как между явлениями фонетики и морфологии существуют тесные связи.

Материал по морфологии собирается путем свободной беседы, однако некоторые вопросы морфологии (склонения существительных и личных местоимений) выясняются путем опроса. В собранных материалах интересующая диалектолога форма дается в связной речи или же отдельным словом. После окончания работ по сбору материалов по фонетике и морфологии обнаруженные, но остававшиеся до сих пор неизвестными морфологические явления (в особенности, данные о падежах, о наклонениях, временных и залоговых формах глагола, деепричастных аффиксах *-ыбан, -ибән, -убан, -үбән, -ыбаннары, -убаннары* и др., о союзах *кы, ки, ку, кү, кын, кин, кун, күн, ...нә, ...нә,* которые не встречаются во многих диалектах или литературном языке) проверяются, дополняются и уточняются на месте.

Записи по синтаксису изучаемого говора должны быть точными, в связной речи, что требует особого умения. Записи по синтаксису ведутся групповым методом одновременно несколькими лицами и затем по окончании работы проверяются. В некоторых говорах вторая часть II вида определительного словосочетания не принимает аффикса принадлежности (*Ет идаренин мүдиридир*), этот же вид употребляется с двойным аффиксом принадлежности (*Галхоз сәдриси қәлди быра*). Словосочетания имеют еще и другие особенности: изменяется порядок слов в предложении, например, подлежащее, дополнение или обстоятельство ставятся после сказуемого, определение и определяемое меняются местами.

Учитываются все типы простых, обобщенно-личных, вопросительных предложений. Выясняется характер повторений в предложениях, виды сложных предложений в изучаемом говоре. Выявленные синтаксические явления сравниваются с такими же явлениями в других диалектах, а также, по мере возможности, с историческими памятниками азербайджанского языка.

Материал по лексике изучаемого говора диалектолог собирает путем опроса по темам монографического исследования. Для получения лексического материала используются также записи связной речи, где слова даны в составе предложений. Для того чтобы собрать ценный материал по лексике, его следует распределить по темам, что даст нужное направление беседе с объектами изучения. Диалектолог ведет разговор на интересующую его тему, при необходимости задает наводящие вопросы, чтобы выяснить, как называют тот или иной предмет в говоре, уточняет значения слов, обозначающих отдельные процессы работ, ведет разговор так, чтобы получить подробное объяснение устройства, применения отдельных предметов домашнего обихода или орудий производства. Но и здесь при надобности задает вопрос, указывая на предмет или на его часть: *„Буна нә дејирсиз?"* (Как это называете?) и т. д. Полезно в некоторых случаях дать зарисовки отдельных предметов, дома и других строений.

Все собранные материалы по лексике (слова и примеры к ним) пишутся в транскрипции. Если предмет или какое-нибудь явление имеет несколько названий, то диалектолог должен выяснить причину этого (например: *нәлбәки//зир//бөлмә* „блюдце", *думан//чән//һыр* — „туман" и др.).

Для выяснения наличия в говоре слов, отражающих следы прошлых эпох, в монографических исследованиях устанавливаются названия следующих лексических групп.

1. Родоплеменные названия (этнонимы). По этой группе устанавливается название племен и родов, проживающих в данном населенном пункте, например, *тајфа*, *тирə*, *очах*, *ојмах*, *табун* и др.

2. Термины родства по отцу и матери; слова, обозначающие брачные отношения; слова, с которыми родственники обращаются друг к другу.

3. Названия устарелых орудий производства и их частей (*хыш* — соха, *чəhрə* — прялка, *қирқирə* — ручная мельница и др.).

4. Названия старой измерительной системы (*батман*, *чанах* и др.).

5. Названия старых сборов и налогов.

6. Слова, отражающие феодальные и капиталистические отношения (*муров*, *кōха*, *мāмилəчи*).

7. Слова, обозначающие обряды и обычаи прошлого.

8. Слова, обозначающие метеорологические явления, времена года, астрономические названия.

Кроме того, собираются слова, имеющие терминологическое значение в области земледелия, садоводства, хлопководства, животноводства, шелководства, рыболовства, ремесленного производства, ковроткачества и пр. Выявленные лексические материалы используются при составлении терминов по отдельным отраслям.

При сборе лексического материала особый упор делается на выяснение слов, отсутствующих в литературном языке. Диалектолог устанавливает лексические расхождения между говорами и литературным языком (например, слово *јајма* в бакинском диалекте значит „лепешка", а в геокчайском, нухинском говорах — „молочная каша"), собирает сведения о синонимах, об омонимах, неологизмах и архаизмах. Особое внимание уделяется заимствованным словам. Ценным материалом по изучению лексики данного говора являются также словосочетания и устойчивые фразеологические сочетания (идиомы).

А. Ш. Афлетунов

(Казань)

ИЗ МЕТОДИКИ ПРОВЕДЕНИЯ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ГОВОРАМИ СРЕДНЕГО ДИАЛЕКТА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

(На материале диалектологических экспедиций Казанского университета 1954—1956 гг.)

Известно, что методы исследования разговорного языка различны. Изучение отдельных говоров и подговоров может вестись отдельными лицами в течение нескольких лет, но можно проводить исследования и путем организации специальных экспедиций научными учреждениями по предварительно намеченной сетке на определенной территории. И, наконец, известен метод заполнения диалектологических вопросников местными учителями языка и литературы, отдельными корреспондентами, а также изучение материалов студенческих курсовых и дипломных работ.

Во время изучения татарских говоров на территории юго-западных районов БАССР мы пользовались всеми указанными методами.

В последнее время диалекты у нас изучаются путем организации экспедиций. Несомненно, это обусловлено стремлением к скорейшему завершению изучения их. Большую помощь диалектологам могли бы оказать местные учителя языка и литературы. Однако они к собиранию материалов привлекаются редко, что является, по нашему мнению, серьезным упущением в диалектологической работе. В связи с этим и теперь хочется повторить слова В. А. Богородицкого, сказанные им еще в 1935 году: „...большую помощь в собирании диалектологического материала можно ожидать от сельских учителей, достаточно подготовленных“ [1].

Вовлечение в это дело учителей татарского языка и литературы имеет и практическое значение. Участие их в научно-исследовательской работе в области диалектологии способствует улучшению качества обучения и ускоряет освоение норм литературного языка учащимися.

Для сбора диалектных материалов возможно использование ступенчатого метода. Хотя такой метод требует несколько более продолжительного времени для исследования, но богатство материалов, точность их и глубина анализа гораздо важнее, чем фактор времени.

По данному методу изучение диалектных явлений можно разделить условно на три этапа:

I — подготовительный,

II — экспедиционный,

---

[1] В. А. Богородицкий. О научных задачах татарского языкознания, Казань, 1935, стр. 13.

III — период научной обработки и создания монографии.

I. Подготовительный этап включает в себя следующие моменты.

1. Определение территории изучения, исходя из требований развития татарской диалектологии на современном этапе.

2. Ознакомление по имеющейся литературе с языковыми особенностями, историей, устным народным творчеством татар, проживающих на данной территории.

Важнейшими моментами подготовительного периода являются также:

а) установление живого контакта с местными учителями через районные отделы народного образования. Учителя языка и литературы с высшим образованием очень легко могут выполнить следующие темы: история села; основные диалектные особенности, бытующие в говоре данного села; степень отражения диалектизмов в разговорной речи и письменных работах учащихся; культура речи сельской интеллигенции.

С целью выполнения указанных тем, учитель (особенно учитель средней школы) может организовать кружок любителей родного языка. В этом случае учитель вполне смог бы собрать большой материал и по устному народному творчеству. Для привлечения местных учителей и краеведов к исследовательской работе, безусловно, необходимы подробно составленные программы и библиографические справочники по татарской диалектологии.

б) Организация живой и деловой связи с редакциями районных газет.

Подписка на районную газету, хотя бы на один квартал, даст возможность членам экспедиции несколько ознакомиться с районом будущей экспедиции; через сотрудников газет можно ознакомиться с присылаемыми в редакцию письмами, в которых могут быть обнаружены ошибки диалектного характера.

И для этой формы связи, несомненно, требуются специальные программы и диалектологические справочники.

в) Установление связи через районные исполнительные комитеты с сельскими советами и правлениями колхозов, которые могут оказать соответствующую помощь в собирании канцелярских терминов, названий сельскохозяйственного инвентаря и их частей, топонимических названий, характерных для данной местности, имен и прозвищ людей различных возрастов, проживающих в данном селе. Кроме того, они могут оказать помощь в собирании рукописных исторических материалов и т. д.

Нет никакого сомнения в том, что для данного рода связи также необходима подробная пояснительная программа. Существенным моментом подготовительного периода является организация экспедиций.

В успешном выполнении стоящей перед экспедицией задачи большую роль играет подбор членов экспедиции. Как показывает практика, члены экспедиции обычно отбираются из числа студентов. Поэтому организаторы экспедиции должны подойти к этому вопросу очень серьезно. Легко можно справиться с поставленной задачей в том случае, если участниками экспедиции будут студенты, глубоко заинтересованные в изучении языка, прошедшие теоретический курс по диалектологии, близко знающие сельское хозяйство, умеющие легко общаться с людьми, обладающие четким почерком и т. д.

В подготовительный же период члены экспедиции должны научиться обращаться с магнитофоном и простейшими приборами по экспериментальной фонетике.

В тот же период проводится распределение обязанностей среди членов экспедиции: за одним из них закрепляется раздел фонетики,

за другим — разделы морфологии и синтаксиса, за третьим — сбор лексических, фразеологических и фольклорных материалов. Однако при полевых работах этого не придерживаются, и каждый из членов экспедиции изучает вообще языковые особенности данного говора. Но при разноске материалов на карточки следует прибегать к такому разделению труда.

II. Экспедиционный период включает в себя также ряд важных моментов.

Маршрутная карта, составленная на основе материалов подготовительного периода, совместно с районными партийными и советскими органами подвергается тщательной проверке. В районном же центре участники экспедиции хотя бы бегло должны ознакомиться с письменными работами учащихся в роно, с поступившими в редакцию письмами, а при возможности — с местными архивными материалами.

Работа в отдельных изучаемых пунктах организовывалась нами следующим образом:

Полевые работы

1. Для изучения языковых особенностей в первую очередь необходимо выбрать дикторов. При этом учитывается, является ли диктор местным жителем или нет, возраст его, профессия. Мы выбирали дикторов различных возрастов. В речи людей в возрасте свыше шестидесяти лет и детей дошкольного возраста обращалось особое внимание на те явления, которые в настоящее время сравнительно редко наблюдаются и стали архаичными для данного говора. Этим определяется и своеобразие тематики бесед с ними. От людей старшего поколения нами производилась запись сказок, баитов и старинных песен, поскольку в них отчетливо отражаются исторические факты языка. Они склонны рассказывать также об истории села, топонимических названиях, обычаях, свадебных обрядах, старинной одежде и т. д.

Часто можно наблюдать архаизмы и в речи детей дошкольного возраста, т. к. большинство из них растет под наблюдением людей старшего поколения. Примерная тематика беседы с ними вкратце такова: рассказывание об играх, их демонстрация. Следует при этом обратить внимание на детские считалки, в которых можно найти факты, относящиеся к далекому прошлому. При работе с детьми дошкольного возраста можно прибегнуть и к методу рассказывания сказок.

При беседе с людьми среднего возраста делается упор на их рассказ о современных событиях, например, о Великой Отечественной войне. Хорошие результаты дают беседы на международные темы.

Ведутся наблюдения над речью сельской молодежи. Тематика бесед с нею может быть очень разнообразной. Так, один из отрядов экспедиции 1956 года организовал краткий пересказ представителями сельской молодежи полюбившегося им художественного произведения. Выбор пал на роман Г. Абсалямова „Газинур". Результат получился довольно интересный.

Во время экспедиции нельзя упускать из виду и речь детей школьного возраста, их письменные работы. Тематика бесед с ними должна быть тесно связана со школьной жизнью. Во время той же экспедиции 1956 года во всех пунктах, где мы были, предлагалась одна общая тема. При выезде в экспедицию мы взяли с собой два коротких рассказа. После однократного прочтения первого рассказа мы просили учащихся пересказать содержание его, а после прочтения второго рассказа — написать изложение.

Наблюдение над письменной и устной речью, в основном, проводилось по этому методу.

Таким образом, по каждому изучаемому пункту в наших руках оказалось минимум по пяти текстов. Они были получены от людей различных по возрасту и по уровню культуры. Все это дало нам возможность наиболее полно изучить языковые особенности данного пункта.

Полевая работа не ограничивается лишь беседами. Участник экспедиции обращает большое внимание и на „подслушивание" со стороны.

2. Известно, что проводить запись текстов методом бесед с дикторами не под силу одному человеку. Поэтому такая работа ведется обычно двумя или тремя членами экспедиции совместно. Этим достигается точность записи речи диктора, что является одним из важных принципов диалектологии.

Как показала практика экспедиций, организованных Казанским государственным университетом на территорию Башкирской республики, только лицо, ответственное за раздел лексики и фразеологии, в состоянии один заполнить полевые тетради, т. к. этот раздел, на наш взгляд, может быть наиболее полно представлен лишь при использовании метода опроса.

Слова диктора должны быть записаны в транскрипции. Но практически это очень трудное дело. Поэтому на практике при записывании текста из уст диктора мы применяли лишь частичную транскрипцию, а при первоначальной обработке — полную.

3. Первоначальную обработку диалектологических материалов необходимо проводить ежедневно. Весь записанный материал в полной транскрипции следует разнести по карточкам, что вдвойне облегчает последующий процесс камеральной обработки. Но нужно сказать, что в указанной системе есть и существенный недостаток: она требует слишком много времени. Чтобы избежать этого, надо подготовить схему карточек, которые должны иметь, примерно, следующий вид:

Лексика	карт. урта. яшь
гомум, өлеш.	БАССР, Әлшәй р. . . . . авылы

Таким образом, на карточке заранее пишется название раздела (лексика, фонетика, морфология и т. д.), указывается область, район (для названия села оставляется место), указывается, для какой возрастной среды характерно данное слово (старш., средн., молод.), затем при заполнении карточки нужное подчеркивается.

После занесения материала в нее, она будет иметь вид:

Лексика	карт. урта. яшь
ӨШӘНЧЕК (бирнә)	
— Өшәнчеге булырыйы элгәре киленнең бастыклаған сындық белә.	
гомум, өлеш.	БАССР, Әлшәй р. Уразмәт авылы.

В некоторых случаях один и тот же пример может быть отнесен ко всем трем разделам. В этих случаях на левом углу добавляется название разделов. Может возникнуть вопрос о том, сколько примеров нужно брать на определенный факт. На наш взгляд, совершенно достаточно, если будет три примера. Их можно записать на одну и ту же карточку.

Для того, чтобы выполнить в период экспедиции все то, о чем говорилось выше, требуется затраты 12 человеко-дней для каждого пункта.

Если все будет учтено во время подготовительного периода, несомненно, это количество времени можно будет в будущем уменьшить.

В экспедициях 1954—1956 годов у нас не было еще магнитофона. Использование его дало бы большую возможность как для тщательного изучения языковых особенностей, так и для сбора произведений устного народного творчества.

III. На наш взгляд, нет необходимости здесь говорить **о камеральной обработке материалов**, собранных во время подготовительного и экспедиционного периодов. Эта работа каждым научным работником ведется по своему методу.

Г. Х. Ахатов

(Уфа)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ВОСТОЧНОГО ДИАЛЕКТА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Вопросы методики преподавания татарского языка в условиях местных диалектов мало освещались в печати [1].

Как показали наши наблюдения, особенности восточного диалекта являются тормозящим фактором в освоении не только норм татарского литературного языка, но и русского и иностранного языков в татарских школах Сибири. Именно под влиянием местных говоров в устных ответах и в письменных работах учащиеся-татары допускают много орфографических, стилистических и орфоэпических ошибок. Об этом говорит анализ ошибок письменных работ учащихся татарских школ Тюменской области.

Преодолеть диалектное влияние, разрушить навыки, приобретенные еще в детстве, и привить учащемуся нормы литературного языка — задача каждого учительского коллектива.

Речевой аппарат учащегося татарина-сибиряка не может сразу приспособиться к правильному произношению всех звуков и всех слов литературной речи. Поэтому нельзя добиться правильного произношения учащимися звуков и звукосочетаний одними случайными поправками, краткими замечаниями. Надо дать учащимся основные сведения о фонетической системе татарского литературного языка, привить им прочные навыки произношения звуков. Работу над произношением нужно строить так, чтобы она, в основном, состояла из тренировки учащихся в правильном произношении „чужих", трудных для них звуков, закрепления различными приемами полученных навыков, превращая их в привычку.

С первых же дней занятий учителю родного языка необходимо изучать характерные ошибки учащихся и четко поставить работу над произношением.

Этот вид работы тесно связывается с изучением фонетики. Однако не нужно ограничиваться изучением этого раздела только на уроках родного языка. Уроки литературного чтения, поскольку на них постоянно звучит литературная речь, играют не меньшую роль в овладении учащимися навыками литературного произношения, чем уроки языка.

Основные фонетические особенности восточного диалекта, которые чаще всего отражаются в речи учащихся сибирских школ, заключаются в употреблении глухих согласных вместо звонких и, наоборот, звонких вместо глухих, в цоканьи, йоканьи, опускании

[1] См.. напр., Татар телен укыту мәсьәләләре буенча фәнни-практик конференция материаллары, Таткнигоиздат, 1953, 71—82 стр.

гласных в конце слова (*паган//багана, тирәс//тәрәзә*), а также звуков *һ, җ* и в употреблении звуков *ә, и, э* вместо дифтонгов, трифтонгов.

Учитель, который работает в школах Западной Сибири, должен учитывать все эти языковые особенности и продумать приемы урока.

Вот, примерно, какими приемами нужно было бы работать над согласными *б—п* или *д—т*.

Учитель совершенно отчетливо несколько раз произносит записанные жирным шрифтом на доске буквы *б—п* или *д—т*, затем предлагает нескольким учащимся прочесть их. Если учащиеся ошибаются, учитель еще раз совершенно отчетливо по нескольку раз произносит *б* или *д* и объясняет способ артикуляции органов речи. Несколько учащихся еще раз произносят звук *б* или *д*. Затем учитель предлагает произнести их всем вместе.

После этого учитель еще раз вызывает тех учащихся, которые допускают ошибки в произношении изучаемых согласных звуков, и добивается того, чтобы они произнесли их отчетливо и усвоили способ артикуляции. Затем учитель предлагает учащимся придумать несколько слов с начальными звуками *б — п* или *д — т*. Один из вызванных учащихся в две строки против *б* и *п* или *д* и *т* записывает свои слова на доске и громко читает их. Читают их еще 2—3 человека.

На доске получается запись:

б — бала, балта, бил, бит, баш, борын.

п — пычак, пычкы, почмак, печән, песи, пыяла.

или:

д — дан, давыл, дәрес, дөрес, дүрт, дәрт.

т — тал, тел, таш, тау, тавыш, табигать.

Затем учитель вызывает одного из учащихся и предлагает прочесть запись на доске и показать разницу в произношении *б* и *п* или *д* и *т*.

После того, как отработано произношение этих звуков в записанных словах с отдельными, часто ошибающимися учащимися, хором произносятся сначала отдельные звуки каждой пары слов, а затем читают хором все слова по горизонтальной (*бала, балта...* или *дан, давыл...*) и вертикальной линии (*бала, пычак, балта, пычкы...* или *дан, тал, давыл, тел...*).

Делается вывод: в словах с буквой *б* или *д* звук *б* или *д* произносится звонко с участием голоса, а в словах с буквами *п* или *т* звуки *п* и *т* произносятся глухо, без голоса.

Дальше проводится закрепление материала. Затем вывешивается специально подготовленная к этому уроку таблица. Таблицу сначала зачитывает учитель, затем — учащиеся.

Например: *арба — арпа, бот — пот, дау — тау, дию — тию, дүрт — түрт* Учитель объясняет разницу в произношении и значении этих слов. Он указывает учащимся, что если они твердо не уяснят себе разницу между звонкими и глухими согласными звуками, правильное их произношение и не овладеют умением правильно обозначить их на письме, то они не смогут четко выражать свои мысли, не научатся грамотно писать и даже будут путать одно слово с другим.

В качестве задания на дом дается отработка артикуляции и произношения звуков. Так как в учебнике нет специального упражнения на эти звуки, то можно раздать карточки, примерно следующего содержания:

I вариант: объясните правописание *б — п, д — т*.

Тау башына салынгандыр безнең авыл,
Бер чишмә бар, якын безнең авылга ул;

Авылыбызның ямен, суы тәмен белəм,
Шуңар курə сөям җаным, тәнем белəн.
(*Г. Тукай*)

II вариант. Спишите примеры. Вместо точек вставьте нужные буквы:

1. Биек ...ау. Көтмəгəндə, алар арасында ...ау чыкты.
2. Минем уку китапларым ...ар. Күрше авылда ...ар сөрə башлаганнар. 3. Ул безгə ...ирəк килə. Галимə — ... ирəк укучы.

Такие же примеры могут быть использованы при изучении других согласных звуков, которые под влиянием сибирского диалекта произносятся неправильно.

При изучении правил правописания необходимо учесть произношение и восприятие звуков. Если учащийся научится правильно произносить слова, то он научится грамотно писать, т. к. написание 90% татарских слов основано на фонетическом принципе.

Итак, на уроках фонетики раскрываются отношения между системой звуков конкретного говора и орфографией, между литературным произношением и правильным написанием. Именно поэтому акад. Щерба в своем труде „Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий" пишет, что для того, чтобы решить вопросы орфографии, надо сначала решить вопросы орфоэпии.

В борьбе с диалектизмами положительные результаты дает заучивание наизусть небольших по объему текстов, устное и письменное воспроизведение их. Например, рекомендуются для заучивания наизусть в 5 классе „Эшкə өндəү", „Туган авыл", „Шүрəле" (I раздел) Г. Тукая, в 6 классе — „Пар ат" Г. Тукая и др., в 7 классе — „Акчарлаклар" Ш. Камала. Эти произведения учащиеся могут пересказать или воспроизводить на бумаге на уроках языка.

Морфология татарского языка изучается в 5–6 классах. Основные морфологические особенности восточного диалекта выступают в глаголах.

Разнообразие и своеобразие глагольных категорий и форм литературного языка представляют особенно большие затруднения для учащихся 5 классов сибирских школ. В первую очередь это относится к таким категориям, как наклонение, время и залог.

В восточном диалекте, как и в уйгурском, узбекском, казахском языках, к глаголу настоящего времени 3 лица изъявительного наклонения присоединяется аффикс *-ты, -те*. Например, *параты* (*бара* — идет), *килəте* (*килə* — приходит). Ср. уйгурск. *киләде*, казахск. *келеде*.

Прошедшее время изъявительного наклонения соответствует причастию прошедшего времени литературного языка на *-ган,-гəн, -кан,-кəн: яскан* (*яздым* — писал), *пелгəн* (*белдем* — знал).

Аффиксы *-гын, -ген, -кыл, -кел* образуют 2 лицо ед. числа повелительного наклонения: *укыгын* (*укы* — читай), *пирген* (*бир*), *киткел* (*кит* — уходи). Аффикс *-ыңыз, -еңез* употребляется вместо литературного *-ыгыз, -егез* или *-гыз, -гез*: *кайтыңыз* (*кайтыгыз* — приходите), *китеңез* (*китегез* — уходите). Такая форма встречается и в древнетюркских памятниках[1]. Но в современном татарском литературном языке она отсутствует. В тюменском говоре аффикс *-ын, -ен* в сочетании с формой множественности придает слову значение просьбы: *киленнер* (*килегезче* — будьте добры, приходите).

Глагол на *-ып, -еп, -п* плюс *-ты, -те* соответствует причастию прошедшего времени на *-ган, -гəн* и изменяется по лицам и числам: *ошапмын, ошапсын, ошапты*... Та же форма встречается в западном диалекте и древних баитах („Шəһре Казан бəете", „Мəкəрҗə бəете").

[1] С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.— Л., 1951.

Ср. также уйгурск. „Кар яшел тон кәйепте" — он надевал темно-зеленую одежду".

Проф. Н. К. Дмитриев указывает, что такая форма имеется и в диалектах кумыкского[1], нугайского и азербайджанского языков.

Глагол на *-гале, -гәле, -калы, -кәле* в восточном диалекте соответствует инфинитиву литературного языка на *-ырга, -ергә: паргалы* (*барырга* — идти), *яскалы* (*язарга* — писать).

Понимание учащимися грамматических форм глагола закрепляется и одновременно проверяется при грамматическом разборе.

При прохождении глагольных категорий и форм целесообразно противопоставить их таковым в диалекте.

При изучении причастия прошедшего времени необходимо вспомнить прош. вр. изъявительного наклонения и их противопоставить:

Причастие:	Изъявит. наклонение:
барган	барды
килгән	килде
кайткан	кайтты
киткән	китте

После изучения темы „Глагол" в классе нужно вывесить таблицу спряжения глаголов с тем, чтобы учащиеся могли представить себе изменения их по временам и наклонениям и использовать на практике.

В условиях восточного диалекта татарского языка особенно важное значение приобретает словарная работа.

Как известно, восточный диалект богат и разнообразен по своему лексическому составу. Расхождения наблюдаются зачастую даже в самых употребительных, обыденных словах, таких, как термины родства, названия пищи, предметов домашнего обихода и т. п. Например, слово „бабушка" в Ялуторовском районе Тюменской области будет *картнә* или *анака*, в Вагае — *әннә* или *мамай*, в Яркове — *кортка* или *корткаяк*, в Тарском районе Омской области — *цициңә*; „дедушка" — в Яркове — *абышка*, в Таре — *цицитә*; „люлька" — в Ялуторовском — *сәлтәп*, в Байкале — *цәнгелцәк*, в Лайтамаке, Таре — *сәңгелсәк*; „половник" — в Ялуторовске — *кашык*, в Яркове — *цумец*, в Таре — *соскак*.

В восточном диалекте много заимствованных слов из других языков: казахского, узбекского, уйгурского, башкирского, русского, хантыйского. Имеются также слова, сближающие восточный диалект с другими диалектами и говорами татарского языка.

В целях преодоления диалектизмов в языке учащихся, необходимо проводить специальные лексические упражнения, например, выписывание тематических слов в V классе. Такую работу можно провести на уроках языка и литературного чтения, а также во время внеклассного чтения художественной литературы.

Из поэмы Г. Тукая „Шүрәле" целесообразно выписать названия деревьев, растений: *үлән* (трава), *урман* (лес), *кура җиләк* (малина), *җир җиләге* (земляника), *чыршы* (ель), *нарат* (сосна), *юкә* (липа), *каен* (береза), *кузгалак* (щавель), *гөмбә* (гриб), *гөл* (цветок комнатный), *чәчкә* (цветок). 42% выбранных даже из маленького текста слов имеет эквиваленты в диалекте: кура җиләк — *астыган*, чыршы — *терге*, нарат — *карагай*, юкә — *югәгац*, гөмбә — *мишкәяк*. Эти слова надо выделить и разъяснить их значения, если потребуется, изобразить обозначаемые ими предметы.

Можно выбирать слова из художественной литературы по грамматическим признакам, как-то: нарицательные существительные, при-

[1] Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. 1940, стр. 33.

частия, прилагательные, порядковые числительные, неопределенные местоимения, служебные слова.

При выборе подобных слов можно встретиться с двумя случаями: 1) когда данное литературное слово отсутствует в диалекте, например, *суган* (лук), *кишер* (морковь), *оек* (чулки), *буяу* (краска) и 2) когда слово имеется в диалекте, но употребляется в другом значении: *көн* (литер. 'день' — диал. 'солнце'), *сырлау* (литер. 'нарезать' — диал. 'красить'), *кавын* (литер. 'дыня' — диал. 'огурец'), *ашлык* (литер. 'хлеб' — диал. 'ячмень').

В обоих случаях необходимо разъяснить значение этих слов, их правописание и на несколько дней вывесить около доски в виде таблицы.

В борьбе с употреблением диалектных слов помогают также словари.

Проф. М. А. Фазлуллин предлагает учителям обращать внимание на собирание диалектизмов, которые бытуют в языке учащихся конкретной школы, и рекомендует время от времени вывешивать плакаты, в которых в одном столбце помещаются литературные слова, а в другом — диалектные [1].

Это делается примерно так:

На литературном языке:	На диалекте:
чикләвек — орехи	косык
әтәч — петух	курас
шомырт — черемуха	муел
чүмәлә — стог	могыл
кәҗә — коза	ицке
почмак — угол	мөяш и т. д.

В борьбе с диалектизмами в языке учащихся важную роль играют письменные работы, как-то: сочинения, изложения, диктанты.

Кроме всего этого, борьба за литературную речь должна вестись в ходе внеклассной работы: в литературных кружках, при слушании радио, посещении спектаклей, организации диспутов, конференций, на комсомольских собраниях, пионерских сборах и т. д.

Итак, борьба с диалектизмами в речи учащихся — сложный процесс, который дает положительные результаты только тогда, когда преподавание родного языка поставлено на должную высоту и когда работа всего учительского коллектива ведется совместно с семьями учащихся.

---

[1] М. Фазлуллин. Татар теле методикасы, 1954, 136 стр.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Г. Х. Ахатов

(Уфа)

Диалектология как наука может помочь выяснению проблемы истории того или другого народа.

Для того чтобы вскрыть историю народа, необходимо знать его язык до мельчайших деталей и быть вооруженным марксистским методом. „Материя и форма родного языка, — учит Ф. Энгельс, — только тогда могут быть поняты, когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки“ [1].

Язык сибирских татар является одним из диалектов татарского языка и, довольно резко отличаясь от литературного языка по своим фонетическим, грамматическим и лексическим особенностям, часто соприкасается с западным диалектом, с отдельными говорами среднего диалекта, а также с некоторыми соседними родственными тюркскими языками и их диалектами.

Восточный диалект является цокающим. Эту особенность заметил еще проф. В. А. Богородицкий в своей работе „Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками“ [2]. Д. Г. Тумашева в своем докладе и в своей статье „Некоторые фонетические особенности тюменского диалекта татарского языка“ [3] зафиксировала случаи замены звуков *ч*, *җ*, *ш* звуком *ц*. Как мы установили, звук *ц*, кроме этого, соответствует во многих случаях литературным *к*, *т*, *с* и имеет при этом два варианта — мягкий и твердый: *цыцкыру* (*кычкыру* — кричать), *цөцкөрү* (*төчкерү* — чихать), *цыцкан* (*тычкан* — мышь), *цуалцан* (*суалчан* — глист).

Отсюда видно, что сфера употребления аффрикаты *ц* у сибирских татар сравнительно обширная.

Известно, что в древности цоканье было присуще куманам. В настоящее время оно сохранилось в восточном диалекте и частично в некоторых говорах и подговорах западного диалекта татарского языка.

„Куманский язык, — пишет акад. В. В. Радлов в своей работе „Язык куманов“, — относится к западному говору и в него входят иртышские, киргизские, башкирские, волжские наречия“ [4].

В восточном диалекте иногда вместо звука *ц* появляются *с*, *ш*: *цәңгелцәк//сәңгелсәк//сәлтөп//шәлтөп* — литер. *бишек* — люлька, *писара//пицара* — литер. *бичара* — бедный, *курац//курас* — литер. *әтәч* — петух.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XIV, стр. 327.
[2] См. изд. 1934, стр. 10.
[3] См. Материалы по диалектологии. К., 1955, стр. 162.
[4] См. Язык куманов, СПб, 1884, стр. 52—53.

Ср. башк. *сәс*//тат. *чәч*//диал. *цац* — волосы, башк. *бесән*//тат. *печән*//диал. *пецән* — сено, башк. *бальнис*//тат. *больница*//диал. *бальнис* — больница, башк. *шәшке*//тат. *чәшке*//диал. *шәшке* и др. Ср. казахск. *окушы*//тат. *укучы*//диал. *ыукыуцы* — ученик, казахск. *екінші*//тат. *икенче*//диал. *иккенце* — второй.

Изучая язык памятника XIV в. „Codex cumanicus", можно прийти к заключению, что половецкий язык близко родственен с языком сибирских татар. Но отсюда, конечно, еще не следует делать вывод, что сибирские татары являются прямыми потомками половцев.

Сибирские татары как народность сформировались в результате тех сложных исторических процессов, которые пережили в Сибири различные местные и пришлые племенные группы в течение длительного времени.

Академик В. В. Радлов в работе „Древние аборигены Сибири" пишет, что в прошлом по Иртышу обитали, главным образом, туралы, аялы, курдаки, на востоке — довольно многочисленное племя барабинцев. По его мнению, барабинцы и иртышские тюрки существовали еще в начале IV века[1].

Как известно из хранящихся в Тобольском госмузее рукописей Сагъди Вакаса — сына Реджеба и Кашшафа — сына Абу-Саида, в 1394—1395 гг. на берегах Иртыша жило три тюркских племени: хатан, нугай и кара-кыпчак, а также остяки (ханты) и бежавшие бунтовщики Тархана. Как пишут авторы рукописей, все это были татары, поклонявшиеся куклам[2].

Историк М. Е. Бударин в работе „Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири" пишет, что еще в начале XIII века на Иртыше существовало татарское царство во главе с ханом Оном. Ханты, когда были покорены татарским ханом, называли себя хондихо, что означает люди хана (*хон* — хан, царь; *хо* — человек), а татар — хатанами или хатан-ку (по-сургутски), т. е. подданными хана. Ханты (остяки) и манси (вогулы), которые длительное время жили с татарами, татаризовались. Об этом свидетельствует то, что заболотные татары до сих пор сохранили внешний облик, обычаи, нравы того племени, к которому они принадлежали. Некоторые особенности языка хантов наблюдаются и в речи заболотных татар. Напр., переход звука *п* в *пф* или *ф* в конце слова: хант. *ӗндеп* — пояс, *јіндеп* — иголка. На Заболотье — *китаф* (*китап* — книга), *йӧф* (*җеп* — нитка), *асаф* (*газап* — мучение), *кәреф* (*бичара* — несчастный), *сөрөнөф китү* (*абыну, сөрену* — спотыкаться). Замена звуков *ғ*, *қ* звуком *х*: хант. *анага — анаха* — мачеха, *нӧгрем — нӧхрем* — стругать, *јіг — јіх* — отец. Вост. диал. *ахсак — аксак* — хромой, *кәрәк — кирәк* — нужно, *арагх — аракы* — водка, *аръях — аргы як* — противоположная сторона и другие.

Многие татарские слова с некоторыми фонетическими изменениями вошли в язык хантов. Примеры:

На хант. языке	На вост. диалекте (Заболотье)	Значение
маттах	мылтых	ружье
мукер	мөкре	горбатый
сагар	сыер	корова
себерге	сепертке	метла
сенак	синәк	вилы
шахтан	шалгам	репа

[1] См. Древние аборигены Сибири, 1884, стр. 8.

[2] Копии рукописей и русский перевод Катанова помещены в сб. „Ежегодник Тобольского музея", т. XIV, 1904, стр. 5.

Из сказанного можно заключить, что различные местные тюркоязычные племенные группы в определенных исторических условиях скрещивались с частью племен хатана, нугая, кара-кыпчака и остяцких племен и, переживая сложные исторические процессы, укрупнялись и постепенно формировались как один народ.

Цоканье является, пожалуй, результатом „искреннего подарка" половцев; оно прочно вошло в язык сибирских татар.

Когда мы говорим о языке сибирских татар, необходимо учесть то обстоятельство, что народы Средней Азии и Сибири, в том числе и сибирские татары, издавна жили в условиях кочевого скотоводства, вследствие чего речевой контакт между ними был очень активным. В результате диалектные различия свелись, в основном, лишь к некоторым фонетическим и лексическим расхождениям.

К тому же, начиная с XVI века, бухарцы распространяли среди сибирских татар магометанство, прививали грамотность, снабжали среднеазиатскими товарами, насаждали ремесло и промышленность. Живя в продолжение столетий бок о бок с татарами, бухарцы мало-помалу утратили свои племенные особенности и окончательно забыли свое родное узбекское наречие[1].

С другой стороны, переселенцы из Казанской, Самарской и других губерний, наделенные землей в Тобольском округе, быстро слились с коренными жителями этого округа и в настоящее время не отличаются от них ни языком, ни образом жизни, ни одеждой. Звонких *җ*, *һ* в восточном диалекте вообще нет. Известно, что *һ* для большинства тюркских языков не является исконно тюркским звуком. В татарский литературный язык он заимствован лишь вместе с арабо-персидскими словами.

В восточном диалекте (носители которого приняли ислам только в конце XVI века) *һ* выпадает во всех случаях. В большинстве случаев его не заменяет ни один звук. Примеры: литер. *һава*, *әһәмият*, *шәһәр*, *һәм*, *һаман*, *һичкем* в диалекте звучат как *ава*, *әмият*, *шәәр*, *әм*, *аман*, *ицкем*.

һ перед гласными *а*, *и*, сонорным *р* заменяется звуком *j* (*й*) и образует дифтонг *jы* или *jа*. Например, литер. *Маһыйнур* — диал. *Майынур*, литер. *Ибраһыйм* — диал. *Ибрajым*, литер. *Җиһанша* — диал. *Чиjанша*, литер. *Таһыйр* — диал. *Тajыр*. Такую замену мы наблюдаем в западном диалекте татарского языка и в Муганской группе говоров азербайджанского языка[2]. В западном диалекте татарского языка: *Җыjангир* (Җиһангир), *Майбәдәр* (Маһибәдәр), *Маjjамал//Маjҗамал* (Маһижамал), *Маjрә* (Маһирә)[3].

Звуку *җ* в корнях тюркского происхождения соответствует звук *j* (*й*), а в корнях арабо-персидского происхождения — *ч*. Примеры: *jәр* (җир), *jәл* (җил), *jәлткә* (җилкә), *jәй* (җәй)[4], *чан* (жан), *чавап* (җавап), *Чәмилә* (Җәмилә), *Сачитә* (Сажидә), *Тачеттин* (Тажетдин).

Звонким б, в, д, з, ж, ғ, г соответствуют глухие п, ф, т, с, ш, қ, к. Примеры: *пер* (бер — один), *фрац* (врач), *түрт* (*дүрт* — четыре), *саман* (*заман* — время, эпоха), *роскел* (роза гөле).

Следовательно, в восточном диалекте сохранились древние формы. Даже в древнеорхонских памятниках мы не встречаем подобных языковых явлений. Например: jäti jÿz äp болмыс (жиде йөз ир булды) — стало (уже) семьсот мужей. Jip суб idisiz балмазун tijin (жирсез

---

[1] См. Сб. „Россия", т. XVI, 1907, стр. 269—270.

[2] См. Говоры Муганской группы азербайджанского языка, Баку, 1955, стр. 41—42.

[3] Тезисы докладов I координационного совещания по вопросам диалектологии тюркских языков. Баку, 1956, стр. 6.

[4] Ср. *jäi*, *jäl*, *jil*, *jär*, *jir* (С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М., 1951, стр. 383, 387).

һәм сусыз булмасын дип) — говоря: пусть не будет без хозяина страна (земля и вода)[1]. В этих примерах *д* и *т*, *з* и *с* употребляются параллельно.

В языке сибирских татар, как и в чувашском, хакасском и некот. др. языках, звонкие согласные развились только в двух позициях: между гласными и между сонорными *л*, *м*, *н*, *р* и гласными, например, *угыйтыгын//угыйтын* (литер. *укый торган*) — тот, который читает, *яңы габәр* (литер. *яңа хәбәр*) — новое известие; *әр гайсы* (*һәр кайсы*) — каждый; *гөр гилү* (*гөр килү*) — галдеть, громко говорить всем вместе; *алга* (*алка*) — серьга.

Ср. с чувашскими словами: *çăгăр* (графическ. сакар) — хлеб; *абат* (*апат*) — обед; *азап* (*асап*) — мука, страдание; *юлдаш* (*юлташ*) — товарищ и др.

В диалектах башкирского языка, особенно в южном его диалекте, звуки *қ* — *к* озвончаются между гласными, а также после слов, оканчивающихся на *р*, *л*, *й*, *з*, *з*, *ж*, *у* (*ү*): *қара ғашлы*, *ике-гуллап*, *кеше гилгән*, *матур ғала*, *юл гешеһе*, *йай гилә*, *көз гөнө*[2].

Большой интерес представляет восточный диалект еще тем, что в нем бытуют те языковые черты, которые восходят к языку енисейско-орхонских памятников V—VIII веков. Так, для языка сибирских татар, как и для енисейско-орхонских памятников, характерны сочетания сонорных и глухих согласных в разложимых основах. Ср., например, ен.-орхонск. *анша* — там, *болты* — был, *өлти* — умер, *коганка* — кагану. Такое же явление наблюдается в восточном диалекте татарского языка и в диалектах башкирского языка.

Отметим употребление *и* вместо литературного *ә*, а вместо *ә* — *и*. В отдельных случаях *ә* переходит в *ӛ*, *ӛ* — в *и*. Примеры:

Диал.	Литер.	
кәрәк	кирәк	нужно
кәртә	киртә	ограда
мәләш	миләш	рябина
сәксән	сиксән	восемьдесят
тирәс	тәрәзә	окно
синәк	сәнәк	вилы и др.

Как видно из примеров, в говорах восточного диалекта наблюдается сохранение древнетюркского ä. Для иллюстрации возьмем текст из „Памятника в честь Кюль-Тегина“: „Інім Күл тігін кäргäк болты“[3] — „Мой младший брат, Кюль-Тегин, скончался“. С. Е. Малов разъясняет слово *кäргäк* как „нужное, необходимость, смерть, судьба“[4].

От слова *кäргäк* идут *кäргäкліг* (нужный), *кäргäксіз* (без конца, без границ, без ограничения, без необходимости, без смерти). Слово *кирәк* возникло из древнетюркского корня *кар//кәр//кыр*. Здесь выпал звук *г*, а первый *ә* перешел в *и*. Диалектное *кәрәк*, а также *кәртә*, *мәләш*, *сәксән*, *кәмә* сохранили древнетюркскую форму.

В некоторых современных тюркских языках, например, в уйгурском, азербайджанском, в корнях и неразложимых основах общих

---

[1] Там же, стр. 30.

[2] Дж. Г. Киекбаев. Башкирские диалекты и краткое введение в их историю (Ученые записки Башкирского госуниверситета, вып. III, 1958, стр. 45).

[3] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, М, 1951, стр. 33.

[4] Там же, стр. 392—393.

с другими тюркскими языками слов, *ə* соответствует, как правило, древнетюркскому *ä*[1]. Примеры:

Древнетюркск.	män	cän	käs	tär	tän$_{ɣ}$
уйгурск.	мән	сән	кәс	тәр	тәң
азерб.	мән	сән	кəс	тəр	тəң
	я	ты	режь	пот	равный

Ср. башк. *кəрəк*//тат. *кирәк*//вост. диал. *кәрәк*; башк. *кəртə*//тат. *киртә*//диал. *кәртә;* башк. *кəм*//тат. *ким*//диал. *кәм*; башк. *тəрəн*//тат. *тирән*//диал. *тәрән*.

Однако как в уйгурском, так и в азербайджанском языке вместо древнетюркского *ä* употребляется *ə*, но не во всех словах. Ср., напр., литер. *шимбə*//диал. *шəмбе*. Встречаются также случаи употребления *и* вместо *ə* или *э* литературного. Напр., литер. *әрләң*//диал. *ирләң*//башк. *ирлəн*, тат. литер. *әни*//диал. *инə*//башк. диал. *инəй*. Наблюдается переход древнетюркского *ä* в *и* и наоборот — по аналогии. Напр., тат. *сәнәк*//диал. *синəк*//башк. *һəнəк*//казахск. *сәнек*. Короче, в употреблении неогубленных переднего ряда *ə*, *и*, *э* не находим строгой закономерности не только в говорах восточного диалекта татарского языка, но и вообще в системе тюркских языков.

Как видно из доклада Д. Тумашевой[2], охарактеризованные ею грамматические особенности, а также лексический состав восточного диалекта свидетельствуют о сохранении в нем древних форм татарского языка, с одной стороны, и о взаимосвязи его с соседними тюркскими языками и их диалектами, — с другой.

Итак, в образовании сибирских татар участвовало несколько этнических компонентов: 1) тюркоязычные народы: хатаны, кыпчаки (западная ветвь кимаков, кочевавших по берегам Иртыша), нугаи и др. мелкие племена (аялы, туралы, курдаки, барама, тунух, любей, мрассы и кондомы); 2) финские народы: ханты, а также, частично, манси. Позже — желтые уйгуры, бухарцы-узбеки, казанские татары, башкиры, киргизы, казахи.

Научное изучение этого диалекта дает нам ценные материалы для решения отдельных вопросов истории татарского языка и вообще тюркских языков.

Вопрос, который был предметом нашего выступления, считаем только что начатым. Для того, чтобы окончательно его решить, необходим большой языковой материал.

Несколько замечаний по докладу тов. Тумашевой. Она говорит, что в восточном диалекте вместо звуков *б*, *ғ*, *г*, *д*, *ж*, *з*, *җ* употребляются соответственно *п*, *қ*, *к*, *т*, *ш*, *с*, *ч*. Дальше приводит примеры. Как подтверждают наши наблюдения, в языке сибирских татар имеются звуки *б*, *ғ*, *г*: *баца* (ее же пример), *күбәләк*, *Әлбия*, *геограбия*, *алга* (литер. *алка*), *парғалы*, *гәрәк*. Звук *җ* не всегда соответствует *ч*, а часто — звуку *j* (й), редко — *ц*: *чан* (*җан*), *чавап* (жавап), *јелəк*, *јер*. В тезисах мы встречаем и *цавап* (см. п. 2) и *чавап* (см. п. 4). На самом деле сибиряк всегда произносит *чавап*. А цоканье здесь, по-моему, творчество самого автора.

---

[1] См. Исследование по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 1., М., 1955, стр. 71.

[2] Восточный диалект татарского языка и его отношение к литературному языку и к другим диалектам татарского языка. Тезисы докладов II-го координационного совещания по диалектологии тюркских языков, К., 1958.

На стр. 34 автор утверждает, что *х* отсутствует в данном диалекте, а на стр. 35 противоречит этому утверждению. В действительности же *х* имеется в языке сибирских татар: *палых, юх*.

Короче, много неточных, противоречивых фактов. Если доклад будет печататься после совещания, надо в него внести серьезные поправки: отдельные тезисы не подтверждаются фактами.

Заканчивая свое выступление, выражаю свою благодарность организаторам этого совещания, работникам Казанского филиала АН СССР.

И. А. Батманов

(Фрунзе)

Уважаемые товарищи! Во-первых, разрешите мне от имени языковедов Киргизии передать привет участникам этого большого совещания и пожелать успехов в его работе.

Следует отметить хорошую и большую подготовительную работу, проделанную его организаторами, а также правильный и целенаправленный подбор тем докладов. Все поставленные на повестку дня вопросы имеют большое теоретическое и практическое значение и, конечно, будут содействовать улучшению работы в области изучения тюркских языков. Своевременно и совершенно правильно поставлен вопрос об унификации транскрипции для тюркологических работ. Без единства транскрипции чрезвычайно трудно сравнивать изучаемые языки, и это мешает применению сравнительно-исторического метода.

Во вторых, ее отсутствие затрудняет пользование научными работами, издаваемыми в наших многочисленных тюркологических учреждениях. Едва ли при этих условиях кто-либо будет оспаривать правомерность постановки этого вопроса на повестку дня данного совещания.

Предложенная Н. А. Баскаковым система транскрипции, построенная на учете многообразных особенностей тюркских языков и языков других семейств, имеет большое значение для сопоставления языков с русским и другими, в том числе и западно-европейскими, языками.

Докладчиком, несомненно, проделана большая и полезная работа. Изложенный сегодня проект не вызывает принципиальных возражений и может быть принят за основу. Но во второй его вариант, построенный на основе русской графики, желательно внести некоторые коррективы, которые не опровергают, а творчески дополняют рассматриваемую схему.

Известно, что обилие диакритических знаков создает ряд трудностей и неудобств. В полевых условиях это очень сильно затрудняет процесс записи диалектологического материала, а объект ускользает от внимания исследователя. Во-вторых, хотя состояние полиграфической базы не может подчинять себе научную работу и хотя в конечном счете мы можем добиться любых изменений в шрифтовом хозяйстве, все-таки с известными трудностями технического порядка нужно считаться. Поэтому можно и нужно внести некоторые изменения в предложенные начертания букв.

К этому следует добавить, что многие записи будут печататься на пишущих машинках, и поэтому их не нужно перегружать дополнительными знаками, тем более, что при таких условиях не так легко будет издавать их на местах.

Желательно, по возможности, но, конечно, не во всех случаях, произвести замену сложных сочетаний более простыми, во-первых, имеющимися в наборных кассах и, во-вторых, некоторыми латинскими буквами, что, например сделано в азербайджанском алфавите и др.

В целях улучшения предложенной вашему вниманию системы можно было бы, например, произвести следующие изменения в области обозначения согласных. Вместо *ф* с кружочком и *в* с кружочком можно было бы использовать латинские *f* и *v* или *w*. Во-вторых, вместо *ь*, *ӌ* можно взять *ŋ* и *жҫ*.

Для большинства тюркских языков, где распространено явление сингармонизма слога, можно было бы обойтись без знака палатализации, тем более, что этот знак в примерах и русского и тюркских языков обозначает разные степени смягчения согласных.

В области гласных вместо большого числа обозначений с диакритическими знаками можно воспользоваться имеющимися в некоторых наборных кассах буквами: 1) *и, і, ї, I, ь, ы, ъ, î* (*ĭ*); 2) *э, е, є*, ɛ; 3) *А, а, ə*, а; 4) *ɔ, о*, 5) *ў* и т. п.

Для обозначения долгих гласных в полевых записях удобнее (вместо двоеточия) писать двойные буквы (*аа, ээ, оо* и т. п.). Таблицу следует еще дополнить знаками для обозначения дифтонгов и полифтонгов, которые имеют широкое распространение в очень многих тюркских языках.

Наконец, по этому поводу хотелось бы сделать два общих замечания. Во-первых, в настоящее время усилился интерес к сравнительному изучению тюркских, монгольских, манчжуро-тунгусских языков. Поэтому, как приложение к таблице, нужно дать еще и знаки, необходимые для транскрипции примеров из этих языков.

Нужно учесть соотнесенность или соизмеримость фонем в них.

Каждая фонема имеет большое число акустических вариантов. Совершенно без преувеличения можно сказать, что одна и та же фонема в разных языках реализуется по-разному. Например, *а* киргизское с акустической точки зрения не соответствует в полной мере туркменскому *а*, как туркменское *а* не вполне соответствует *а* якутскому. В каждом из них имеются свои оттенки. (Но это относится к речевой акустике, а не к фонологии.)

Поэтому число знаков для каждой фонемы должно быть несколько ограничено, но не приведено к единице.

Нужно обозначать три ступени палатализации гласных и две ступени лабиализации.

Таковы замечания по в высшей степени интересному, полезному и ценному сообщению проф. Н. А. Баскакова.

Елизавета Ивановна Убрятова в своем докладе затронула два вопроса, имеющих значение для диалектологии не только якутского, но и других тюркских языков.

Первый вопрос — о некоторых причинах возникновения диалектов в связи со взаимодействием с другими языками. В частности, на примерах киргизского и узбекского языков можно сказать, что это положение находит свое полное подтверждение. Например, мы знаем, что некоторая часть южных киргизов, так называемые ичкилики, несколько столетий тому назад, примерно в XIV—XV вв., оторвалась от своего основного этнического ядра. За эти 300—400 лет они приобрели целый ряд новых языковых классификационных признаков. Такие изменения объясняются как внутренними, так и внешними причинами.

С одной стороны, они впитывали в себя другие этнические элементы, они их как бы окиргизивали. В других случаях, наоборот,

южные киргизы приобретали от узбеков некоторые их черты не только в области языка, но и этнографии.

Но Октябрьская революция дала возможность воссоединиться северным и южным киргизским племенам, и теперь они все пользуются общенародным киргизским языком.

Надо добавить к этому в связи с очень интересным докладом доцента Д. Г. Тумашевой, что для усвоения норм литературного языка большое значение имеет массовое распространение журналов, газет, художественной и общественно-политической литературы среди представителей разных диалектов.

Пожалуй, это относится и к носителям так называемого восточного диалекта татарского языка.

Второй вопрос, затронутый Е. И. Убрятовой, относится к терминологии. Следует согласиться с доводами докладчика. Диалект нужно понимать безотносительно к понятиям наречия или говора (но одно не исключает другого). Раньше считалось, что в киргизском языке было два диалекта (в составе нескольких говоров), южный и северный. Они значительно отличаются. Так, в южном говоре имеется 9 гласных (за счет „э", который отсутствует на севере), распространены дифтонги (на севере им соответствуют долготы) и т. д.

Но углубленное изучение этих диалектов показало, что между ними есть промежуточные говоры, которые по одним признакам относятся к северной группе, а по другим — к южной. И сейчас среди киргизоведов намечается тенденция выделять не „диалекты", а говоры, с соответствующим употреблением и надлежащих терминов. Это дает возможность легче решать некоторые теоретические вопросы киргизской диалектологии. К этому нужно добавить, что и в самом языке происходят изменения, связанные с некоторым сглаживанием диалектных особенностей. Сейчас уже диалекты стоят на пути превращения в говоры.

Наконец, о терминах „чередование звуков" и „соответствие звуков". Желательно их сохранить, но строго, как предлагает Елизавета Ивановна, разграничив. Термин „чередование" следует закрепить за явлениями изменения звуков внутри слова. (Например, сингармонистическое чередование гласных и т. п.). А для параллельных явлений в разных языках или говорах восстановить в своих правах термин „соответствие звуков".

А. Б. Булатов
(Казань)

В 1957 году, на юбилейной сессии, посвященной 100-летию со дня рождения проф. Богородицкого, я выступил против концепции т. Тумашевой, которая в своем докладе назвала язык тюменских татар восточным диалектом татарского языка. Моя позиция не встретила тогда поддержки. После этого я был в Перми и у тюменских татар и убедился, что они сами называют себя татарами, хотя их язык отличается от казанско-татарского языка. По ознакомлении с языком тюменских татар, я вынужден был признать, что это действительно диалект татарского языка, который имеет целый ряд черт, сближающих его как с западным диалектом, так и с некоторыми говорами среднего диалекта. В частности, здесь я имею в виду говор пермских татар.

В языке сибирских татар имеется также довольно большое количество узбекских слов и выражений, что является вполне закономерным, т. к. в процессе формирования сибирских татар сыграли определенную роль и узбеки-бухарцы Однако нельзя согласиться с тем, что в формировании сибирских татар участвовали только половцы-кыпчаки и узбеки-бухарцы, надо полагать, что в их состав вошли и другие компоненты.

Л. З. Заляй

(Казань)

Вопросы транскрипции (докладчик проф. Н. А. Баскаков) и терминологии (докладчик проф. Е. И. Убрятова) являются весьма актуальными. Разрешение этих проблем послужит новым шагом в развитии советской тюркологии. У нас, в татарском языкознании, и транскрипция и терминология (речь идет о диалектологических терминах) нуждаются еще в разработке на научной основе.

Мы до сих пор пользовались транскрипцией, созданной на основе современного татарского алфавита.

Однако при этом имеются случаи, когда исследователь для обозначения специфических звуков того или иного говора вводит новые, известные только ему знаки. Таким образом, в нашей транскрипции не учтены все возможные фонемы и варианты фонем, встречающиеся в татарских говорах.

Можно надеяться, что предложенный Н. А. Баскаковым проект послужит важным шагом в деле унификации транскрипции для всех тюркских языков СССР.

В своем выступлении акад. И. А. Батманов сделал, как мне кажется, уместное замечание о том, что большое количество диакритических знаков будет затруднять практическую работу диалектологов. Да, это необходимо учесть заранее. Но, с другой стороны, каждый из нас будет пользоваться этой транскрипцией исходя из особенностей своего языка, вернее, диалектов изучаемого им языка. Например, в современном татарском литературном языке согласные *л, н, р* употребляются только в твердых вариантах, в диалектах же эти звуки имеют и мягкие варианты. Так, литературное *югалды* в западном диалекте звучит как *югал'ды* (потерялся); литер. *кайрак* — в зап. диал. *кар'ак*, литер, *муен* — в зап. диал. *мун'*. В таких случаях татарский диалектолог не может, конечно, обойтись без диакритических знаков, в частности, без знака палатализации. Итак, на этом совещании нам нужно принять за основу предложенный проект единой транскрипции и проверить на практике пригодность его для изучения диалектов наших языков. Окончательное же утверждение этого проекта можно перенести на одно из предстоящих совещаний.

В докладе Е. И. Убрятовой ставится новая и весьма актуальная проблема об унификации и уточнении диалектологических терминов, употребляемых в тюркологии. Действительно, в тюркологии имеется большой разнобой в употреблении языковедческих терминов. Хочется сказать, что было бы весьма своевременным, если бы мы занялись вопросом хотя бы частичной унификации их. Как известно, до Октябрьской революции в татарском языкознании в значении „диалект" и „наречие" употребляли термин *шивә*, в 1925—1930 годах

вошло слово „диалект". В процессе изучения диалектов были выявлены более мелкие языковые единицы — говоры и подговоры, которые обозначаются у нас соответственно словами: *сөйләш* и *урынчылык*. Границы между диалектами или говорами мы называем *диалект чикләре*, *сөйләш чикләре*, „лингвистическую географию"— *лингвистик география* и т. д.

Термин „чередование" в татарском языкознании передается словом *чиратлашу* (*чират* < рус. очередь + афф. *лашу*), „соответствие" — *тәңгәллек*, „переход" — *күчеш*, „замена" — *алыштыру*//*алмаштыру*. Однако нередко один и тот же термин употребляется нами для обозначения различных языковых явлений или, наоборот, разные явления обозначаются одним и тем же термином. Т. е. я хочу сказать, что в области татарской диалектологии, как, например, и в якутской, многие термины окончательно не закреплены за отдельными явлениями. Об отсутствии единых лингвистических терминов для тюркских языков и о затруднениях, возникающих в связи с этим, Е. И. Убрятова говорила здесь очень хорошо и убедительно. Поэтому на разработку и унификацию тюркских диалектологических терминов необходимо обратить самое серьезное внимание и к выполнению этой важной задачи нужно будет приступить в самое ближайшее время.

Несколько слов о выступлении тов. Ахмета Булатова. Судя по его словам, он в прошлом году сибирских татар не считал татарами, а в этом году уже признал их татарами. С одной стороны, это отрадно, но, с другой,— грустно, ибо среди нас имеются такие товарищи, которые торопятся со своими выводами, и на другой же день вынуждены отказаться от них.

Установление принадлежности того или иного диалекта к тому или другому языку возможно лишь в результате тщательного изучения и научного анализа языковых особенностей данного диалекта. Диалектологи, т. Булатов, именно и занимаются таким сложным и ответственным делом.

Товарища Булатова удивило то, что в восточном диалекте имеются некоторые элементы чувашского языка. Не нужно этому удивляться, ибо чувашский язык является одним из языков тюркской системы. Существует также мнение, что чувашский язык имеет такие особенности, которые ни в одном из других тюркских языков не встречаются. К числу их относят аффикс отрицания *-мар*. Например: *пар-мар* „не пойдет", где аффикс отрицания не *-мас (-маз)*, а *-мар* (явление ротацизма: *с, з—р*). Но татары, живущие в некоторых районах Пермской области, также говорят *бармартын* „не пойду", вместо общетатарского *бармасмын*. Этот же аффикс зафиксирован и в восточном диалекте татарского языка.

Это говорит о том, что мы впредь должны глубже заниматься вопросами татаро-чувашских, татаро-удмуртских, татаро-марийских и других языковых связей. Только тогда возможно будет по-настоящему говорить об истории этих языков и их диалектов.

Я надеюсь, что это совещание даст многое для наших дальнейших работ.

Н. А. Баскаков

(Москва)

Мне кажется, что доклад Елизаветы Ивановны Убрятовой является весьма своевременным и необходимым потому, что у нас за последнее время не только в тюркских, но и в других языках существует хаос в отношении терминологии, особенно в отношении таких терминов, как „язык", „диалект", „наречие", „говор".

Иногда в диалектологических работах термин „говор" употребляется в весьма расширенном значении, а термин „наречие" употребляется в значении „диалект". Поэтому предложение Елизаветы Ивановны Убрятовой о том, что нужно привести терминологию в порядок, вполне своевременно. Это необходимо сделать в самое ближайшее время, чтобы мы могли пользоваться более точной терминологией.

Я бы предложил термины „диалект", „говор", „наречие" употреблять в следующих значениях. Термин „диалект" может быть употреблен в таком языке, как язык алтайский, где сохранились следы племен, консолидировавшихся недавно в одну народность. То же можно сказать и о хакасском языке. Хакасская народность утверждалась также из нескольких племенных групп: сагайцев, койбалов, бельтиров, качинцев и проч., особенности языка которых сохранились в хакасском языке в виде его диалектов. Более того, эти племенные группы сохранили не только диалекты, но и внутридиалектные говоры.

Термин „диалект" может быть отнесен также к туркменскому языку, где сохранились племенные, этнографические группы: йомуды, гоклены, текинцы и проч., которые сохранили племенные особенности своего языка. Внутри диалекта йомудов существуют также и более дробные диалектные единицы — говоры. Мне кажется, для таких народов было бы целесообразно оставить такой термин, как „диалект", т. е. термин „диалект" использовать для названия части общенародного языка, которая может еще расчлениться на более мелкие диалектные различия.

Термин „говор" может быть употреблен в тех случаях, когда диалектные особенности языка не составляют какой-то определенной системы, не образуют особого диалекта. В этом отношении характерным является казахский язык и некоторые другие. В этих языках имеются не диалекты, а говоры, которые, по существу, образуются благодаря пограничному соседству казахов с другими народами: говоры населения, находящегося по соседству с узбеками, по соседству с каракалпаками и т. д. Эти говоры не составляют какой-то системы, которую можно было бы выделить в определенный диалект, но различаются целым рядом особенностей по отношению к основному языку.

Что касается термина „наречие", то его нужно сохранить для таких языков, как карагасский и некоторые другие, которые не входят как диалекты в состав каких-либо крупных языков, но составляют единое наречие. К наречиям могут быть отнесены, кроме карагасского, камасинский язык, язык чулымских татар, которые не составляют особых языков, но вместе с тем имеют свои особенности, свои говоры. Например, чулымское наречие имеет свои говоры. Вот для такого рода тюркских языков, которые составляют особую группу и не имеют своего литературного языка, имеющего свои определенные нормы, может быть, стоило бы сохранить термин „наречие". И в этом отношении у нас тогда были бы гармонично распределены все эти термины: диалект, говор и наречие.

И, наконец, в отношении термина „соответствие" мне думается, что с такими уточнениями, которые предлагаются в докладе (соответствие историческое и т. д.) необходимо согласиться.

Х. Г. Гимади

(Казань)

Не будучи специалистом-языковедом, я выскажу лишь некоторые замечания по докладам татарских диалектологов. В целом сообщения Д. Т. Тумашевой, Л. З. Заляя и Н. Б. Бурановой, а также Л. Т. Махмутовой оставили хорошее впечатление, и они свидетельствуют о том, что в области развития татарской диалектологии проделана значительная работа.

Нам, историкам, занимающимся вопросами этногенеза татарской народности, очень часто приходится обращаться к материалам истории языка и диалектологии. Не случайно поэтому один из основных докладов на сессии по этногенезу татар Поволжья, состоявшейся в Москве в 1946 году, был доклад Л. З. Заляя „К вопросу о происхождении татар Поволжья (по данным языка)". Среди выступивших в прениях были видные тюркологи, члены-корреспонденты АН СССР Н. К. Дмитриев и С. Е. Малов.

Покойный Н. К. Дмитриев говорил тогда: „Тов. Залялетдинов совершенно правильно выдвигал диалектологию, как одну из наук, которая может помочь выяснению проблемы (этногенеза — *Х. Г.*). Это верно. Но в каком состоянии находится татарская диалектология? В сущности говоря, о диалектологии мы здесь еще не можем говорить: она находится пока что в стадии диалектографии..." Затем оратор указывал, что совершенно не изучен мишарский диалект („нет даже ни одной кандидатской диссертации" [1]). Так было 10—12 лет тому назад. Теперь положение иное. Созданы кадры диалектологов, защищены не только кандидатские диссертации, но и докторская. Имеются учебник и диалектологические словари. Идет успешная работа по составлению диалектологического атласа. Все это нас радует, и мы, наряду с многочисленными письменными документами, данными археологии, этнографии и других наук, получаем новые материалы из области языка, которые помогут более полно решить и проблему этногенеза татарского народа.

Однако сделаны в этом направлении лишь первые шаги. Много еще нерешенных вопросов и трудностей. Это в своих сообщениях говорили и наши докладчики.

Трудности в изучении диалектов татарского языка прежде всего вытекают из того, что очень сложным был процесс формирования современного татарского народа, основное ядро которого обитает на территории Татарской АССР и смежных с ней областей и республик. Но ведь народность, именуемая ныне „татарами", проживает и в других местах: в Западной Сибири, Рязанской, Тамбовской, Астраханской и др. областях. В условиях советского строя все эти группы татар представляют часть единого народа, которому принадлежит общий

[1] См. сб. „Происхождение казанских татар". Казань, 1948 г., стр. 124.

литературный язык, базирующийся на языке казанских татар. Но, кроме общенародного литературного языка, татары, живущие в различных районах страны, еще до сих пор сохраняют характерные только для них диалектные особенности, о чем подробно говорили наши докладчики. Как правильно отметила Д. Г. Тумашева, даже внутри одного восточного диалекта сохранилось несколько говоров: тюменский, тобольский, тарский, барабинский и другие. Такую же пестроту мы наблюдаем и в мишарском (западном) диалекте.

Считать это случайным явлением нельзя. Наличие множества диалектов и говоров в татарском языке свидетельствует прежде всего о том, что в древности не было единого „татарского" народа, а, следовательно, и единого языка. Представители различных диалектов, хотя и были родственными по языку, но по происхождению и культуре имели свои многие специфические пути развития. Это особенно чувствуется при сравнении татар казанских и западно-сибирских. Как известно, основными компонентами при формировании татар Поволжья явились тюркоязычные булгарские и родственные им кыпчакские и другие племена, образовавшие в IX—X вв. обширное государство Волжских булгар.

Это подтверждается не только данными этнографии, материальной культуры, но и языка („Диване лугат..." Махмуда Кашгари — XI в., „Юсуф-Зулейха" Гали — XIII в., намогильные булгаро-татарские памятники XIII—XVI вв. и др.). Причем, уже эти средневековые памятники говорят о наличии нескольких диалектных разновидностей в языке предков казанских татар в период Булгарского государства, а затем выросшего на его базе Казанского ханства. Это и естественно, ибо тогдашние феодальные образования являлись конгломератом родственных племен, которые лишь впоследствии оформились в народность. Мы полностью согласны с мнением Л. З. Заляя о том, что „Татарский язык, как и его носители-татары, не является оформившимся на базе исконно однородного материала... Процесс оформления татарского языка происходил при доминирующей роли булгаро-кыпчакских элементов" [1].

Среди многочисленных тюркских племен, получивших впоследствии название „татары", казанские татары, в силу ряда исторических условий, раньше других оказались оформившимися в народность. Их язык с его средним диалектом послужил основой литературного языка и других этнических групп татар. Такое „ведущее" место татар Поволжья объясняется рядом причин. У них раньше, чем у других племен, вошедших в состав татарской народности, появилось классовое общество и сложились государственные объединения (Булгарское и Казанское). В XVI веке татары вошли в состав быстрорастущего Русского государства. В результате этого у татар Поволжья быстрее развивались производительные силы и культура. Во II половине XIX века татары Поволжья уже представляли из себя буржуазную нацию.

Ликвидация экономической замкнутости, как результат консолидации нации, привела и к оформлению единого для всех литературного языка. Но вместе с этим, естественно, продолжали бытовать в отдельных районах и местные говоры и подговоры („нагорный", „мензелинский" и др.). Однако в условиях собственно Татарии значение говоров и подговоров быстро падало, и в целом шел быстрый процесс их нивелировки. В период, когда татары консолидировались в социалистическую нацию, начался быстрый процесс вытеснения диалектизмов в языке. Общенародный литературный язык в будущем окончательно „похоронит" диалек-

[1] Сб. „Происхождение казанских татар", К. 1948, стр. 89.

тизмы и станет единственным средством общения между членами коммунистического общества.

Так обстоит вопрос о татарах Поволжья и их языке. Но иначе выглядит дело с татарами Западной Сибири. В настоящее время,— как указывала т. Тумашева,— произошла „консолидация языка западносибирской татарской народности с татарским национальным языком". Это она объясняет социально-экономическими причинами. В первой части этого положения имеется неточность: западно-сибирские татары, на наш взгляд, до Октябрьской революции не успели оформиться в особую народность. Зря здесь А. Б. Булатов каялся, что он в этом вопросе допускал ошибку, утверждая это положение. Тут никакой ошибки нет. Здесь есть лишь недоразумение в вопросе о происхождении народа и его языка. Эти вещи разные. Пути их возникновения и развития могут быть различными. У сибирских татар не было ни территориальной, ни этнической и даже языковой общности, что необходимо для определения понятия „народность". Ведь барабинские татары, как подчеркнула сама докладчица, имели особый говор, который „стоит совершенно особняком". Если говорить о „татарах" сибирских в целом, то они в XV—XIX вв. представляли собой скорее конгломерат тюркоязычных племен, очень слабо связанных экономически и культурно. Иногда говорят, что в их состав в качестве основного компонента вошли „кыпчаки". С этим мнением также нельзя согласиться, т. к. последние сами появились на исторической арене лишь в XI веке и еще не представляли собой единого народа. „Кыпчаками" назывались многочисленные тюркоязычные племена, обитавшие на огромных степных пространствах от Алтая до Дуная. Очевидно, на территорию Западной Сибири могла проникнуть только часть этих племен и затем войти в состав сибирских татар. Нам же кажется, что они по своему происхождению более древние, чем эти так наз. „кыпчаки". Можно утверждать, что районы их заселения были заняты еще тюрками времен орхонских и таласских надписей, о чем говорят многочисленные архаизмы, сохранившиеся не только в быту, но и в языке этих татар. Тов. Тумашева правильно отметила, что их язык „является языком переходным от языка наиболее древних языков Алтая и Восточной Сибири к более новым языкам Поволжья". В языке сибирских татар употребляются глухие и полузвонкие согласные, свойственные алтайцам, шорцам, хакасам и тувинцам. Разве это не свидетельствует о более древнем их происхождении, чем кыпчаки? Нельзя, конечно, одновременно отрицать и поздние наслоения, в том числе кыпчаков, среднеазиатских тюрков и т. д.

Генетическую связь татар Поволжья и Сибири в прошлом нельзя преувеличивать. Хотя экономические связи населения Сибири с Поволжьем начались еще со времен Булгарского государства и Казанского ханства, но более интенсивными они стали после присоединения Казани к русскому государству, особенно в XIX—XX вв. В Сибирь, в силу ряда причин, переселяются большие группы казанских татар. В городах появляются целые татарские слободы. Татарские купцы начинают играть значительную роль в экономической жизни края. Среди „единоплеменников" (т. е. среди местных тюрков) они начинают открывать мечети и мектеби. В начале XX века край наводняется печатной продукцией из Казани. Растущая татарская буржуазия в целях установления своего влияния через своих идеологов проводит идею „о единстве" сибирских тюрков с казанскими. Таким образом, различные местные наречия их постепенно начинают консолидироваться с татарским общенародным литературным языком, хотя и сохраняют во многом свои диалектальные особенности. Только в этом смысле можно говорить о близкородственном происхождении диалектов восточного и среднего. На самом деле пути их развития

в прошлом были различными. В условиях советского строя, когда Казань стала центром всей татарской социалистической нации, роль татарского национального языка поднялась еще выше. Этот язык в одинаковой степени обслуживает теперь татар, живущих не только в Татарской АССР, но и за ее пределами. Он является могучим средством общения между всеми этническими группами татарского народа.

Несколько частных замечаний. 1) В конце своего доклада тов. Тумашева сказала, что в развитии языка сибирских татар все возрастающую роль стал играть русский язык. В обогащении словарного запаса татарского языка, его форм — это правильно. Могучий русский язык оказывает влияние на все языки народов СССР. Однако все они, большие и малые, развиваются по своим внутренним законам и продолжают расцветать. Очевидно, так будет еще очень и очень долго. Если так хотела выразить свою мысль наш докладчик, мы с ней согласны. 2) Нам хотелось бы посоветовать нашим диалектологам обратить больше внимания на изучение топонимики. Это позволило бы нам выяснить некоторые вопросы этногенеза, истории языка. К сожалению, на это обращается очень мало внимания. На местах имеются рукописи по истории отдельных населенных пунктов, легенды об их возникновении, об отдельных личностях и другие материалы. Они представляют интерес не только для языковедов, но и для нас, историков. Сбору их следует обратить внимание. 3) Наши диалектологи совершенно обходят язык городских татар. Для сравнения с языком сельского населения это имело бы известное значение.

В заключение нам хочется высказать свое удовлетворение работой данного совещания и пожелать, чтобы был установлен творческий контакт между всеми специалистами в области разработки этногенеза народов и истории их языков.

А. С. Канюкова

(Чебоксары)

В области изучения чувашских диалектов профессор Н. И. Ашмарин проделал большую работу. В его 17-томном словаре „Чăвачи сăмахесен кĕнеки" мы находим много слов в диалектальной форме. Описание чувашских диалектов имеется и в трудах проф. В. Г. Егорова. Молодые диалектологи ведут монографическое исследование отдельных говоров и диалектов. Каждый год проводятся диалектологические экспедиции в разных районах Чувашской республики. В экспедициях вместе с преподавателями Пединститута участвуют студенты, заочники-учителя, сотрудники Чувашского научно-исследовательского института.

Хочется поделиться мыслями, возникшими в процессе обработки экспедиционных материалов. В чувашском языке имеется два основных диалекта: диалект верховых чуваш, который характеризуется оканьем, и диалект низовых чуваш, отличающийся уканьем: *орам — урам* (улица), *йолташ — йулташ* (товарищ), *пор — пур* (есть, имеется). В диалекте верховых чуваш, находящихся в северо-западных районах Чувашии, осталось много древних особенностей, которые помогают освещать вопросы истории чувашского языка и чувашского народа.

Стало известно, что чувашские диалекты имеют много сходных черт с диалектами алтайских языков и с восточным диалектом татарского языка. Это видно из интересного доклада доцента Д. Г. Тумашевой, где изложены фонетические, морфологические и синтаксические особенности диалекта западно-сибирских татар.

Одной из общих особенностей чувашского и алтайских языков (в частности, хакасского) является употребление только глухих согласных в начале слова. „В северо-восточных тюркских языках (примерно, от Алтая до Саянских гор) в начале и в конце слов могут быть только глухие согласные, но в середине слова между гласными глухие согласные переходят в звонкий соответствующего места образования",— писал член-корреспондент АН СССР Н. К. Дмитриев.

В чувашском и в хакасском языках шумные согласные звучат так: в чувашском языке — *поҫ — пуҫ, полă — пулă, пол — пул*; в хакасском языке — *пас, палых, пол, пул*; в татарском и башкирском языках — *баш, балык, бул* (голова, рыба, будь), в западно-сибирском диалекте татарского языка: *пала* (бала — ребенок), *тулқын* (дулкын — волна).

В хакасском языке, как и в чувашском, имеются окающие и укающие диалекты. Например, в хакасском литературном языке — *пол, хол, ол, от*; в сагайском диалекте — *пул, хул, ул, ут*; в верховом диалекте чувашского языка — *пол, хол, ол, вăл, вот*, в низовом его диалекте — *пул, хул, вăл, ул, у, вут* (будь, рука, он, огонь).

В чувашских и хакасских диалектах есть чередование звуков *е* и *и (кел—кил* „иди"), в том и другом языке имеется *с* диалект и *ш* диалект. В сагайском диалекте и в хакасском литературном языке — *тозек, сагыс, кӳмӳс, ас*, в кызыльском диалекте—*тошек, шагыс, комош, ач* и *аш* (перина, мысль, серебро, открой). В говоре верховых чуваш — *тӳсек, сокăс, кĕмĕл* или *кĕмĕске шăрда, од*, в низовом диалекте и чувашском литературном языке – *тӳшек, шухăш, кĕмĕл* или *кĕмĕшке шăрда, уд*. Таким образом, утверждение историков, этнографов о том, что чуваши в древности жили на Востоке, около озера Байкал, когда-то находились рядом с монголами, китайцами, с восточными тюрками, подтверждается фактами диалектальных особенностей чувашского и хакасского языков.

Товарищ Гимади заметил, что чувашские языковеды, историки склонны считать потомками булгар только одних чуваш.

В последнее время историками, языковедами тщательно изучаются вопросы происхождения и история чуваш. Но большинство специалистов думает, что в состав Булгарского государства входило много племен, в том числе чуваши и татары.

Проф. Н. И. Ашмарин на основе исследования намогильных памятников XIII—XIV вв., найденных на территории Булгарии, доказывал, что в булгарском языке бытовали *р* и *з* диалекты. Например, в памятниках встречаются слова: *тхр, тохыр, джиат джюр вотор, хир*; в чувашском — *тăхăр, дичĕ дĕр вăтăр, хĕр*; татарское *тугыз, җиде йөз утыз, кыз* (девять, семьсот тридцать, девушка).

Хочется сделать практическое предложение: необходимо держать постоянную крепкую связь чувашским и татарским языковедам, проводить совместные диалектологические экспедиции, которые помогут лучше исследовать вопросы языка и истории народа.

А. А. Дарбеева

(Москва)

Хотя данное совещание посвящено диалектологии тюркских языков, научная значимость его выходит за пределы их. Этому способствует и тематика поставленных докладов и теоретический уровень многих из них. В самом деле, многое в этих докладах является очень интересным и полезным для диалектологов в области других языков народов Советского Союза, в частности, монгольских языков, которые имеют много общих черт с тюркскими языками. Мне кажется, что вопросы международной, русской диалектологической терминологии, применительно к отдельным языкам, вопросы фонетической транскрипции, принципов составления диалектологических атласов и словарей представляют большой научный интерес для диалектологов самых различных языков. Поэтому я, как монголист, глубоко сожалею о том, что на данном совещании не могли быть представлены диалектологи наших монголоязычных республик. Присутствовать на таком совещании, где затрагиваются все стороны диалектологической работы, крайне интересно.

Данное совещание наглядно показывает различный уровень развития диалектологии по разным тюркским языкам. И по прослушанным здесь докладам и по имеющимся материалам видно, что диалектологами Азербайджана серьезно и обстоятельно развернута работа по изучению диалектов и говоров азербайджанского языка. Они уже имеют определенные положительные результаты в своих исследованиях, которые весьма интересны, полезны и поучительны.

Судя по докладам, видно также, что диалектологами Татарии сделано немало в области изучения диалектов и говоров татарского языка. Ими уже начато составление диалектологического атласа. Видимо, и в ряде других тюркских языков имеются значительные достижения в этой области. Тем не менее, постановка таких конкретных докладов, содержащих итоги изучения того или иного говора, диалекта, приобретает особо важное значение на фоне неравномерности развития диалектологии по разным языкам. Для некоторых из них такие вопросы, как принципы составления диалектологических словарей, атласов, являются делом будущего этапа в области диалектологии конкретного языка, когда в достаточной степени будет накоплен диалектологический материал.

Во всяком случае, большинство докладов данного совещания было очень интересным. Мне хотелось бы остановиться на одном из таких докладов. Это — доклад тов. Тумашевой Д. Г. „О восточном диалекте татарского языка и его отношении к литературному языку и другим диалектам татарского языка".

В этом очень содержательном докладе автор, анализируя свойства восточного диалекта в сравнении с литературным языком, с другими диалектами татарского языка, указывает и на явления сходства с некоторыми тюркскими языками в области фонетики и морфологии. Весьма интересными нам представляются данные о том, что восточный диалект по целому ряду свойств более близок к другим тюркским языкам, чем к литературному татарскому языку. Чем же объясняет автор это обстоятельство? В этой связи хотелось бы выяснить роль той языковой среды, с которой соприкасаются носители восточного диалекта татарского языка. Подобное положение в какой-то степени напоминает языковые особенности нашего нижнеудинского говора бурятского языка, в развитии которого определенное значение сыграла территориальная разобщенность с другими говорами и диалектами бурятского языка. В частности, в этом говоре сохранились некоторые наиболее древние элементы языка. Например, исторический согласный *q сохранился в виде согласного *к* вместо общебурятского *х*:

така „подкова"	вм. общебурятск.	талхан
к^{х}ара „черный"	„ „	хара
к^{х}ура „дождь"	„ „	хура и т. д.

Иначе говоря, вместо заднеязычного спиранта *х*, употребляемого во всех говорах и диалектах бурятского языка, халха-монгольского языка, в нижнеудинском говоре встречается согласный *к*.

Это явление напоминает факт, приведенный тов. Тумашевой относительно говора „заболотных" татар Тобольского района, у которых вместо общетюркского *к* употребляется *х*. Следовательно, общим для них является то, что они обладают таким фонетическим явлением, какое уже не встречается в других говорах и диалектах своего языка и даже в ряде родственных языков. Я не знаю, в каком языковом окружении находятся носители указанного говора татар, что касается нижнеудинских бурят, то они живут в постоянном общении с русскими, входя в состав одного колхоза с последними. Носителей этого говора очень мало, всего около 470 чел. Однако нижнеудинские буряты и в прошлом и в настоящее время общаются с тофаларами, таежными жителями, бывали случаи бракосочетания между ними. Вероятно, подобное соприкосновение носителей разных языков оставляет определенные следы в языке. Возможно, отдельные фонетические явления говора нижнеудинских бурят объяснимы влиянием языка этого тюркоязычного народа. Чтобы сказать что-либо определенное, необходимо исследовать этот говор с привлечением и исторических и этнографических данных, тем более, что исследование говоров и диалектов дает очень богатый материал для истории языка. Может быть, многие явления, наблюдаемые в монгольских языках, легко объяснимы фактами тюркских и других языков, с которыми имели определенное соприкосновение в прошлом наши предки. Но ведь и в тюркских языках, в частности, в татарском, имеется немало подобных явлений. В докладе тов. Тумашевой в разделе лексических свойств восточного говора не нашли отражения вопросы заимствования, вопросы влияния лексики иноязычной среды. В связи с этим я приведу один пример из выступления вице-президента Венгерской Академии наук академика Лайоша Лигети, который, будучи в Москве в октябре этого года, по нашей просьбе сделал сообщение на заседании Ученого Совета Института языкознания АН СССР о работе венгерских монголистов. Прежде всего, он нам объяснил, почему венгры занимаются монгольскими языками. Он сказал, что монголистика в Венгрии очень тесно связана с изучением венгерского языка и истории венгерского народа. Академик Лигети рассказал

о том, что Венгрия в своем историческом прошлом имела тесное соприкосновение с различными народами, говорившими на разных языках и что такое тесное общение наложило характерный отпечаток на развитие языка. До сих пор в венгерском языке имеются такие элементы, которые не объяснимы фактами своего родного языка, поэтому они вынуждены были обратиться к истории тех языков, с носителями которых имели когда-то соприкосновение. Таким образом, изучение тюркских и монгольских языков стало для них насущной потребностью. В качестве иллюстрации академик Лигети привел венгерское слово *del* „полдень". Последний элемент этого слова *l* легко объясним данными и самого венгерского языка, он свойственен также и чувашскому языку, но начальное *d* не встречается ни в венгерском, ни в чувашском, ни в турецком. Вместо *d* в этих языках обычно встречается *t*. Монгольскому же языку свойственно начальное *d*. Поэтому наличие начального *d* в венгерском слове *del* академик Лигети объясняет влиянием монгольского языка. Однако, как сказал нам уважаемый гость, вопрос о монгольских элементах в венгерском языке еще недостаточно выяснен. Решение подобных проблем они очень тесно связывают с вопросами общей алтаистики. И поэтому венгерские монголисты являются специалистами широкого профиля, в подготовке которых обязательно предусмотрено изучение тюркских, маньчжурских языков, иногда и тибетского и китайского, не говоря уже о немецком, английском и др. западно-европейских языках.

Венгерские языковеды знали, что изучение старотюркских заимствований в венгерском языке невозможно без знания истории монгольского языка, точнее говоря, без знания сравнительной алтаистики.

Между тем, в современных тюркских и монгольских языках имеется немало общих слов, принадлежность которых к какому-либо конкретному языку трудно определить. Также и в области фонетики и морфологии встречаются явления, которые трудно объяснить вне сравнения с другими алтайскими языками.

Поэтому мне кажется, что, особенно при изучении конкретных говоров и диалектов того или иного языка тюркской или монгольской групп, необходимо иметь в виду и эту сторону языка.

А. Х. Соттаев

(Нальчик)

Товарищи! Прежде всего разрешите от имени научно-исследовательского института Кабардино-Балкарии передать участникам данного совещания наш пламенный привет!

Мне, конечно, как и моим коллегам, очень приятно присутствовать на таком совещании по изучению диалектов тюркских языков.

Я хочу познакомить вас с тем, что сделано у нас в области балкароведения.

В прошлом балкарский язык почти не изучался. Впервые добросовестнейшие и фотографически точные записи словаря и образцов народной литературы в Балкарии дал венгерский ученый В. Прёле (правда, записи В. Прёле относятся исключительно к „цокающему" диалекту балкарского языка).

Исследования В. Прёле представляют собой фундаментальные записи — тексты с переводами и словарем и фонетико-морфологические очерки по балкарскому языку[1], изданные им в 1911—1912 и 1915—1916 годах.

Затем следуют: „Очерк грамматики горского языка балкар" Н. А. Караулова, исследования В. Ф. Миллера, „Научная грамматика карачаево-балкарского языка" Умара Алиева старшего, „Морфология и синтаксис балкарского языка" У. Алиева младшего и „Научная грамматика балкарского языка" А. К. Боровкова.

Отдельные ученые по-разному толковали происхождение и историю балкарского языка.

Происхождение балкар до сих пор остается еще неясным. Можно предполагать, что эта группа представляет собой осколок великого болгарского народа, обитавшего на Средней Волге и продвинувшегося в период переселения народов на Балканский полуостров.

Коротко рассмотрим диалектный состав балкарского языка.

ДИАЛЕКТНЫЙ СОСТАВ БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Балкарский язык представлен в настоящее время тремя говорами: чокающим, цокающим и смешанным.

I. Баксано-чегемский (чокающий) говор

Гласные

В системе гласных всех диалектов балкарского языка можно установить 8 гласных фонем: *а, о, у, ү, э (е), ы, и, ө*.

[1] См. журнал „Keleti Szemle", том XVI, стр. 243, 1915—1916 г. и том XII, стр. 19—153, 1911—1912 гг.

Перечисленные выше 8 гласных фонем по месту поднятия языка (ряды), по степени поднятия языка (подъемы) и по отношению к лабиализации (округление губ) можно представить следующим образом:

Ряд / Подъем	Передний		Средний		Задний	
	лаб.	нелаб.	лаб.	нелаб.	лаб.	нелаб.
Верхний . . .	ү	и		ы	у	
Средний . .	ө	э (е)		—	о	
Нижний . . .						а

Гласные *а, о, у, и, э (е)* по своей артикуляции очень мало отличаются от соответствующих гласных русского языка, хотя степень лабиализации *о* и *у* в балкарском языке более сильная, нежели в русском. Так, например, при произношении балкарского *у* и *о* (например, в слове *орун* 'место') губы выпячиваются и округляются сильнее, напряженнее, чем при произношении русских *о* и *у*. Звук *ы* произносится не с таким высоким подъемом языка, как при произношении русского *ы*. Акустически этот звук в произношении балкарцев напоминает даже звук *э* в слове *пэр, кэб* и пр. (ср. *бахчачы* — огородник, *жарыкълыкъ* — освещение). Звуки *ө* и *ү* являются специфическими балкарскими звуками. При произношении *ү* язык принимает такое же положение, как при произношении *и*, но губы при этом выпячиваются и округляются, ср. *үй* — дом, *бүгүн* — сегодня. Акустически этот звук близок к немецкому *ü* в слове *über*. Звук *ө* акустически близок к немецкому *ö* (в слове *öffen*), положение языка такое же, как при произношении звука *э*, но губы при этом выпячиваются, округляются (ср. *төрт* — четыре, *өгүз* — бык).

Изменение гласных

а) Важнейшим позиционным чередованием гласных данного говора является так называемая гармония гласных (употребление аффиксальных гласных по последнему гласному звуку основы в отношении ряда и лабиализации). Это явление, хотя и с некоторыми нарушениями (см. ниже), распространено и в других говорах и, следовательно, присуще всему языку в целом как языку, принадлежащему к тюркской системе.

За гласным а в корне обычно следуют гласные ы, а
„ у „ „ „ „ у, а
„ ы „ „ „ „ ы, а
„ и „ „ „ „ е, и
„ о „ „ „ „ о, а, ы, у
„ ө (ё) „ „ „ „ е, и, у,
„ э (е) „ „ „ „ е, и, у.

б) Гласные данного говора, как и остальных говоров балкарского языка, в безударном положении подвержены редукции, приводящей в отдельных случаях к выпадению звуков. Так, неударяемые гласные *ы* и *и* в конце глаголов 3 лица прошедшего времени, в особенности после группы согласных, ослабляются до степени редукции и выпадают. Ср. *болгант* (вместо *болганды*), *келгент* (вместо *келгенди*), *олтурат* (вместо *олтурады*). Встречаются случаи выпадения гласных и в середине слова (*бчақ* вместо *бычақ*, *кши* вместо *киши* и пр.).

Согласные

Система согласных баксано-чегемского говора представлена 24 фонемами. По месту артикуляции, по отношению к тону и шуму, по способу артикуляции и по участию голоса их можно представить в виде следующей таблицы:

Способ артикуляции		Место артикуляции	Губные	Зубные	Нёбно-зубные	Средненёбные	Заднёбные	Гортанные
шумные	взрывные	звонкие	б	д	—	г	—	—
		глухие	п	т	—	к	к	(қ)
	фрикативные	звонкие	(ў)	з	ж	—	—	ғ
		глухие	—	с	ш	х	—	һ
	аффрикаты	звонкие	—	—	ӂ	—	—	—
		глухие	—	—	ч	—	—	—
сонорные	носовые		м	н	—	—	ң	—
	плавные		—	л	р	—	—	—

Типичными особенностями в системе согласных данного говора являются следующие.

а) Отсутствие губно-зубных *в* и *ф*; эти звуки встречаются только в заимствованных словах, главным образом, из русского языка: *фронт*, *фотография*, *верховный*, *вершок* (но говорят и *моршок*). Звук (*ў*) имеет губно-губной (билабиальный) характер.

б) Почти полное отсутствие задненёбных. Задненёбный звук *к*, столь распространенный в русском языке, в данном говоре встречается только в одном слове: *кырдык* (трава), во всех остальных случаях перед гласными заднего ряда и перед *ы* произносятся звуки с ярко выраженной гортанной артикуляцией (ср. *қызчық* девочка, *ағач* — лес, *хорлаған* — победитель).

в) Отсутствие мягких согласных фонем, встречающихся в других говорах.

Отсутствие мягких согласных фонем в говоре балкарского языка не означает, конечно, отсутствия палатализации согласных вообще. Наоборот, после и перед гласными переднего ряда (*е*, *и*, *ү*, *ө*) очень часто произносятся мягкие согласные и средненёбные *г̂*, *к̂*, *х̂*. По своей артикуляции и акустическому впечатлению они порой весьма близки к соответствующим палатальным русского языка. Сравним, например, *кел* — иди, *түлкү* — лиса, *бүгүн* — сегодня и прочие. Тем не менее фонематического значения эти различия не имеют, так как с этими различиями не связаны смысловые различия, как в русском языке (ср. угол — уголь, мать — мять и т. д.), а это заставляет сделать вывод об отсутствии мягких фонем вообще.

г) Наличие гортанных *ғ*, *қ*, *х*, при произношении которых затвор производится значительно глубже, чем при произношении русских задненёбных *г*, *к*, *х*.

д) Наличие аффрикат *ч* и *ӂ* при отсутствии зубных аффрикат *ц* и *дз*. Аффриката *ц* встречается только в заимствованных словах: *центр*, *цех*, *центнер* и т. д.

е) Наличие задне- и средненёбного носового *ң*: *таң* — заря и *теңиз* — море.

II. Балкарский (цокающий) говор

Балкарский (цокающий) говор сильно отличается по своим фонетическим особенностям от баксано-чегемского говора. Правда, это различие сказывается преимущественно в системе согласных.

Гласные

В отношении гласных данный говор почти не отличается от баксано-чегемского: здесь имеются те же 8 гласных фонем, которые рассмотрены нами выше при характеристике предыдущего говора, действуют те же законы гармонии гласных, встречаются те же случаи слияния и выпадения звуков. Однако нельзя не отметить нескольких случаев нарушения гармонии гласных в данном говоре, не встречающихся в баксано-чегемском говоре. Так, мы зафиксировали и проверили формы *кунле* (вместо *күнле* — дни), *коруф* (вместо *көруб* — увидев), где гласные заднего ряда *о*, *у* употребляются в одном слове с гласными переднего ряда *е*, *ү*, что и создает резкое нарушение закона сингармонизма, обычно строго соблюдаемого в балкарском языке. Причины этого явления не ясны так же, как не ясны они и для тех тюркских языков, в которых эти явления распространены значительно шире.

Согласные

Значительно больше различий наблюдается между этими двумя говорами в области согласных. Эти различия касаются не только состава согласных, но также и их изменений и особенно ярко обнаруживаются при сравнении таблицы согласных данного говора с таблицей согласных баксано-чегемского говора.

Таблица согласных балкарского говора

Способ артикуляции		Место артикуляции	Губные	Зубные	Нёбно-зубные	Средне-нёбные	Задне-нёбные	Гортанные
Шумные	Взрывные	звонкие	б	д	—	г	—	—
		глухие	п	т	—	к	к	қ
	фрикативные	звонкие	(ў)	з	—	—	—	ғ
		глухие	ф	с	ш	х	—	h
	аффрикаты	звонкие	—	з	—	—	—	—
		глухие	—	ц	—	—	—	—
Сонорные	носовые		м	н	—	ң	→ (н)	—
	плавные		—	л	л	—	—	—

Сопоставление этих таблиц показывает, что даже в составе согласных фонем можно отметить существенные различия между баксано-чегемским и балкарским говорами. Эти различия заключаются в следующем.

а) В наличии аффрикаты *ц*, которая соответствует аффрикате *ч* баксано-чегемского говора. Употребление *ц* вместо баксано-чегемского *ч* во всех положениях (в начале, в середине и конце слова) является существеннейшей отличительной чертой данного говора, почему он и получил название „цокающего".

Приведем примеры. *цойун — чойун* — чугун; *цыцхан — чычхан* — мышь; *ахцыц — ахчыч* — ключ; *койцу — койчу* — пастух, чабан; *ац — ач* — открой; *үц — үч* — три; *үцүн — үчүн* — ради, для; *қарацай — карачай* — карачай; *быцхыцы — бычхычы* — пильщик; *цалы — чалы* — плетень и многие другие; ср. также: *кеце* — ночью, *кеце кел* — ночью приходи; *келеци* — посредник, *зоруш келециге өлүм зох деп* — говорят хорошему (ходкому) посреднику смерти не бывает.

б) В наличии зубной аффрикаты *з͡*, которой в баксано-чегемском говоре соответствует нёбно-зубная аффриката *жҷ*. По-видимому, под влиянием этого различия и неаффрикативный звук *жҷ* в данном говоре заменяется звуком *з*.

Примеры: *дзыл* или *зыл* (жыл) — год; *заш* (жаш) — парень; *дзыр* или *зыр* (жыр) — песня; *зыйырма* (жыйырма) — двадцать; *зауаб* (жауаб) — ответ и т. д.; *зазгыда туруўцелле* — весной находились; *зюрюге уа эте болурлар* — очевидно хотят.

Как видим, зеканье или дзеканье характерны преимущественно для начала слова. Это влияет и на произношение русских слов со звуком *ж*. Например: *позалуйста* (пожалуйста), *зурнал* (журнал).

в) В наличии губно-губного (билабиального) *ф*, которого, как известно, в баксано-чегемском говоре нет. Этот звук не является самостоятельной фонемой в описываемом говоре, поскольку с его употреблением не связаны какие-либо семантические различия. Тем не менее, он, как один из весьма распространенных вариантов губных фонем, составляет наиболее яркую фонетическую особенность балкарского говора.

Изменение согласных

Типичными для данного говора позиционными чередованиями согласных являются:

а) переход взрывных согласных перед глухими и на конце слова в соответствующие фрикативные.

Наиболее последовательно это явление прослеживается в произношении губных *б* и *п*, которые на конце слова и перед глухими переходят в *ф*. Например: *цаф* (*чаб*) — беги; *алыф* (*алыб*) — взяв; *болуф* (*болуб*) — высший; *уруф* (*уруб*) — удар.

б) Более сильно, нежели в баксано-чегемском говоре, распространена прогрессивная ассимиляция. В аффиксе прошедшего времени и причастии на *-ган, -ген* звуки *г* и *ғ* под влиянием предшествующего согласного часто чередуются со звуком *х*.

Например: *ицхендиле* (вместо *ичгендиле*) выпили; *қацхандыла* (*қачғандыла*) — убежали; *кетхенди* (*кетгенди*) — пошел.

Звук *л* аффикса *-лик* подвергается влиянию предшествующего *р*. Например: *этеррих* — вместо *этерлик* — который сделает.

в) Более заметны и сильнее распространены явления диссимиляции согласных. Так, перед взрывными согласными гортанный взрывной звук *қ* и средненёбный взрывной *к* переходят в фрикативные *х* и *х͡*: *зохту* (*жоқту*) — нет, *қумухтан* (*қумуқдан*) — из Кумыкии, *керехти* (*керекди*) — нужно.

III. Хуламо-безенгиевский (смешанный) говор

Третью диалектную группу балкарского языка составляют говоры Кашхатау, Карасу, Безинги, В.-Жемтала Советского р-на, Хабаз и Кичималка Зольского р-на Кабардино-Балкарии.

Типичной особенностью данного говора является смешение черт баксано-чегемского и балкарского говоров, что и дало нам повод назвать этот говор смешанным.

Факты этого смешения проявляются в следующем:

1. **Непоследовательное цоканье** (в одном и том же слове обследуемый произносит незаметно для себя то *ч*, то *ц*).

Например: *чойун — цойун* (чугун); *бычақ — быцақ* (нож); *Сибилчи — Сибилци* (собственное имя); *төртюнцю, бешинци* (четвертый, пятый), *ицинде* (внутри), но *учунчу* (третий), *ичене* (внутрь чего-либо), *эхци* (коза), *патцах* (царь), но *эчхилери* (коз), *патчахны* (царя) и т. д.

2. **Непоследовательное зеканье:** *заным* (бок), но *җанындан* (с одного бока), *заш* (парень), но есть и *җаш*; *заурун* (лопата), но встречается и *җаурун*; *зохту* (нет), но говорят и *җоқду*, *зер* и *җер* — земля, *анаммы заны цу* — клянусь душой моей матери.

3. **Непоследовательный переход взрывных** *б*, *п*, *к* **в фрикативные** *ф*, *х*, *x̂*: *быцақ* (нож), но есть и *быцах*; *җашчық* (мальчик), но есть и *защцых*, *җащцых*; говорят *алыф* (взяв), *қачыф* (убежав), но наряду с этим *кетиб*, *кетип* (уйдя); *керек* (нужно), но встречается и *керех*, *кайтыф* и *кайтып* (вернувшись), *ауруф келгенди* (он возвратился больным).

4. Как и в балкарском говоре, широко распространена прогрессивная ассимиляция согласных: *кетхендиле* (*кетгендиле*) ушла, *этхенделе* (*этгендиле*) — сделали; *түшхенди* (*түшгенди*) — упал, но встречается и *этгенди* (сделал), *чыққандыла* (вышла).

5. Отмечены, правда, редкие **случаи нарушения гармонии гласных,** причем, это фонетическое явление сопровождается иногда типичным для данного говора „разгортаниванием" согласного *қ*. Например: *көрмез* (вместо *қөрмез* — не увидит), *күннге* (вместо *күнңе* — в день); *көрюф* (вместо *қөруб*), *көзүне кир түшхенча* — грязь в глаза попала.

Во всех этих случаях звук *к* — задненёбный, хотя он находится перед гласным переднего ряда.

Таковы, вкратце, особенности говоров балкарского языка.

Кавказ — эта „гора языков" — представляет капитальный интерес для языковедов. Нет на земном шаре другой местности, где бы на сравнительно небольшом пространстве сконцентрировалась такая масса разноязычных народов. Кавказский перешеек является ключом для разрешения многих вопросов кавказского языкознания.

Ф. Х. Хамидуллин

(Казань)

Товарищи! Я выступаю не как специалист-диалектолог, а просто как участник данного совещания, и буду говорить очень коротко по докладам проф. Баскакова, проф. Убрятовой и скажу несколько слов по докладу т. Тумашевой.

Известно, что специалисты по диалектологии различных тюркских языков десятилетиями ведут работу по собиранию и обработке диалектологических материалов. Почти 25 лет у нас, в Татарской республике, работает в этой области Л. З. Заляй, сделавший очень многое для развития татарской диалектологии.

Как видно из сделанных здесь докладов, такая же большая работа велась и ведется и в области других тюркских языков, где также проделана очень полезная работа.

Надо полагать, что у всех диалектологов-тюркологов выработалась своя транскрипция, отвечающая особенностям этого языка. Но мне кажется странным, что ни один из диалектологов не выступил здесь с описанием или характеристикой своей транскрипции, не продемонстрировал ее положительные и отрицательные стороны. Наблюдается полная готовность к принятию предлагаемого проф. Баскаковым проекта единой транскрипции для тюркских языков.

Профессором Баскаковым, как это видно из доклада, проделана очень большая работа. Это не вызывает никаких сомнений. Но, товарищи, частый переход от одной системы к другой всегда в какой-то степени вызывает застой в развитии данной области. Это особенно может случиться при переходе на унифицированную систему, которая может задержать местную инициативу и творчество отдельных работников.

Исходя из этого мне хочется сказать, что прежде чем перейти на новую систему, необходимо общими усилиями всесторонне обсудить положительные и отрицательные стороны имеющихся и применявшихся ранее систем транскрипции и выделить те из них, которые на практике оказались наилучшими. Ведь отход от старой системы и переход к новой требует известного периода времени. Это может отразиться на нашей дальнейшей диалектологической работе.

Я уже говорил о том, что товарищи еще не выступали с характеристикой своих транскрипций, применявшихся ими в течение десятилетий.

Такой анализ, вскрывающий перед нами положительные и отрицательные стороны применявшихся систем, представил бы нам возможность высказать конкретное мнение о той или другой системе транскрипции.

Я лично защищал бы систему Радлова, поскольку о ней положительно отзываются многие тюркологи-диалектологи. Если в ней имеются некоторые недостатки, то их можно устранить в процессе работы, применительно к особенностям того или другого тюркского языка. Такой подход к вопросу даст возможность тюркологам работать творчески, и они не будут прикованы к одной системе.

Как было видно из примеров, приведенных в докладе проф. Баскакова, закон сингармонизма, присущий тюркским языкам, не принимается им во внимание, особенно при обозначении палатальности звуков. Между тем, это избавило бы нас от лишних знаков, какими изобилует система проф. Баскакова. Об этом говорили и выступавшие товарищи.

Два слова относительно доклада проф. Убрятовой.

В докладе говорится о применении русских и международных терминов при описании диалектов якутского языка. Проф. Убрятова рекомендует всем занимающимся в области диалектологии отдельных тюркских языков применять термины русские или международные. По-моему, это неправильно. Я, может быть, неправильно понял? Чем говорить об этом, нужно было бы сказать, и было бы полезнее говорить об уточнении значения терминов диалектологии. Когда по Вашему докладу выступал профессор Баскаков, он подтвердил, что не только в диалектологии тюркских языков, но даже в русской диалектологии нет единого понимания значения терминов.

Нужно заниматься уточнением значения терминов: диалект, говор, наречие, чередование, соответствие и т. д.

Относительно деления татарского языка на три диалекта: средний, западный и восточный. Здесь следовало бы уточнить вопрос о том, кто первым в науке указал на это. Об этом ясно сказано в статье татарского языковеда Дж. Валиди, напечатанной в „Вестнике Общества татароведения" (1926 г.). Об этом надо было сказать и т. Тумашевой в ее сообщении.

И последний вопрос, который был задан мною проф. Ширалееву. Это относительно использования диалектов для обогащения литературного языка.

Диалектологами проделана большая работа. Но очень мало сделано в отношении обогащения литературного языка за счет диалектов. Эту сторону работы надо максимально усилить, т. к. отсутствие такой работы заставляет прибегать к заимствованию из других языков, что, в свою очередь, ведет к засорению языка. Во избежание этого, мы должны заниматься изучением диалектов тюркских языков именно для практических целей.

Относительно слова „муел". Это слово очень часто повторяется среди мишарей Горьковской области. Это — низкорослое дерево, из которого малыши и взрослые делают красивые палки.

И последнее. Как известно, в Татарии до последнего времени проведено много экспедиций, собран огромный материал. На основе этого материала выпущено несколько диалектологических словарей. Но сравнительно мало проведено экспедиций по изучению западного диалекта. В дальнейшем это надо будет усилить, потому что западный диалект является одним из крупных диалектов татарского языка.

И. А. Андреев

(Чебоксары)

Состояние изученности диалектов во многом предопределяет успешное изучение истории языка, тем самым и истории носителей этого языка. Особое значение изучение диалектов приобретает для таких тюркских языков, по которым не имеется никаких письменных исторических памятников. К таким относится, например, и наш чувашский язык. Поэтому следует только приветствовать усилия научных учреждений, как центральных, так и местных, направленные на тщательное исследование говоров тюркских языков.

Об успехах, достигнутых в изучении диалектов отдельных языков, свидетельствует и тот факт, что по ряду тюркских языков ставится вопрос о создании диалектологических атласов и словарей. По отдельным языкам диалектные словари уже имеются.

Изучению истории языка способствует исследование диалектов не только того языка, история которого изучается, но и диалектов родственных языков. В этом отношении мне хотелось бы привести пример из материалов нашего совещания.

История чувашского языка и чувашского народа до недавнего времени оставалась загадкой. За последние годы усилиями ученых — историков, лингвистов, археологов, этнографов история чувашского народа в общих чертах установлена. Как и у большинства народов мира, этнический состав чувашского народа не однороден. Предполагают, что тюркские предки чуваш, оставившие нам в наследство свой язык, некогда обитали в Сибири где-то в районе Байкала и впоследствии, двигаясь через Урал и Нижнюю Волгу, осели в Среднем Поволжье.

Такое предположение подтверждается как данными лингвистики, так и других наук. Еще в двадцатых годах усилиями Поппе довольно основательно были изучены монгольско-чувашские языковые параллели, причем доказано, что эти параллели возникли не в эпоху монгольского владычества, а гораздо раньше, в результате длительного пребывания в соседстве с монголами.

Замечены, но, правда, еще слабо изучены чувашско-китайские и чувашско-индийские лексические параллели.

В последние годы лингвисты нашли, что многие явления чувашского языка, несвойственные другим соседним тюркским языкам, имеют параллели в языках Сибири и Алтая. На выявление таких типологических параллелей в настоящее время нашими лингвистами обращается особое внимание.

На данном совещании из доклада тов. Д. Г. Тумашевой мы узнали, что имеются некоторые общие черты между чувашским языком и языком сибирских татар. Наиболее характерным из них является отсутствие звонких согласных в начале и в конце слов,

но возможность озвончения глухих согласных в интервокальной позиции. В диалекте сибирских татар есть форма прошедшего времени, образуемая от деепричастия на *-ып* (*алыпмын, алыпсын, алыпты*). Аналогичная по образованию форма имеется и в чувашском языке: *илсеттĕм* „я взял", *илсеттĕн* „ты взял", *илсеччĕ* „он взял".

В диалекте сибирских татар глагольные времена, образованные от причастий, не принимают аффиксов лица. Такое же явление характерно и для чувашского языка.

В диалекте сибирских татар:		В чувашском языке:	
мин, син, ул	парган „я, ты, он пришел"	эпĕ, эсĕ, вăл	килнĕ „я, ты, он пришел"

В отдельных говорах сибирских татар имеется отрицательная частица *-мар* (в других тюркских языках *эмес*). Эта частица в чувашском языке также звучит *-мар*. А. С. Канюкова в своем выступлении высказала предположение, согласно которому частица *-мар* сибирским татарам могла быть передана переселившимися в 18–19 вв. в Сибирь чувашами. Однако, естественнее всего предположить, что данная особенность, общая для татарских говоров Сибири и чувашского языка, не является результатом позднейшего влияния чувашского языка, а она, как и в других перечисленных выше случаях, возникла гораздо раньше, в эпоху пребывания предков современных чуваш в Сибири.

Приведенные в докладе тов. Д. Г. Тумашевой данные об особенностях восточного диалекта татарского языка являются, таким образом, новым подтверждением наметившейся у нас теории о происхождении чувашского языка.

Обо всем этом я говорю для того, чтобы лишний раз на конкретном примере показать, как много могут дать данные диалектологии родственных языков для изучения истории языка. Для изучения истории языков, бывших в далеком прошлом бесписьменными, эти данные приобретают первостепенное значение.

Не могу не сказать несколько слов по поводу выступления заведующего сектором истории Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР тов. Х. Г. Гимади. По словам тов. Х. Г. Гимади, чувашские историки и лингвисты, якобы, считают, что чуваши являются единственными потомками булгар. На этой основе между чувашскими и татарскими историками и лингвистами, якобы, даже складываются не совсем нормальные взаимоотношения.

Во-первых, чувашские историки и лингвисты всерьез так никогда не утверждали. В свое время еще Н. И. Ашмарин на основе изучения булгарских эпитафий пришел к выводу о большей близости чувашского языка к булгарскому. Но в то же время Н. И. Ашмарин признавал, что казанские татары явились наследниками булгарской культуры. Почти то же самое утверждают современные чувашские историки. Они считают, что и чуваши, и татары одинаково причастны к булгарам, что татары унаследовали довольно высокоразвитую городскую культуру булгар. А языковая близость чуваш и булгар, по-моему, никогда не подвергалась серьезным сомнениям, и на этой почве между лингвистами никогда не было разногласий.

Два слова в отношении составления диалектных словарей. Я хочу остановиться на одном пункте, а именно, включать фонетические варианты литературных слов в диалектный словарь или не включать.

По этому вопросу я присоединяюсь к мнению, высказанному в докладах тов. Л. Т. Махмутовой и Ш. Ш. Сарыбаева. Действительно, нет никакой необходимости фиксировать в словаре слова, в которых выступает систематическое чередование каких-либо звуков. Если взять применительно к чувашскому языку, то таким случаем является верховое оканье вместо литературного уканья в первом слоге слова (литер. *урапа* „телега", *ултала* „обманывать", *улттӑ* „шесть", *пуртӑ* „топор", *пурӑн* „жить", в верховом диалекте *орапа*, *олтала*, *олттӑ*, *портӑ*, *порӑн*). А вот чередование звуков *в* и *л* (*автан — алтан* „петух"), *н* и *л* (*мунча — мулча* „баня") носит единичный характер, и диалектные слова с такими чередованиями, представляющими интерес в силу своего единичного характера, должны быть включены в словарь. Точно так же должны быть включены в словарь такие диалектные слова, которые по своему звуковому составу сильно отличаются от своих литературных вариантов, хотя бы даже в них мы имели чередование систематического характера. В чувашском языке под этот случай подходят такие примеры, как *ол*, *ул*, *о*, *у* вм. литер. *вӑл* „он", *ул* вм. литер. *ывӑл* „сын" и др.

Х. Р. Курбатов

(Казань)

Здесь только что выступил Ф. Х. Хамидуллин. Он говорил о том, что создание единой фонетической транскрипции не приведет ни к чему хорошему. Это, конечно, ошибочное мнение. Наоборот, создание единой фонетической транскрипции для тюркских языков — это дело совершенно необходимое и безотлагательное, т. к. отсутствие ее приводит к тому, что почти каждый языковед транскрибирует по-своему, а это затрудняет выяснение фонетических особенностей не только различных тюркских языков, но и диалектов и говоров одного языка. Мне, например, недавно пришлось редактировать лингвистический сборник на татарском языке, где каждый языковед употребил свою транскрипцию. И самое худшее — большинство языковедов пользуется только частичной транскрипцией. Во многих работах, например, фонемы *қ*, *ғ*, *ҫ* совершенно не отмечаются особыми буквами (пишут так, как в существующей орфографии). Бывает и так, что применяют транскрипцию только тогда, когда дают описание фонетических особенностей, а как только переходят к описанию лексических и грамматических особенностей говора или диалекта, не применяют никакой транскрипции. А ведь читатель обращает внимание на фонетические особенности языка и тогда, когда он знакомится с разделами лексики и грамматики данной статьи. В будущем необходимо, чтобы диалектологи были более последовательными в транскрибировании языкового материала.

Я бегло ознакомился с проектом единой фонетической транскрипции для тюркских языков, представленным Н. А. Баскаковым. Как мне кажется, он разработан очень тщательно, с учетом многих возможных звуковых вариаций в тюркских языках. Однако в графическом отношении более удачным мне кажется проект на латинской основе. В этом отношении он, безусловно, лучше и международной транскрипции. Так, например, если в международной транскрипции (принятой в 1951 г.) звуки *ч*, *ж* обозначаются двойными знаками — $\widehat{ts}$, $\widehat{dz}$, то в проекте Н. А. Баскакова для них предложены знаки *č*, *ǯ*. Упрощены знаки и для гласных и т. д.

Если бы я был диалектологом или занимался фонетикой тюркских языков, то пользовался бы только транскрипцией на латинской основе, ибо знаки этой транскрипции являются международными, т. е. они понятны всем языковедам в такой же степени, в какой понятны математикам, физикам, химикам и др. их арабские цифры и формулы. Но говорят, что нужно иметь транскрипцию и на русской основе, т. е. на основе существующих практических алфавитов тюркских языков. Представленный проект такой транс-

крипции, мне кажется, также не вызывает принципиальных возражений. Тут могут быть лишь отдельные замечания в отношении некоторых знаков. Например, знак *э*, предложенный в проекте, лучше было бы заменить другим знаком, так как он труден для частого употребления. Звук *ŵ* (*ŵатан* — „родина“, *даŵыл* — „буря“, *ŵәкил* — „представитель“) обозначен *в*⁰. Удобнее было бы обозначить его буквой *ŵ* или *ў*. Ибо звук *ŵ* ближе к гласным *у* — *ү*, чем к согласному *в*. Звук *h* целесообразнее было бы обозначить знаком *h*, а не *ҳ* (*х* с хвостиком). Некоторые говорят, что *h* — знак латинского происхождения и поэтому нельзя его употребить в данной транскрипции, т. к. это нарушит общую систему. С этим, я считаю, нельзя согласиться.

В таблице фонетической транскрипции звуки *ч*, *җ* включены в разряд аффрикат, т. е. составных звуков. Может быть, в некоторых тюркских языках или диалектах эти звуки действительно являются аффрикатами. Например, звук *ч* в мишарском диалекте татарского языка, как и в русском языке, — аффриката. Но в татарском литературном языке этот звук не аффриката, а монофтонг. То же самое нужно сказать и о звуке *җ* татарского литературного языка. Это можно заметить даже при простом эксперименте: если произнести эти звуки протяжно (ччч..., жжж...), то никакой начальный элемент *т* и *д* не отрывается. Конечно, имеются аффрикаты, похожие на наш *җ* в английском и некоторых других языках. Возможно, некоторые товарищи по аналогии с ними звуки *ч*, *җ* считают аффрикатами. Однако это неверно.

Кроме того, татарские *ч*, *җ* нельзя обозначать знаками *ш'*, *ж'*, как это предлагают некоторые, ибо, во-первых, мягкие *ш*, *ж* совершенно особые звуки в татарском языке — они являются мягкими вариантами фонем *ш*, *ж*, напр., в словах: *шикәр* „сахар“, *бишек* „колыбель“, *шәһәр* „город“, *гөжләү* „шипение“; во-вторых, каждый из фонем *ч*, *җ* сами имеют и твердые (*сандугач* „соловей“, *бөҗра* „кольцо“) и мягкие (*чәчәк* „цветок“, *җиләк* „ягода“, *чирәм* „трава“, *җәй* „лето“) варианты. Короче, я хочу сказать, что фонемы *ч*, *җ* нужно включить и в графу монофтонгов. Безусловно, для каждого из них при этом необходимо применить особые знаки.

Жаль, что к таблицам Н. А. Баскакова не приложены примеры транскрибированных слов (хотя в своем выступлении он и приводил примеры на доске). Но как бы там ни было, мне кажется, что принципы, вернее, приемы транскрибирования по данному проекту несколько осложнены. По-моему, нет необходимости каждый раз ставить знак палатальности, на что справедливо указывал и проф. Батманов. Этой необходимости нет, и вот почему: во-первых, палатальность для тюркских языков — явление незакономерное. Если для мишарского диалекта татарского языка действительно характерна настоящая палатальность, т. е. произношение согласных с элементом звука *й*, то это, если можно так выразиться, — явление, стоящее вне природы звуковой системы тюркских языков. Оно, по-видимому, возникло здесь в результате влияния русского языка. Во-вторых, признание палатальности согласных в тюркских языках значит признание наличия парных согласных (палатальных и непалатальных) фонем в них, что не соответствует действительности. А что касается смягчения согласных в тюркских языках, то это, как известно, явление, возникающее лишь в определенной позиции, т. е. в соседстве с мягкими гласными. Поэтому я считаю, что совершенно не нужно обозначать в транскрипции мягкость согласных во всех тюркских языках; ведь и без того ясно, что согласный в соседстве с гласным переднего ряда произносится мягко, но это не палатальный звук, а мягкий вариант согласного.

Совсем по-другому обстоит дело с фонетикой русского языка и отдельными фактами мишарского диалекта татарского языка — тут действительно нужны знаки палатальности (напр., *кан'ата* вм. татар. литер. *каената* — свекор).

И. А. Батманов предлагает ввести особые знаки для дифтонгов. Мне кажется, в этом также нет необходимости. Во-первых, это приведет к чрезмерному осложнению транскрипции, во-вторых, с научной точки зрения более целесообразно указать на составные элементы дифтонгов. Напр., написание дифтонга *ай* указанным здесь способом само собой будет напоминать, что данный дифтонг состоит из двух элементов: *а* и *й*.

Применение девяти основных знаков для гласных, если десятый звук *ый* считать дифтонгом (напр., в словах: *сый* „угощение", *қарый* „смотрит"), мне представляется правильным.

Скажу несколько слов по другим вопросам.

Я с радостью выслушал заявление азербайджанских товарищей о том, что у них уже имеется несколько опубликованных монографий по диалектологии. Изучение татарских диалектов и говоров также проводится давно. В результате этого написано немало кандидатских диссертаций, но опубликованных монографий нет. Правда, есть учебник Л. З. Заляя. Но мне кажется, нужно создать уже новый учебник для вузов, включив туда новые диалектологические материалы. Проф. Л. З. Заляй написал хорошую монографию о среднем диалекте татарского языка, но ее до сих пор не издают.

Зав. сектором истории ИЯЛИ КФАН СССР Х. Г. Гимади в своем выступлении отметил, что необходимо изучать говоры городских татар. Это — правильное замечание. До настоящего времени наши диалектологи изучали язык только сельских татар на территории Татарии и за ее пределами, однако никогда не занимались говорами не только городов Уфы, Оренбурга, Тюмени, Тобольска, Перми, Ленинграда, Москвы, Свердловска, Куйбышева и др., но и самой Казани. Ведь только в Москве живет полмиллиона татар, об их языке можно написать целую монографию.

Почти все тюркские народы легко понимают друг друга, так как языки их не слишком уж резко отличаются друг от друга. Но тем не менее, мы в своих исследованиях почти не пользуемся трудами, написанными на других тюркских языках. Чтобы вторично не „открывать Америку" в науке, чтобы более интенсивно развивалась наша тюркологическая наука, мы должны пользоваться достижениями друг друга, ибо и в языкознании и в литературоведении у нас много общих проблем.

Л. А. Покровская

(Москва)

В своем выступлении я хочу коснуться проекта фонетической транскрипции, предложенного Николаем Александровичем Баскаковым, а именно его варианта на основе русской графики. В практической работе нам, обычно, приходится пользоваться транскрипцией на русской основе, так как все алфавиты тюркских языков СССР построены на русской графике.

Я хочу коснуться практического применения этой транскрипции для записи текстов гагаузского языка, которым сейчас занимаюсь. Гагаузский язык, как уже упоминал Николай Александрович, занимает особое место среди тюркских языков. Этот язык, как известно, испытал и продолжает испытывать сильное влияние славянских и романских языков, а именно, болгарского, русского, румынского, молдавского. Это влияние, естественно, наложило значительный отпечаток на все стороны гагаузского языка и, в первую очередь, на его лексику, а также на фонетику, морфологию и синтаксис. Однако тюркская фонетическая система гагаузского языка в основном сохранилась. Поэтому он не идет в сравнение с караимским языком, где тюркская фонетическая система сильно разрушена.

Николай Александрович здесь говорил о том, что в караимском языке уже почти не употребляются в аффиксах гласные переднего ряда, что там широко развиты сочетания палатализованных согласных с гласными заднего ряда типа *д'а*, *т'а* и т. д. В гагаузском языке таких явлений почти нет. В нем полностью сохранилась система гласных, имеется 5 гласных переднего ряда, как, например, в азербайджанском языке, то есть *е*, *и*, *ö*, *ÿ*, *ä*.

Сочетания палатализованных согласных с гласными заднего ряда встречаются лишь в отдельных словах, например, в личных местоимениях первого и второго лица единственного числа (*б'ан* — я, *с'ан* — ты) и в заимствованных словах (*л'азым* — нужно, *д'аду* — старик и т. п.).

Гагаузский язык до прошлого года был бесписьменным языком. Поэтому его исследование можно было проводить лишь на основе записей текстов народных говоров во время экспедиций, что я и делала в течение ряда лет. Таким образом, точная и хорошая фонетическая транскрипция имеет для изучения гагаузского языка исключительное значение.

Здесь уже говорилось о том, насколько необходима и важна при современном состоянии тюркской диалектологии единая фонетическая транскрипция. Мы все благодарны Н. А. Баскакову, что он взял на себя труд разработать проект такой транскрипции.

Насколько я познакомилась с проектом Николая Александро-

вича, должна сказать, что он удовлетворяет основным требованиям для записи текстов тюркских языков, в частности, и гагаузского языка. В нем нашли отражение все основные фонемы, употребляющиеся в тюркских языках, и основные фонетические явления, характерные для тюркских языков. А именно, здесь приводится целый список фонетических явлений, которые обозначены специальными знаками.

Однако в моей практике записей гагаузских текстов мне приходилось обозначать и ряд других фонетических явлений, не нашедших отражения в данной транскрипции. Я их перечислю.

Для гласных:

1. Редукция гласных. Это явление широко известно в тюркских языках, в том числе и в гагаузском. Правда, в транскрипции есть знаки краткости, закрытости и открытости, которыми в общей сложности можно было бы обозначать редукцию гласного. Но это неудобно по двум причинам: во-первых, сразу надо ставить два знака — знак краткости и знак закрытости или открытости; во-вторых, краткость и закрытость или открытость гласного не всегда может быть связана с редукцией, а может быть вызвана другими фонетическими причинами. Например, в гагаузском языке ударный узкий гласный всегда будет кратким, но не редуцированным. Широкие гласные *а, е* перед согласными *ӂ, й* всегда редуцированные. Это — особое явление, и мне кажется, что такие явления должны быть обозначены специальным знаком. Я практически обозначала редукцию таким знаком, как здесь обозначается краткость. Чтобы не было двойного понимания, может быть, Николай Александрович предложит что-то другое? Думаю, что надо ввести специальный знак для редукции гласных.

2. Обозначение долготы гласного. Не следует ли ввести отдельные знаки для обозначения первичных и вторичных долгот? Я практически обозначаю первичную долготу чертой над буквой, а вторичную — удвоенной буквой. Например, в слове *а̄ч* (голодный) — первичная долгота, а в слове *аач* (дерево) — вторичная долгота. Удобнее обозначать их различными способами.

Есть еще позиционные долготы, например, безударные широкие гласные *а, е* в гагаузском языке произносятся с долготой, если за ними следует ударный узкий гласный: *ка̄ры* (женщина), *ге̄ри* (назад).

3. В таблице не отражено обозначение дифтонгов. Например, в слове *дерей* (реку) между двумя гласными „йот“ выпал, и гласные составляют два разных слога. А в слове *а͡ушам* „вечер“ имеется дифтонг. Он обозначен дугой. Дифтонги обозначать нужно, потому что, кроме них, имеются стечения двух гласных, которые относятся к разным слогам.

В гагаузском и ряде других тюркских языков есть также дифтонгоиды, в частности, гласные среднего подъема *о, ӧ, е* в начальной позиции звучат как дифтонгоиды *ᵘо, ӱӧ, ᵘе*, например, *ᵘон* (десять), *ӱ″олма″а″* (умирать), *ᵘев* (дом) и т. п. Дифтонгоиды обычно обозначаются с помощью маленькой буквы сверху. Это следует также отметить в проекте.

Для согласных:

4. Как быть, если одним и тем же знаком *й* обозначаются согласный „йот“ и неслоговое „и“? Не нужно ли ввести разные обозначения для этих двух фонем?

5. Я поддерживаю предложение И. А. Батманова о том, чтобы были отражены 3 степени палатализации согласных, а не две. Так, в гагаузском языке есть три основных варианта согласного *л*. Один — твердый вариант, например, *ал* (возьми), *кол* (рука) *алэр* (берет), другой — палатализованное *л*, например, *бел'* (талия, стан), *гел'ир'* (приходит) и третий вариант *л* — это среднее, типа французского и румынского *l*. Я его условно обозначала *л̃*, напр., *дол̃у* (полный). Но этот знак уже занят. Поэтому для среднего *л* нужен другой знак.

Этот случай — не единичный. Есть и другие звуки, которые имеют три варианта по линии палатализации.

Знак палатализации целесообразно ставить после согласных, по-моему, только в случаях отступления от закона сингармонизма. Например, *б'ан*, *с'ан*, *л'азым*. Но есть случаи, когда согласный не палатализуется после переднего гласного. Как в таких случаях его обозначать?

6. В ряде гагаузских говоров отпадает звук *р*. Например, *кызла(р)* (девушки), *вери(р)дим* (я давал). Я ставлю в скобках выпавший звук. В проекте как-то надо отразить явление выпадения звуков.

7. Я согласна с предложением — использовать не букву *ч* из алфавита азербайджанского языка, а *ҷ*. Может быть, следует полнее использовать дополнительные буквы, чтобы меньше ставить точек и различных диакритических знаков, потому что практически в записи это очень осложняет работу.

Имеется также возможность в некоторых случаях использовать буквы различных алфавитов тюркских языков для обозначения вариантов фонем, сильно отличающихся друг от друга. В гагаузском языке есть два варианта фонемы *э*: *алэр* (он берет), *гелер* (он приходит). Более задний вариант обозначается буквой *э*, более передний — буквой *е*.

Здесь было предложено ввести некоторые знаки латинского алфавита в вариант транскрипции на русской основе. По-моему, нецелесообразно смешивать знаки латинской и русской графики в одной транскрипции.

8. У меня есть предложение — собрать все замечания по транскрипции и после этого с некоторыми дополнениями проект утвердить.

М. М. Мирзоев

(Бухара)

Дорогие товарищи!

Разрешите мне от имени членов кафедры узбекского языка Бухарского государственного педагогического института и от имени научных сотрудников сектора диалектологии ИЯЛ АН Узбекской ССР передать вам, всем участникам данного Всесоюзного совещания, сердечный, дружеский привет, а также наилучшие пожелания в работе совещания!

Товарищи! Я хочу выразить свое большое удовлетворение по поводу предоставления мне возможности присутствовать и выступить на этом авторитетном научном совещании, посвященном вопросам диалектологии тюркских языков. Я очень рад тому, что, присутствуя здесь в течение трех дней, почерпнул много ценного из докладов, сообщений и их обсуждения. Проведение таких региональных совещаний по важнейшим вопросам изучения языков и их диалектов имеет огромное значение для дальнейшего развития языковедческой науки.

Наша Коммунистическая партия и родное Советское правительство проявляли и проявляют всемерную заботу о развитии и процветании социалистической науки и техники, в том числе филологии и языковедения. Эта забота со всей полнотой ощущается в Узбекской ССР. В республике 36 вузов, из них 9 педагогических институтов и 2 университета, на филологических факультетах которых, наряду с другими дисциплинами, преподаются современный узбекский язык, история и диалектология узбекского языка и т. д. До Великой Октябрьской социалистической революции в б. Туркестане не было ни одного вуза, не существовало и узбекское языкознание как наука. Оно возникло только после социалистической революции, и мы по праву говорим, что узбекское языкознание — детище Октября!

В развитии языков, особенно языков ранее отсталых народов, в подготовке национальных кадров — языковедов, создании программ, учебников и учебных пособий и др. большую отцовскую помощь оказывали и оказывают русские ученые-тюркологи, из которых здесь присутствуют Н. А. Баскаков, И. А. Батманов и др. Здесь в зале мы видим портреты известных тюркологов — покойных профессоров В. А. Богородицкого, Н. К. Дмитриева, а рядом с ними — татарских ученых-филологов. Это очень хорошо.

Узбекское языкознание связано с именами профессоров-тюркологов Е. Д. Поливанова, А. К. Боровкова, А. Н. Кононова, К. К. Юдахина, В. В. Решетова. Мы во многом обязаны нашим учителям — русским ученым-языковедам.

Как явствует из докладов и выступлений товарищей, диалектология тюркских языков у нас постепенно растет, очень заметно чувствуется оживление в области исследования и описания местных диалектов. Мне очень понравились сообщения товарищей из Азербайджана, где диалектология под руководством профессора М. Ш. Ширалиева развивается очень интенсивно по трем направлениям, а именно: монографическое исследование, подготовка материалов для составления диалектологического атласа и подготовка диалектологического словаря. Издана программа (анкета) для собирания материалов по азербайджанским говорам.

Я хочу остановиться на работе, проделанной в области узбекской диалектологии в нашей республике и, в частности, в Бухаре. Надо отметить, что в последние годы научно-исследовательская работа в этой области значительно оживилась. Она ведется в настоящее время по следующим направлениям:

1) исследуются говоры и по материалам этих исследований пишутся диссертации и другие монографические работы;

2) издаются сборники статей и сообщений по диалектологии;

3) составляются диалектологические словари по отдельным говорам.

Ниже коротко остановлюсь на этих работах.

Специально изучены и описаны в диссертациях следующие говоры узбекского языка: „Кураминские говоры Ташкентской области" (докторская диссертация проф. В. В. Решетова); джизакский, паркентский, кирский, базмальский, кипчакский говоры, морфология ташкентского говора и другие (канд. диссертации Х. Гулямова, Ш. Афзалова, Т. Мирсагатова, Х. Даниярова, Ф. Абдуллаева, Я. Гулямова). Подготавливаются монографические работы по говорам Ангренской долины и города Ташкента, а также по говорам Бухарской области. Пишутся диссертационные работы и статьи по отдельным говорам Хорезмской, Самаркандской, Ферганской, Кокандской, Бухарской областей. Канд. филол. наук Ф. Абдуллаев работает над составлением диалектологического словаря говоров Хорезмской области.

Институт языка и литературы имени А. С. Пушкина АН УзССР издал первый сборник „Материалы по узбекской диалектологии" (1957 г.) под редакцией проф. В. В. Решетова в объеме 22 печатных листов. Сборник содержит 12 статей, посвященных отдельным вопросам говоров узбекского языка.

Надо сказать, что выход в свет этого сборника имеет и теоретическое и практическое значение. Ввиду того, что отсутствуют учебник и учебные пособия по узбекской диалектологии, он может служить единственным учебным руководством для наших студентов и преподавателей факультетов узбекского языка и литературы.

Группа членов кафедры узбекского языка Бухарского педагогического института изучает местные говоры отдельных районов Бухарской области. На основе предварительного ознакомления с говорами, следовательно, с учетом их особенностей, нами составлена и издана специальная анкета в виде программы собирания сведений по говорам районов Бухарской области (составитель М. Мирзоев, редактор — канд. филол. наук С. Ибрагимов). В „анкете" всего 72 вопроса, из них: 20 — по фонетике, 35 — по морфологии и 16 — по лексике (ввиду неизученности синтаксиса говоров, вопросы по этому разделу не включены). В начале анкеты дана краткая методическая инструкция. На основе данной анкеты собрано много сведений по говорам Гиждуванского, Шафриканского, Вабкентского и Каракульского районов области. В целях выяснения распространения обнаруженных диалектных явлений за пределами Бухарской

области, обследовались анкетным методом прилегающие к Бухарской области территории Кашка-Дарьинской и Самаркандской областей.

По предварительным результатам исследования нами написаны и частично опубликованы отдельные статьи. Членом кафедры К. Х. Хайруллаевым написана и успешно защищена кандидатская диссертация, посвященная методическому вопросу — о типичных, в том числе и диалектальных, ошибках учащихся школ Гиждуванского района и о мерах их устранения и предупреждения на уроках родного (узбекского) языка. Член кафедры К. Б. Бакаев завершает кандидатскую диссертацию на тему „Каракульский говор узбекского языка".

Наши предварительные выводы по исследованию диалектов Бухарской области таковы:

1. Бухарская область в диалектном отношении неоднородна: в ней мы находим наряду с „окающими" („йекающими") говорами, которые составляют подавляющее большинство, частично и „акающие" („джекающие") говоры; если характеризовать эти говоры генетически, то в составе узбекских говоров Бухарской области можно выделить три диалектных общности: карлуко-чигильскую, огузскую (в Каракульском и Алатском районах), кипчакскую (в отдельных населенных пунктах Керменинского, Кенимехского районов).

2. В большинстве населенных пунктов (кишлаков) области местные жители говорят на двух языках: узбекском и таджикском. Поэтому в узбекских говорах имеется масса заимствованных таджикских слов и выражений, и, наоборот, в таджикских говорах Бухарской области очень много узбекских лексических заимствований.

Мы намерены в скором будущем написать монографию о говорах узбекского языка Бухарской области.

Я выше говорил об отдельных работах в области узбекской диалектологии.

Есть, конечно, у нас недостатки и пробелы в этой отрасли языкознания, которые мы должны устранить. Перед нами стоят задачи: усилить исследование неизученных и малоизученных говоров; чаще проводить диалектологические экспедиции; сплотить диалектологов республики и обеспечить их творческую, планомерную работу; постоянно координировать диалектологическую работу в масштабе республики. Необходимо создать учебник по узбекской диалектологии, так как, хотя узбекская диалектология, как и история узбекского языка, преподается в наших педвузах и университетах уже более 20 лет, учебника по этим дисциплинам пока еще нет.

В целях создания диалектологического атласа узбекского языка надо как можно скорее составить программу собирания сведений по говорам узбекского языка. Без такой программы составить атлас невозможно.

В. В. Решетов в тезисах доклада[1] правильно отмечает, что дальнейшее развитие узбекской диалектологии должно быть подчинено основной задаче — созданию диалектологического атласа узбекских говоров, но что создание этого столь важного научного труда у нас находится еще в стадии собирания материалов по отдельным территориям.

В этом отношении первый опыт нашего талантливого диалектолога В. В. Решетова, который составил лингвистические карты го-

[1] См. Тезисы докладов Второго регионального совещания по диалектологии тюркских языков. Казань, 1958 г.

воров Ангренской долины Ташкентской области, заслуживает особого внимания. Как явствует из тезисов доклада, в них учтены все стороны исследуемых им говоров — фонетические и лексико-грамматические признаки. Мне кажется, что эту инициативу Виктора Васильевича, как первый научный почин в создании атласа узбекских народных говоров, надо приветствовать и принять практические меры по ее распространению среди тех, кто имеет дело с исследованием узбекской диалектологии.

Тематика и число диалектологических карт, составленных проф. Решетовым, строго рассчитаны на уже исследованные им ангренские говоры. По нашему мнению, было бы целесообразно расширить тематику карт за счет включения сюда всех основных признаков как джекающих и жекающих, так и йекающих говоров узбекского языка и соответственно этому создать расширенную программу по собиранию сведений для составления диалектологического атласа, как это своевременно и хорошо сделали диалектологи Азербайджана. Исследование говоров и собирание по ним сведений, составление карт — дело огромного труда; естественно, что для этого требуются большие усилия не только диалектологов, но и аспирантов, студентов, преподавателей и учителей школ. Замечательный опыт создания диалектологических атласов по ряду тюркских языков, особенно богатый опыт составителей „Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы", во многом помогут нам в подготовке атласа узбекских говоров. Надо смело начинать это дело.

За последнее время в Узбекистане, можно сказать, уже вырос и продолжает расти солидный коллектив диалектологов, работающих в Академии наук, в педвузах и университетах республики, надо только их сплотить, обеспечить их коллективную работу по намеченному общему плану, наладить хорошую координацию их диалектологических работ.

Я, как участник данного совещания, вношу следующие предложения:

1) рекомендовать секторам диалектологии АН союзных и автономных республик еще больше активизировать свою деятельность, усилить темпы исследования неизученных местных диалектов путем систематического проведения экспедиций и т. д.;

2) развернуть работу по подготовке к созданию диалектологического атласа тюркских языков (составить и издать в большом тираже программы, подготовить людей к собиранию материалов анкетным методом);

3) организовать и систематически проводить координационную работу диалектологов должны секторы диалектологии ИЯЛ АН союзных или автономных республик (областей); отделение тюркских языков института языкознания АН СССР должно координировать работу секторов диалектологии в соответствующих АН республик и филиалах АН СССР;

4) просить редакции журнала „Вопросы языкознания" и соответствующих журналов на местах обеспечить систематическое опубликование материалов по диалектологии тюркских языков.

В конце своего выступления вношу предложение о проведении нашего очередного III регионального совещания в столице Узбекской ССР — г. Ташкенте.

В. Т. Джангидзе

(Тбилиси)

На территории Грузии существует определенное количество диалектов и диалектных единиц турецкого и азербайджанского языков, например, ахалцихские и цалкинские диалекты турецкого языка и речь азербайджанского населения Восточной Грузии — районов: Марнеули, Дманиси, Болниси, Тетрицкаро, Цалка и др.

В названных районах азербайджанское население обитает вместе с грузинами, армянами, русскими, греками, а в некоторых селах азербайджанцы представлены без смеси населений другой нации.

Очевидно, что грузинские тюркологи могут иметь обильный материал для диалектологических работ по тюркским языкам.

В Грузинской ССР кафедрой тюркологии Тбилисского университета и тюркологами отделения языков Ближнего Востока, наряду с общей тюркологической работой, тщательно изучаются и тюркские диалекты.

Предметом исследования грузинских тюркологов в этой области являются диалектные единицы, существующие как на территории Грузии, так и в Турецкой республике.

Над вопросами, связанными с изучением и исследованием ахалцихского диалекта, успешно работает зав. кафедрой тюркологии Тбилисского государственного университета им. И. В. Сталина профессор С. С. Джикиа. Им достигнуты весьма важные результаты и опубликованы отдельные работы по ахалцихскому диалекту.

О цалкинском диалекте уже имеются две монографии в виде рукописей („Особенности тюркского говора населения Цалкинского района" — Е. В. Гудиашвили, „Особенности речи тюркоязычного населения Верхней Цалки" — Н. Н. Джанашиа) и опубликованы отдельные статьи доцента Е. В. Гудиашвили: „Склонение основ с аффиксом принадлежности второго лица в речи тюркоязычного населения Цалкинского района" (Труды Института языкознания АН Грузинской ССР, серия восточных языков, I, 1954); „О некоторых синтаксических особенностях речи тюркоязычного населения" (Труды Тбилисского государственного университета им. И. В. Сталина, т. 55, 1954); „О некоторых глагольных формах в нижнецалкинском турецком наречии" (Труды Института языкознания АН Грузинской ССР, серия восточных языков, II, 1957).

Исследованы фонетические, грамматические и лексические особенности этого диалекта и выяснено его место среди других диалектов турецкого языка.

Кандидат филологических наук Е. В. Гудиашвили занимается также изучением турецко-анатолийских диалектов. Им, в частности, разработаны следующие темы:

1. Основные морфологические категории восточно-анатолийских диалектов.

Материалом для исследования послужил сборник диалектологических текстов А. Джафероглу — „Doğu illerimiz ağızlarından toplamalar" (1942 г.).

2. О некоторых фонетико-морфологических особенностях трапезундского наречия.

Исследование основано на диалектологическом материале, записанном А. Джафероглу — „Kyzey — doğu illerimiz ağızlarından toplamalar" (1946 г.).

3. Особенности турецкой речи Ризе — по диалектологическим текстам М. Рясянена и А. Джафероглу.

4. Особенности турецкой речи Орду и Киресунта — по опубликованным материалам А. Джафероглу.

5. Основные особенности кастамунийской речи (по опубликованным диалектологическим текстам).

6. Особенности турецкой речи Зонгулдага и Болу (по опубликованным диалектологическим текстам).

7. Лексические особенности кастамунийской турецкой речи.

По линии азербайджанской диалектологии научным сотрудником отделения языков Ближнего Востока Института языкознания АН Грузинской ССР В. Т. Джангидзе написана монография „Особенности дманисской азербайджанской речи". Речь эта представляет говор казахского диалекта азербайджанского языка.

Из этой монографии напечатана одна статья „Грузинские лексические элементы в дманисском говоре азербайджанского языка". („Труды Института языкознания АН Грузинской ССР", серия восточных языков, II, 1957).

Другая статья — „Долгие гласные, дифтонги и дифтонгоиды в дманисском говоре казахского диалекта" будет напечатана в Трудах Тбилисского государственного университета им. И. В. Сталина в 1959 г.

Исследована речь азербайджанцев с. Караджола (Телавский район), которая по своим фонетико-грамматическим и лексическим особенностям выделяется как самостоятельный диалект и представляет собой большой интерес с точки зрения взаимодействия двух неродственных языков — грузинского и азербайджанского.

Изучена также фонетика азербайджанской речи Качретского района.

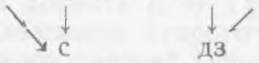
По плану восточного отделения Института языкознания АН Грузинской ССР предусмотрено дальнейшее планомерное изучение азербайджанских наречий на территории Грузии.

Ф. С. Фасеев

(Казань)

Здесь были представлены и прочитаны в высшей степени интересные доклады и сообщения. Это — итог большой работы по диалектологии ряда тюркских языков: азербайджанского, татарского, казахского, якутского и других. Все мы, сидящие здесь, причастны к диалектологии, т. к. если непосредственно и не работаем в области диалектологии, то пользуемся результатами, добытыми диалектологами. Поэтому мы благодарны всей армии диалектологов, особенно нашим уважаемым гостям из Москвы, Ленинграда, Азербайджана, Киргизии, Балкарии, Туркмении, Чувашии и др. республик за то, что они знакомят нас с новыми, неизвестными до сих пор материалами живой речи братских нам народов. Мы убедились еще раз в пользе сравнительного изучения наших диалектов, и, вообще, наших языков.

Большáя близость тюркских языков, при всех различиях их национальных особенностей, обусловливает наличие ряда общих явлений, параллельных процессов в их развитии. Многие явления в области фонетики, лексики, грамматики часто непонятны при изолированном изучении; они становятся более понятными при сравнении с другими тюркскими языками и диалектами. Это прекрасно продемонстрировали товарищи из Азербайджана, Балкарии. Например, вопрос о цокании. Были попытки объяснить его влиянием различных языков: русского, угро-финских, монгольского, кавказских и др. Если рассматривать цоканье в пределах одного балкарского языка и его диалектов, можно прийти к неправильным выводам о влиянии, а если рассматривать его в сравнительном плане с диалектами других тюркских языков, всё становится на свое место. Это, по-видимому, является все-таки результатом внутреннего развития тюркских диалектов: $с^{ь} \rightarrow ч \rightarrow {}^{т}ч \rightarrow {}^{т}с \rightarrow ц$

Мы всегда удивлялись особенностям западного (мишарского) диалекта. Бóльшая смягченность согласных, своеобразные напевные интонации (особенно при вопросе, удивлении), более древняя по сравнению с татарским литературным языком система вокализма (*мән, бән, мәңа, кәрәк, бөрк, орман* и др.), бóльшая употребительность форм на *-мыш* (но не в функции личных глагольных форм, а в функции причастия в застывших речениях) и ряд особенностей огузского типа в лексике казались непонятными. Однако, если сравнить западный диалект татарского языка с азербайджанским языком и его говорами, всё становится на свое место.

Будучи несколько лет тому назад в Баку, я был приятно удивлен тем, что на вывесках магазинов было написано: *аяггабы* — обувь.

Точно так же говорят мишари: *аjак сағыты* или *аjак кабы* (букв. посудинка для ног, колодка для ног). Такие же, как у мишарей, напевные интонации я слышал из уст азербайджан — колхозников, приехавших в Баку. Кроме того, надо иметь в виду ярко выраженное антропологическое сходство мишарей с азербайджанцами (понтийский тип). По-видимому, особенности западного (мишарского) диалекта объясняются тем, что он включил в себя часть южно-огузских элементов, подобно тому как азербайджанский язык частично включил в себя северно-кыпчакские роды, что доказано уже азербайджанскими диалектологами (Мәмәд ага Ширәлиевым и др.). Ими давно была высказана мысль о том, что при организации экспедиций необходимо посылать представителей друг к другу. Это помогло бы нам лучше изучить, сравнить диалектную речь друг друга (и не по записям, а живую народную речь). Тогда мы полнее представляли бы наши диалекты и взаимоотношения между ними.

Здесь мы должны с удовлетворением отметить новое начинание азербайджанских товарищей, которые предложили организовать издание непериодического диалектологического сборника. Мы всегда будем благодарны, и, конечно, все будем посылать свои статьи. Это облегчит в будущем нашу работу. От сравнительного изучения диалектов можно будет перейти к сравнительно-историческому изучению тюркских языков вообще. Тогда только может быть достигнуто полное понимание вопросов происхождения некоторых явлений. Например, звуки *q* и *x*. Почему в некоторых тюркских языках *q* переходит в *x*, а в некоторых *q* остается? Если это рассматривать в масштабе тюркских языков, в плане сравнительно-историческом, то это можно объяснить именно внутренним развитием, а не взаимовлиянием языков. В каждом языке при внутреннем изменении согласных может это получиться. Древне-тюркский *q*, видимо, был глубокозаднеязычным и экспирированным. Такой q^x встречается в якутском языке и некоторых диалектах татарского языка. Он при дальнейшем развитии мог дать два варианта: взрывной *q* и фрикативный *x*. Это явление встречается почти во всех тюркских языках. Например, в татарском существует чередование *q* — *x*: *яqшы* || *яхшы*, *qатын* || *хатын*; в азербайджанском языке в большинстве случаев *q* перешло *в x* (*йох* — нет) или в *г* (*гол* — рука); в монгольском — в *x* (*хатуу* < ^{x}*qатыq* — твердый).

В высшей степени важен для всей тюркологии доклад Н. А. Баскакова.

О значении транскрипции надо сказать, что это — своего рода специальная письменность. Этот вопрос нельзя полностью связывать с обычной письменностью, но нельзя забывать и некоторых практических сторон, хотя цель транскрипции — чисто теоретическое изучение языков и диалектов.

Н. А. Баскаковым представлено два проекта транскрипции для тюркских языков: на латинской и русской основе. Приходится согласиться с автором — оба проекта нужны. Известно, что тюркоязычные народы имеют письменность на русской основе. Если практически подходить к нуждам отдельных республик, надо обязательно пользоваться русской графикой. А если подходить с чисто научной точки зрения, мы вынуждены использовать и латинскую транскрипцию.

Проект латинской транскрипции, представленный докладчиком, как это ясно из выступлений товарищей, не вызывает сомнений. Почти все согласны с латинской транскрипцией, основанной на принципах международной акустической транскрипции. Здесь можно привести параллели из другой области прикладной лингвистики — тер-

минологии. По-видимому, во всех национальных языках имеется свое наименование вербы. Но имеется еще и международный, латинский ботанический термин — *Salix*, который является как бы общим эталоном правильности для всевозможных национальных и бытовых названий этого вида, например: *верба*, *ива* (русск.) *willow* (англ.), *die Weide* (нем.), *Saule* (франц.), *сөйүд* (азерб.), *тал*, *тирәк* (тат.) = = *Salix*. Благодаря общему, латинскому термину, все национальные названия единозначно соотносятся друг с другом. Такую же функцию должна нести и международная латинская тюркологическая транскрипция, построенная на акустическом принципе. Здесь достигается точное обозначение фонем и вариантов их с помощью дополнительных значков. Кроме того, каждому знаку дается словесное определение. Это очень хорошо, так как в своих изданиях мы не всегда сможем практически пользоваться латинской транскрипцией, а будем ссылаться для точности на тот или иной ее знак. Таким образом, латинская тюркологическая транскрипция явится эталоном правильности наших практических транскрипций. Но я, не будучи фонетистом, не могу входить в подробности этого вопроса.

Проект на основе русской графики представляет как бы общую основу для разработки конкретных тюркских транскрипций. Докладчик так высказал свое мнение. С этим нужно согласиться. Но, очевидно, здесь нужна некоторая работа в сторону упрощения, в сторону изъятия лишних диакритических знаков, ибо здесь акустический принцип в полном смысле необязателен, нужно обозначение фонемы в целом одним знаком. Насчет палатальности было много разговоров. По-видимому, для обозначения смягченности согласных в языках южного (огузского) типа этот знак необходим, напр., *г'ел'* (прийти), *г'өл'* (роза), *г'өз'* (глаз). Также для мишарей, напр., *к'үз'* (глаз), *кан'ар* (горячий), *к'ил'* (прийти). Для татарского литературного языка знак палатальности, по-моему, не нужен, так как здесь смягченность незначительна, ср.: немецк. *der Tisch* и тат. *тиш* — проткнуть; рус. *т'ир'е* — тат. *тире* — кожа).

Я думаю, что за основу нужно взять радловскую транскрипцию и дополнить ее некоторыми отсутствующими знаками. Все-таки должна быть соблюдена традиция. Мы привыкли к этой транскрипции, она удобная. На ее основе можно создать еще более лучшую, но такую, чтобы можно было читать труды Бётлингка, Радлова, Катанова, С. Е. Малова и др.

В докладе Е. И. Убрятовой совершенно правильно было указано на механическое перенесение русских и международных диалектологических терминов на тюркские языки и диалекты без точного определения значения этих терминов. Например, термины „уканье", „оканье" обозначают такие явления, которые в каждом тюркском языке имеют свою особую природу. Возьмем также термин „диалект". Е. И. Убрятова в исследованиях по якутскому языку пользуется этим термином, ограничивая его значение. Это возможно. Но в дальнейшем, когда диалекты якутского языка будут подробно изучены, могут появиться другие термины, и эти термины могут получить иное значение.

Там, где детально изучены диалекты, например, в азербайджанском, татарском языках, термин „диалект" в том значении, в каком он использован в работах по якутскому языку, нельзя уже употреблять. У нас, в татарской диалектологии, имеются такие термины: татарский общенародный язык — первая ступень. Он четко делится на три **диалекта**: средний, западный, восточный — это вторая ступень. Третья ступень: каждый диалект делится, на говоры (сөйләш). Дальше идут подговоры (урынчылык) (IV ступень). На месте соприкосновения многих диалектов могут

быть промежуточные полосы (аралык). В татарском языкознании эти термины почти унифицированы благодаря трудам Л. З. Заляя и других диалектологов. В азербайджанском языке есть еще термин „группа говоров". Видимо, это где-то между диалектами и говорами. Мне кажется, что мы должны принять основную терминологию (диалект, группа говоров, говор, подговор, промежуточный говор...) и унифицировать их для тех тюркских языков, где это возможно. Когда мы пишем на татарском языке, мы используем собственно национальную татарскую терминологию, т. к. не можем механически переносить термины, не согласуя их с диалектно-языковой деятельностью и существующими традициями татарского литературного языка.

Скажу несколько слов по докладам Л. З. Заляя и Н. Б. Бургановой, а также Л. Т. Махмутовой. Эти доклады лично у меня не вызывают сомнений.

Здесь были заданы такие вопросы: для чего мы изучаем диалекты, составляем диалектологические словари, атласы? Какая польза от этого и есть ли польза от изучения диалектов?

Азербайджанские товарищи прекрасно ответили на это. Нам также приходится отвечать, что практическая польза есть и большая. Мы это чувствуем при составлении терминологических словарей, русско-татарского словаря и т. д.

Приведу в качестве примера несколько диалектных слов, прочно усвоенных татарским литературным языком за последние 10—20 лет. Например, слово *тәңгәл* — тождественный, адэкватный (*тиң + кил, тәң + гел*) вошло из говора тептярей; *тулай* — валовый, общий — из восточного (сибирского) диалекта. Слово *онык* — внук за последние годы вошло из западного (мишарского) диалекта. Правда, какого происхождения это слово, мы не знаем. Или слово *элемтә* (смычка, связь) с 30-х годов используется у нас в качестве термина. Несколько раньше Дж. Валиди употреблял его в качестве грамматического термина — „связка", „союз". А в говорах Востока Татарской АССР и у тептярей слово „*элемтә*" обозначает ветхие, старые вещи (напр., „*элемтәсе дә калмаган*" — настолько ветхий, что на одних нитках держится).

Раньше в татарском литературном языке в качестве термина „всадник" употреблялось лишь слово *атлы*, которое не всегда удовлетворяло. Лет 20 тому назад диалектологи в говорах среднего диалекта обнаружили слово *җәйдак, җәйдаклы*, которое пропагандировалось в печати и теперь прочно вошло в литературный язык.

Слово *тәүге* „первоначальный" вошло в литературный язык из говора тептярей и употребляется лишь в стихах, как особое поэтическое слово.

Можно было бы привести много примеров из числа ботанических, зоологических и других терминов. Но всего не перечислишь.

Конечно, самое большое практическое значение имеет составление общедиалектологического словаря. Мы должны приветствовать такое большое начинание и пожелать товарищам успеха.

Атлас — это богатое научное издание, но хотелось бы, чтобы к атласу были даны приложения, списки слов и другие полезные указатели, которые облегчают практическое использование теоретических материалов, т. е. соединяют теорию с практикой.

Н. Г. Доможаков

(Абакан)

Товарищи! От своих товарищей по работе, от ученых Абаканского педагогического института разрешите передать добрые пожелания татарским ученым, а также поблагодарить организаторов второго регионального совещания по диалектологии тюркских языков. Многим из нас оно окажет неоценимую теоретическую и практическую помощь в работе.

Региональные совещания, проводимые Академией наук по вопросам тюркского языкознания, являются замечательным научным мероприятием для координирования и объединения усилий тюркологов нашей Родины. Раскрепощенные Октябрьской революцией, вооруженные и неустанно вооружаемые марксистско-ленинской идеологией тюркоязычные народы нашей страны растут и развиваются. Благодаря терпеливой и бескорыстной помощи русских советских ученых, эти народы из собственной среды выдвинули таких талантливых тюркологов, как Л. Н. Харитонов — исследователь якутского языка, М. Ш. Ширалиев — исследователь азербайджанского, языка, Л. З. Заляй — исследователь татарского языка и мн. др.

Деловая помощь и внимание таких ученых, как преждевременно ушедший от нас Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов, талантливая Е. И. Убрятова, вездесущий Н. А. Баскаков, скромный по положению, но авторитетный по знаниям Ф. Г. Исхаков, позволили и хакасскому языкознанию получить многообещающих молодых исследователей.

Хакасская диалектология советского периода — очень молодая отрасль языкознания. Она продолжает свои дореволюционные традиции. К настоящему времени более или менее описаны сагайский и кызыльский диалекты хакасского языка. Материалы диалектологической экспедиции 1945 г., проведенной под руководством Ф. Г. Исхакова, опубликованы им совместно с Н. К. Дмитриевым в 1954 году.

Второй год работает диалектологическая экспедиция Абаканского педагогического института. Однако материалы ее все еще не опубликованы.

Товарищи! В нашей стране любая наука должна служить и служит народу. Она вооружает его знаниями, умножает материальные и духовные ценности. Значение диалектологии тюркских языков для наших народов велико. Особенно велико оно для младописьменных языков. Поэтому диалектологи, составляя программу, должны четко представлять себе значение пунктов программы для теории и практики данного языка. Так, все, что собирается хакасскими диалектологами, все, что они находят, используется для строительства и развития хакасского литературного языка, ибо язык этот еще не

сформировался окончательно, и часто остается неизвестным, относится ли то или другое явление к диалектизмам.

Например, такое явление, как выпадение звука *р* в аффиксах хакасского диалекта указывает на то, что звук *р* здесь неустойчив. Этот теоретический вывод может быть использован учителями для предупреждения возможных ошибок учащихся. Каждое отклонение от нормы литературного языка, установленное диалектологом, помогает уяснить и определить устойчивые нормы литературного языка.

Труд диалектолога очень сложен и кропотлив. Можно сравнить его с работой пчел, а диалекты и говоры языка — с благоухающими, многоцветными лугами. Диалектолог неустанно идет к этим цветам народной речи, собирает с них, как пчелы мед, все самое лучшее и вносит в общий литературный язык, обогащая его красотами живого разговорного языка.

Диалектолог не может выполнить эту задачу сам. Ему приходят в этом на помощь писатели, артисты, учителя, дикторы радио. С их помощью диалектологический материал должен поступать в устной или письменной форме в литературный язык.

Товарищи! Диалект — это в полном смысле слова племенной язык или остатки племенного языка. Он имеет свой лексический состав, свой грамматический строй с некоторыми отклонениями от литературного языка. Внутри этого диалекта могут быть говоры, отличные от этого диалекта, но не противостоящие этому диалекту. Хакасский язык, например, имеет пять диалектов: бельтырский, сагайский, шорский, хаасский, кызыльский. Внутри каждого диалекта имеются аалские (улусные) говоры. Они дают хакасскому литературному языку бесконечный строительный материал.

Но для тех тюркских языков, которые еще до революции сформировались в национальные языки, понятие диалекта в том значении, в каком мы употребляем для хакасского языка, скорее всего, неприемлемо. В таких языках могут быть только территориальные говоры с незначительными особенностями фонетического и лексического порядка. Там диалектизмы, действительно, могут мешать литературному языку. Это обстоятельство должно учитываться диалектологами.

Поскольку диалект является той основой, на которой возникает литературный язык, то литературно-национальный язык, а следовательно, и диалект являются продуктом древнейших времен. Поэтому, изучая диалекты тюркских языков, наши специалисты обязательно должны обращаться к древней тюркской основе, каковой является язык енисейско-орхонских памятников V—VIII веков. Памятники эти (Бäңкӱ Хайа — „Вечная скала“, Бäңкӱ таш — „Вечный камень“) показывают, что их язык содержит особенности, общие для тувинского, якутского, татарского, киргизского, хакасского, алтайского и других языков. Это показывает важность изучения языка енисейско-орхонских тюрков для диалектологов и тюркологов вообще.

Необходимо просить Академию наук об организации регионального совещания по вопросам енисейско-орхонского языка и его отношения к современным тюркским языкам и их диалектам. Надо покончить с тем, что студенты наших университетов не изучают этот древний язык — основу тюркских языков. Многие полагают, что енисейско-орхонский язык — это только язык эпитафий, язык памятников. С этим согласиться нельзя. Нам кажется, что этой письменностью широко пользовался весь енисейско-орхонский тюркский народ. Название письма, грамоты, бумаги в хакас-

ских диалектах встречается в пяти вариантах: *пічік*, *чаҙын*, *хаҕащ*, *киңде*, *сазын*. Откуда могли появиться эти слова, если древние тюрки на Енисее не пользовались письмом, грамотой?!

В заключение мне хочется высказать несколько пожеланий.

Нам нужно договориться о выработке программы-минимума по диалектологии тюркских языков и программы-максимума, как итога работы диалектологов. В программу-минимум нужно включить:

1) описание диалектов и говоров всех тюркских языков в течение ближайших пяти лет;

2) составление атласа диалектов тюркских языков;

3) составление диалектологического словаря каждого языка.

Программа-максимум должна поставить задачей создание в ближайшие 10 лет четырехтомного труда по сравнительной грамматике и лексикологии тюркских языков и сравнительного словаря тюркских языков.

Если Ашмарин и Пекарский смогли составить колоссальные словари, то уж такому коллективу тюркологов, какой имеется в нашей стране, подобная задача тем более по плечу. Для этого нужно, чтобы наше совещание вынесло решение о создании больших коллективов творческих работников, исследователей, которые работали бы под руководством тюркского сектора Института языкознания Академии наук СССР.

В порядке практического предложения хочется пожелать, чтобы диалектологи выезжали в районы распространения других тюркских языков. Например, будет хорошо, если в наших летних экспедициях примут участие татарские товарищи, которые могли бы собрать для себя сравнительные материалы по хакасским диалектам.

Хотелось бы также, чтобы имел место и обмен студентами для практического и теоретического овладения тем или иным языком тюркской системы. Если наша страна производит обмен студентами со всеми демократическими и даже некоторыми капиталистическими странами, то почему нельзя обмениваться студентами между различными республиками страны?

Л. И. Яфаров

(Казань)

Нас радует такое серьезное и систематическое внимание, которое уделяется как на местах, так и в центре вопросам диалектологии тюркских языков. Желательно было бы проводить такие же коллективные и регулярные обсуждения по другим вопросам тюркских языков, например, по вопросу алфавита и орфографии тюркских языков. Я, в частности, имею в виду современное татарское правописание, из алфавита которого совершенно несправедливо опущен ряд буквенных обозначений специфических звуков татарского языка. Наряду с разработкой транскрипции, необходимо серьезно заниматься упорядочением и усовершенствованием татарской орфографии.

В ходе данного совещания нельзя было не обратить внимания на более или менее однотипные вопросы, заданные здесь докладчикам, в которых, как мы все слышали, спрашивается о происхождении того или иного тюркского языка и народа, о взаимосвязи и о пользе диалектологии в развитии и в раскрытии внутренних потенций литературных языков, которыми обладает каждый современный язык народов нашей страны. На наш взгляд, такие вопросы совершенно справедливы и уместны. Следовательно, есть необходимость на последующих региональных совещаниях пополнить тематику докладов одним-двумя вопросами на более актуальные темы по общей тюркологии.

Здесь азербайджанские товарищи сумели конкретно указать на некоторые диалектные слова, которые перешли из диалектного употребления в литературное. Это очень хорошо. Выходит, что диалектологи Азербайджана не забывают о взаимосвязи различных областей языкознания. Тогда как у диалектологов Татарии примеров на обогащение литературного языка за счет отдельных диалектных слов почти не оказалось.

Отдельные докладчики (т. Сарыбаев) проявляли некоторую удовлетворенность тем, что они для дальнейшего развития и роста диалектологии своего языка находят очень много диалектизмов в литературных произведениях. Нам кажется, что если литературный язык обильно пестрит диалектизмами, то в этом мало утешительного. Другое дело, когда писатель в пределах нормы вкладывает диалектизмы в уста некоторых своих персонажей — представителей того или иного диалекта.

Процесс вхождения диалектных слов и форм в литературный язык происходит очень медленно. Примеры, имеющие место в языке, конкретно убеждают нас в этом. В татарском языке имеется слово *бак* „смотри", оно и в народе и в лингвистике считается словом мишарского диалекта. Но слово это уже встречается в та-

тарском литературном произведении XIII века „Юсуф Зулейхэ" (1212) в составе предложения „Бәндән үзгә һичкемгә бакмаң имди". Оно имеется в ханском ярлыке 1393 года в форме *„безгә бакар илләр"*. Встречается слово *бак* и в последующие века: его можно найти у Каюма Насырова, у Тукая, Такташа, Мусы Джалиля и т. д. Несмотря на это, слово *бак* — редкий гость в литературном языке. Конечно, было бы совершенно неправильно думать о том, что это слово когда-нибудь сможет вытеснить широко употребляемое в языке слово *кара* „смотри". То же самое со словом *җайдак* — „всадник", совсем недавно вошедшим в современный татарский литературный язык. Лексическое богатство, которое создается путем словообразования, конечно, не является делом диалектологии, как здесь пытались уверить на примере *элемтә* „связь". И эти моменты, конечно, не отрицают, а утверждают наличие взаимосвязи между диалектами и литературным языком.

В конце тезисов доклада „О принципах составления диалектологического атласа татарского языка" Л. З. Заляя и Н. Б. Бурановой одним из научных значений составления атласа считается то, что он даст „...ключ к решению спорного и до сих пор нерешенного вопроса о связи современных татар с волжскими булгарами X—XIV вв. н. э.". Постановка вопроса о связи несколько расплывчата: здесь прямо надо было бы говорить о генезисе татарского народа. Неужели булгарское происхождение татарского народа является до сих пор спорным и нерешенным? Ведь в серьезных научных трудах по истории булгар и современных татар вопрос разрешен положительно. Такие труды, обычно, опираются на материалы истории Татарии, археологии и языка. Известны положительные высказывания по этому вопросу русского революционного демократа Н. Г. Чернышевского.

Короче говоря, этот вопрос в исторической науке довольно ясно и убедительно разработан и в соответствии с данными истории доказано булгарское происхождение современных татар. Однако бытует неправильное толкование вопроса этногенеза татар в ряде школьных учебников.

Поэтому не лишне было бы поставить и обсудить такие вопросы на региональных совещаниях.

Составление фонетической транскрипции для тюркских языков является делом сложным и весьма ответственным. В ней каждый конкретный язык должен найти возможность для точной передачи различных оттенков и нюансов диалектных произношений. Такую транскрипцию, мне кажется, необходимо иметь только для общей диалектологии и диалектологов.

Однако каждый конкретный язык для постоянной научно-практической работы в области диалектологии должен иметь свою фонетическую транскрипцию на основе своего алфавита для транскрибирования диалектных особенностей данного языка. У нас, например, есть очень удобная, причем, весьма несложная, но более или менее точно отражающая звуковые особенности языка фонетическая транскрипция В. А. Богородицкого.

Товарищ из Узбекистана говорил об отсутствии у них координации работ в области языкознания. Этот вопрос точно так же обстоит и у нас, в Татарии. Очень часто не учитывается в нужный момент то, что сделано и накоплено отдельными научными учреждениями. Так, например, Казанский педагогический институт уже несколько лет ведет исследовательскую работу, путем экспедиций по изучению говоров мишарского диалекта в самой Татарии. Однако на данном совещании не фигурирует даже маленькое сообщение по проделанной Педагогическим институтом работе.

Али Недрет
(Казань)

В данном сообщении мне хотелось бы остановиться на некоторых особенностях языка татар[1], живущих в области Добруджа Румынской Народной Республики. Численность их около 22 тыс. человек.

В настоящее время румынские татары имеют 55 начальных школ, педучилище в городе Констанце. В прошлом году в Бухарестском университете открылось отделение татарского языка и литературы. Современная письменность их основана на латинской графике.

В литературном языке румынских татар имеется 10 гласных и 23 согласных звука. Гласные звуки следующие: *a*, *a* краткое, *ı́*, *i*, *î*, *e*, *o*, *ó*, *u*, *ú*. Эти гласные делятся на узкие и широкие. Узкие гласные с верхним подъемом языка: *ı́*, *i*, *î*, *u*, *ú*. Например:

i — *it* (в казанск. тат. яз. — эт),
î — *mîsîk* (песи),
ı́ — *ıssı́* (эссе),
ú — *kún* (көн),
u — *kum* (ком).

Широкие гласные с низким подъемом: *a*, *á*, *e*, *o*, *ó*. Например,
a — *akşam* (кич),
á — *náne* (бөтнек),
e — *elek* (иләк)
ó — *dórt*, *ózim* (дүрт, үзем).
o — *koyan*, *korkak* (куян, куркак).

В языке румынских татар имеются следующие согласные: *b*, *d*: *f*, *g*, *h*, *j*, *k*, *l*. *m*, *n*, *ñ* (носовой), *p*, *r*. *s*, *ş*, *t*, *ţ*, *v*, *w*, *y*, *z*, *č*, *ǧ*.

Из этих согласных ţ употребляется в заимствованиях, вошедших из румынского языка, в живом разговорном языке этот звук заменяется звуком *s*. Например: ţigla — sigla (черепица) ţuica — suica (род вина). Звук *h* употребляется в словах, заимствованных из арабского языка: her (каждый), tarih (история). Однако он в разговорном языке часто заменяется звуком *к*: kizmet (хезмәт), kalîk (халык), katîr (хәтер) и т. д.

В области морфологии литературный язык румынских татар очень близок к языку казанских татар, хотя и здесь имеются некоторые свои особенности. Например, форме настоящего времени *барам*, *килəм* в языке румынских татар соответствует *baraman*, *kelemen*, а форме *аласым килə* соответствует *algîm kele*.

[1] Я в своем выступлении пользуюсь материалами из дипломной работы выпускника Казанского университета Мамута Энвера из Румынии, который в настоящее время работает в Бухарестском университете. Привожу также свои наблюдения над моим родным языком.

В языке казанских татар очень продуктивно глагольное окончание на *-ырга, -ергә*, которое отсутствует в нашем языке. У нас вместо него употребляются следующие формы инфинитива: на *-mak -mek* (*barmak, kelmek*) и *-maga, -mege* (*su almaga ketemen*). Кроме того, имеется форма на — *и* (у): *alu* (алу), *kelu* (килу).

В языке румынских татар совершенно не употребляется форма сравнения с послелогом „кебек". Значение его передается посредством аффикса *-day, -dey, -tay, -tey*. Например: *Anaw kîşî ayuday kuwetli*. (Теге кеше аю кебек) аюдай (куәтле).

В казанско-татарском языке употребляется аффикс сравнительной степени прилагательных *-рак, -рәк*, а у нас этой формы совершенно нет. Например: *aru sóz baldan tatlî* (яхшы сүз балдан татлырак).

Синтаксис румынско-татарского языка остается пока еще не изученным. Но можно сказать, что он почти совершенно одинаков с синтаксисом казанско-татарского языка, во всяком случае, трудно заметить его отличие от последнего.

По сведениям Т. Ковальского, румынско-татарский язык делится на три диалекта: 1) крымский или степной диалект, 2) нугайский диалект, 3) набережный диалект.

70 процентов румынских татар разговаривает на крымском диалекте, который лег в основу нашего литературного языка. Особенности этого диалекта можно было проследить там, где мы говорили об особенностях нашего литературного языка.

На нугайском диалекте разговаривает 20 процентов румынских татар. Этот диалект несколько напоминает казахский и башкирский языки. Например, вместо *ş* они произносят *s*: *bac* — вместо *baş*, *tas* — *taş*, *kísí* — *kişi*, *kas* — *kaş* и т. д.

После звонких согласных и гласных они употребляют аффикс *-dín, -dîn*, после глухих *-tín, -tîn*, вместо нашего литературного *-din, -dín*. Например: *kaştîn, baradîn*.

В настоящем времени изъявительного наклонения употребляется форма на *-di, -dî*, вместо *-a, -e*: *baradî* — вм. *bara*, *aladî* — вм. *ala*.

Вместо причастия будущего времени на *-agak -egek* в нугайском диалекте употребляется форма на *-ayak, -ayek*. Например: *barayak* — вместо *baragak*, *keteyek* — вм. *ketegek*.

На набережном диалекте разговаривает 10 процентов румынских татар. В отличие от предыдущего диалекта и нашего литературного языка в данном диалекте, как и в казанско-татарском языке, имеются звуки c, f, p. Например: *čeček* вместо литературного *şeşek*, *Fatma* — вместо литер. Patma.

В данном диалекте литературное *g* (каз.-тат. *җ*) заменяется звуком *y* (й): *gaz* — *yaz*.

В отличие от румынско-татарского литературного языка в этом диалекте аффикс множественного числа *-lar, -ler* после носовых *м, н* переходит в *-nar, -ner*.

Вот таковы вкратце особенности диалектов румынско-татарского языка.

Дж. Алмаз

(Казань)

По вопросу о проекте единой транскрипции я присоединяюсь к мнениям предыдущих ораторов: уважаемого гостя И. А. Батманова, профессора Л. Заляя и Х. Курбатова. Транскрипция должна быть простой, доступной для употребления, и, по возможности, без дополнительных диакритических знаков. Вот почему предложение проф. И. А. Батманова о внесении ряда латинских букв в проект на основе русской графики мне кажется вполне приемлемым.

Важно не то, какой вариант проекта будет принят. Весьма важно, чтобы транскрипция, как предполагает и сам автор проекта, была единой и для зарубежных ученых-тюркологов. Если мы хотим иметь транскрипцию, единую для всего мира, мы не можем не считаться с мнениями зарубежных тюркологов по данному вопросу. В противном случае, зарубежные ученые могут не пользоваться этой транскрипцией, и тогда она опять не будет единой. Исходя из этого, я предлагаю окончательное решение этого вопроса перенести на следующее совещание тюркологов-диалектологов. За это время у автора проекта будет время продумать и доработать отдельные детали данной транскрипции. В частности, нужно, чтобы проект был годным также и для транскрипции древнетюркских текстов.

В связи с этим хочется высказать пожелание о выработке единых принципов транскрипции древних, общетюркских текстов. У нас сейчас имеется единое мнение о том, что существовал общетюркский язык, который служил литературным языком для большинства тюркских народов вплоть до позднейших времен, хотя в этот язык вносились отдельные элементы местного характера в зависимости от того, где было написано то или иное произведение. Надо полагать, что произведения, написанные на этом литературном языке, имели более или менее единые принципы чтения. Между тем, при транскрипции древних текстов ученые — представители различных тюркских народов исходят, прежде всего, из норм произношения современного родного им языка. Так, например, слово, состоящее из четырех арабских букв *к, л, д, м*, татарин будет транскрибировать как *килдем*, узбек — *келдим*, азербайджанец — *гэлдем*, турок — *geldim* и т. п. Трудно поверить, чтобы слова одного и того же произведения, скажем, XIII или XIV века, имели столько вариантов чтения. Мне кажется, что устранение разнобоя в транскрипции древних текстов будет полезным для тюркологии.

По докладу проф. Е. И. Убрятовой могу сказать, что вопрос о единой диалектологической терминологии поставлен весьма правильно, и его не следует ограничивать только областью диалекто-

логии, т. к. нашим тюркологам очень мешает отсутствие единой лингвистической терминологии вообще. Я выписываю научную литературу из Азербайджана, Узбекистана и Казахстана. Начинаешь читать, например, грамматику одного из тюркских языков и видишь, что отсутствие единой терминологии затрудняет понимание текста, невольно возникает мысль о необходимости принятия единой лингвистической терминологии для тюркских языков. Так, например, только три года тому назад в Азербайджане гласные назывались *саитляр*, сейчас принят термин *сасляр*. По-татарски это — *сузыклар*, по-узбекски — *ўнлилар* и т. п. Неужели тюркологам нельзя выработать единую лингвистическую терминологию для всех или для большинства тюркских языков? Тюркология от этого только выиграла бы. Наличие единой лингвистической терминологии нисколько не будет отражаться на самостоятельном развитии тюркских языков.

Наконец, в связи с деятельностью татарских диалектологов, изучающих один из говоров восточного диалекта татарского языка — языка сибирских татар, у меня возникает мысль что наши диалектологи, как мне кажется, упускают из виду один из источников, которого нет у других диалектологов. Я имею в виду грамматику и словарь И. Гиганова, изданные в 1804 г. Эти труды Гиганова отражают состояние языка сибирских татар второй половины XVIII в. и могут послужить материалом для сравнения с современными диалектными данными. Д. Г. Тумашева совершенно справедливо утверждает, что на трудах Гиганова сказалось сильное влияние татарского литературного языка. Об этом говорит наличие в них большого количества огузских элементов, употреблявшихся в татарском литературном языке, начиная еще с „Киссаи Юсуф" Али XIII в. и, примерно, до начала 20-х годов XX века. Труды Гиганова показывают, что казанские и сибирские татары испокон веков имели один общий для них литературный язык.

Кроме того, трудами Гиганова доказывается, что для казанских, сибирских татар и мишарей был и имеется единый общенародный язык. Приведу лишь один пример: по поводу слова *сувалды*, употребленного в „Киссаи Юсуф" Али, мне пришлось обратиться к словарю Гиганова, где зафиксировано выражение *„сувалды сыгыр"* в значении „корова, у которой исчезло молоко". Это же выражение, как я установил, существует, оказывается, и у алтатинских мишарей (в Саратовской области), которые до сих пор говорят еще *сырым сувалтты* (моя корова перестала доиться). Академик В. В. Радлов указывает в своем словаре, что слово *сувалды* употреблялось в XIX в. и у казанских татар.

Следовательно, это слово является общим достоянием казанских, сибирских татар и мишарей, говорящих на разных диалектах одного общенародного татарского языка.

Н. Х. Ишбулатов

(Уфа)

Разрешите передать пламенный братский привет от языковедов Башкирии!

Отрадно, что начатая сверху инициатива подхватывается снизу, о чем говорят замечательный почин Азербайджанской Академии наук, которая берет на себя издание ежегодного диалектологического сборника, и проявленная Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР активность, которую мы чувствуем на данном совещании.

Все, что говорилось здесь, имеет огромное значение для дальнейшего развития тюркологии вообще и для тюркской диалектографии в частности. Темы докладов актуальны, доклады содержательны. Обсуждениям докладов характерен высокий теоретический уровень. Это говорит о том, что тюркологическая наука располагает теперь теоретически подкованными кадрами.

Все вопросы интересовали участников совещания. Небезынтересно было слушать стихийно возникавшие выступления, которые носили чисто этногенетический характер, хотя такая тематика и не ставилась на 2-м региональном совещании. Раз такие вопросы возникают в связи с диалектами, рано или поздно нам не избегнуть обсуждения их, ибо этногенез народа тесно связан с диалектологией. Разрешение этногенеза народов, в свою очередь, даст много полезного для освещения многих сторон тюркской диалектологии, а именно: для определения границ диалектов, причин возникновения диалектных признаков.

По докладу проф. Е. И. Убрятовой.

Лингвистическая терминология своевременно ставится на обсуждение. До сих пор царил разнобой в диалектологической терминологии. Даже в пределах одной республики каждый ученый в тот или иной термин вкладывает несколько другое понятие. Хорошо было бы, если бы координационная комиссия организовала составление сводного лингвистического словаря для тюркских языков в целях узаконения терминов. Ведь термин потому и есть термин, что он имеет одно закрепленное за ним понятие. Если он лишается этого качества, то это уже не термин. Тут, конечно, должна учитываться специфика отдельных языков. Нельзя удивляться тому, что тот или другой термин в иносистемном языке имеет несколько иное понятие. Это вполне закономерно и мы не можем избегнуть этого в лингвистической науке, т. к. она, в отличие от точных наук, имеет свои специфические стороны, связана с тем или иным национальным языком. Хотя мы заимствовали много латинских терминов, но это не значит, что мы вкладываем идентичное латинскому понятие.

Тюркологическая терминология осложняется еще тем, что большинство ученых пишет на двух языках: на русском и на одном из

тюркских. Такие ученые одновременно имеют дело как с русской терминологией, так и с собственно тюркской. Последняя тоже имеет свои традиции. Собственно, тюркская терминология, как я полагаю, должна иметь тенденцию к некоторой унификации, но не к полной. В этом отношении более близки термины татарского, узбекского и башкирского языков и это может быть от того, что у татарских, узбекских и башкирских лингвистов было стремление к некоторой унификации. Многим товарищам, наверняка, приходится ломать голову над тюркскими терминами отдельных языков, чтобы читать добротные научные труды, написанные на тюркских языках.

Поэтому второе мое предложение такое: хорошо было бы выпустить краткий сводный словарь чисто тюркских лингвистических терминов с русскими эквивалентами. Этот словарь очень нужен и был бы важным инструментом в руках тюркологов. Можно заметить, что есть даже определенные успехи в создании терминов на тюркской почве.

Специфика тюркских языков требует создания новых терминов и более дифференцированного подхода к ним. Так, например, мы в башкирской диалектологии для отражения твердости — мягкости согласных стали употреблять термины *қаты — йомшаҡ*, для гласных переднего ряда — *нәзек*, для гласных заднего ряда — *ҡалын*.

О термине „диалект". В башкирской диалектологии за термином „диалект" закреплено понятие части общенародного языка, которая включает группу говоров, объединенных фонетико-морфологическими признаками. А говоры друг от друга отличаются в большинстве своем фонетически и лексически.

Н. А. Баскаков склонен вложить в термин „диалект" значение языка племени. Мне кажется, что в большинстве тюркских языков диалекты являются не племенными, а территориальными, поэтому едва ли правомерно держать ориентацию на характер складывания некоторых сибирских диалектов.

Если в каком-нибудь тюркском языке обнаруживаются черты более крупной языковой единицы, то можно употребить термин „шиүә" (наречие).

Я разделяю общую точку зрения относительно терминов „чередование" и „соответствие", которая, как будто бы, на данном совещании никем не опровергнута.

Проф. Е. И. Убрятовой была высказана интересная мысль о диалектных особенностях, которые могут возникать на общетюркской основе и на почве какого-нибудь языка.

Такие особенности имеют место и в башкирских диалектах. Например, переход глухих в звонкие в интервокальном положении на стыке слов и аффиксов является дальнейшим развитием общетюркских фонетических явлений, а переходы $ç > h$, $ś > ç > h$ появились на башкирской почве.

Несколько слов по докладу Н. А. Баскакова.

Нет сомнений в том, что нужна единая транскрипция в целях устранения разнобоя.

Прежде всего, речь должна идти о варианте транскрипционной системы на русской основе, так как он будет более приемлемым для советских тюркологов.

Надо стремиться максимально использовать все возможности русской графики, а если этого недостаточно, то можно ввести и латинские буквы.

Транскрипция должна быть простой и в то же время всеохватывающей. Для этого должно быть использовано все положительное

из традиционной транскрипции: как из систем транскрипций тюркологов-классиков, так и вклад местных ученых.

Я присоединяюсь к выступавшим товарищам, которые высказались против знака палатальности, поскольку палатализованность тюркских согласных не обладает фонематическим свойством, не переходя грани фонетической вариантности. Поэтому отражение палатальности каждого согласного было бы излишним загромождением. Однако в некоторых случаях нельзя обойтись без знака палатальности. Например, в башкирском языке употребляют два варианта: *қ — қ′ ҡ — к′ ғ — ғ′ г — г′*, т. е. имеются оба варианта *қ, ғ, к, г* (палатального и непалатального). Примеры: *қара* — черный, *қәләм* — карандаш, *картоф* — картофель, *кәштә* — полка, *ағай* — брат, *ғилем* — наука, *гармун* — гармонь, *тәгәрмәс* — колесо. Еще нужен знак непалатальности, нужен знак для обозначения рядов гласных, так как некоторые гласные имеют фонетические варианты в пределах одной фонемы. Так, например, в башкирском языке *и* имеет два варианта: *и* — переднего ряда: *ит* (мясо), *ы* — заднего ряда: *сикан* (опухоль). Если гласный *и* выступает в окружении гласных заднего ряда, то принимает задний характер; если выступает в окружении гласных переднего ряда, то *и* будет переднего ряда.

Для билабиального неслогового *w* можно взять *ў* по аналогии с кратким *й*.

Как бы то ни было, обилие транскрипционных знаков не в состоянии отразить всего многообразия фонем, т. к. транскрипция не может не держаться на фонологической основе.

Несколько слов о докладах по диалектологическому атласу. Следует отметить, что доклады были интересными, содержательными. Оба доклада намного выиграли бы, если бы они сопровождались составленными атласами. Хорошо было бы, если бы в прениях в порядке обмена опытом товарищи рассказали, как ведут они подготовку к сбору материалов для диалектологического атласа, как надо составить программу-вопросник, как им руководствоваться, как вести сбор материалов, как картографировать.

Мало говорилось о том, какие из диалектных признаков можно включить в программу. Возможно ли включение в нее морфологических признаков и как их отразить? Если это возможно, то это было бы большим достижением тюркской диалектографии. Как известно, диалектологический атлас Жильерона был лексическим, немецкий атлас был составлен с фонетическим уклоном (без транскрипции).

Данное диалектологическое совещание для развития башкирской диалектографии, несомненно, будет иметь большое значение.

Башкирскими диалектологами ведется большая подготовительная работа к составлению диалектологического атласа. Продолжается монографическое описание характерных говоров, выявляются диалектные признаки, уточняются границы говоров, вводятся коррективы в классификацию говоров. Настала пора для координации диалектографических работ башкирского и татарского языков. С этой целью в 1959 году Институтом языка, литературы и истории Башкирского филиала Академии наук будет открыта новая тема, направленная на исследование взаимоотношений башкирского и татарского языков.

Заканчивая свое выступление, хочу высказать свои пожелания относительно тематики дальнейших региональных совещаний.

Было бы целесообразным, если бы на данном совещании была определена хотя бы приблизительная тематика третьего регионального совещания, которое было бы продолжением тем данного совещания.

Я предлагаю вниманию участников совещания также следующие вопросы:

1) членение диалектов и говоров: а) границы диалектов и говоров, б) признаки диалектов и говоров;

2) обсуждение некоторых диалектологических атласов и словарей;

3) соотношение диалектологической и этнографической карт.

И еще такое предложение: нельзя ли, учитывая последние мероприятия партии, направленные на расширение прав периферийных организаций, а также в целях облегчения работы координационной комиссии центра, усиления оперативности ее, открыть филиал координационной комиссии в одной из тюркоязычных республик, поручив ему координирование исследованиями по тюркской диалектологии?

Г. В. Юсупов

(Казань)

Общеизвестна необходимость увязки лингвистических исследований, тем более в диалектологии, с историей изучаемого народа или языковой территории. В этом отношении я хочу привлечь внимание языковедов Татарии и Башкирии к вопросу изучения языка и культуры татарского населения западных районов Башкирии. Татарское население, сосредоточенное преимущественно в этих районах, составляет более $^1/_3$ всего населения Башкирской АССР. Много здесь и чисто татарских деревень. Но помимо этого, характерно то, что во многих деревнях, особенно в Чекмагушском, Кушнаренковском и Илишевском районах живут по несколько этнических групп: татары, башкиры, т. н. „төмән“ и мишари.

Что касается языка здешних башкир, то он целиком почти татарский. Этой точки зрения придерживается и башкирский диалектолог Дж. Г. Киекбаев, отрицающий наличие в этой части Башкирии башкирского языка или его диалекта [1]. Да и само население этих районов при беседе с ним говорит: „Мы ведь только в документах башкиры“ или „теленнән язган башкорт“, буквально: „башкиры, лишившиеся языка“ (конечно, не в физическом понимании слова).

В быту у них мы почти ничего типично башкирского не видим. Даже самые характерные элементы башкирского быта исчезли давно и бесследно.

Если в некоторых селах в речи представителей старшего поколения „төмән“ и отмечаются мишаризмы, то у молодежи они постепенно исчезают, а местами уже исчезли.

Таким образом, все указанные выше этнические группы говорят ныне на среднем диалекте татарского языка; к такому выводу пришли и казанские диалектологи (Л. Т. Махмутова и А. Ш. Афлетунов), изучавшие их в последние годы. Однако, странно то, что языком и культурой татарского населения этих районов не интересуются в Башкирии.

Вместо того, чтобы совместно работать с татарскими учеными по выявлению общности в культуре этих двух братских народов, живущих бок о бок в течение многих веков, у башкирских товарищей (особенно у некоторых диалектологов) имеется явная тенденция отмежеваться от этого китайской стеной. До сего дня нет никакого контакта в работе, не говоря уже о какой-либо организованной координации между такими родственными институтами, как Институты языка, литературы и истории Казанского и Башкирского филиалов АН СССР. А стоило бы добиться такой координации в работе.

---

[1] Ж. Киекбаев. О башкирских диалектах. Журнал „Учитель Башкирии“, № 7, Уфа, 1957 г., стр. 11 (на башкирском языке).

Этнокультурное влияние поволжских татар на башкир отмечается профессором С. И. Руденко как в области языка, так и в отношении быта и физического типа [1].

Нам кажется, что оно имеет значительно более глубокие корни, и хронологически можно делить его пока на три периода.

Первый, древний булгарский период (до XV в.), когда Волжская Булгария, благодаря росту производительных сил и своему выгодному географическому положению, представляла собой развитое в культурно-экономическом отношении государство, где и земледелие, ремесла, торговля достигли высокого для того времени уровня.

Достаточно убеждает нас в этом хотя бы один такой факт, как чугунолитейное дело у булгар. По словам А. В. Арциховского, „нигде в Европе не установлено для XIV в. такое развитое чугунолитейное производство, как в Болгарах" [2].

Отсюда и понятно огромное культурно-экономическое влияние булгар на соседние народы, менее развитые в этом отношении.

Вторым периодом роста взаимного этнокультурного влияния татар и башкир нужно считать XVI—XVIII вв., когда на запад Башкирии переселилась часть татар из пределов Казанского ханства после его падения. Свидетельством этого являются найденные нами в указанных частях Башкирии эпиграфические памятники второй половины XVII века, как две капли воды похожие по своему внешнему оформлению, палеографии и языку на надгробия из северо-западных районов нынешней Татарской АССР.

Третьим периодом значительного взаимовлияния татарского и башкирского населения является послереволюционное время, когда культурно-экономические связи между народами выросли благодаря радио, печати, когда усилился контакт между ними на почве общих культурно-экономических интересов в социалистическом обществе.

Только благодаря близкому общению в течение длительного периода могли появиться существующие ныне общие черты в экономике, культуре, языке этих двух тюркских народов.

Здесь невозможно перечислить все то общее, что характерно для башкир и татар, к тому же многое еще нужно выявлять. Укажу лишь на некоторые из них. Возьмем, например, занятие земледелием и общие названия земледельческих и других орудий производства. А, как мы знаем, башкиры других частей Башкирии до недавнего времени, в основном, были скотоводами.

Много этнографических параллелей в одежде, пище, духовной культуре и немало общего в устно-песенном и эпическом творчестве. Например, такие общеизвестные песни, как „Зиляйлюк", „Сакмар", „Тафкиляу" и другие являются любимейшими песнями как башкир, так и татар.

Много общего у них и в мифологии. Как на наиболее характерное в этой области следует указать на миф о „Шурале", который исторически уходит в глубокую древность, отражаясь в археологических находках эпохи раннего железа в Прикамье.

Повествование о птице „Угатар" из башкирской поэмы „Иркбай", по-видимому, восходит к сообщенному Ибн-Фадланом мифу о журавлях, спасших своим криком булгар от врагов.

Из топонимики Татарии и Башкирии известны нам такие названия сел, как Олояз, Борчакъяз, Торнаяз, Ютаза — в первой из них и Олояз, Сикияз, Бозаяз, Талбазы, Туймазы – во второй. Первые из этих на-

---

[1] С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955 г., стр. 339—340.

[2] А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1955 г., стр. 234.

званий с окончанием на „яз" — степь, несомненно, древнетюркского происхождения.

Наличие среди башкирских племен таких, как „Буляр", „Байляр", прямо-таки генетически связывает их с булгарами.

Булгарским наследием нужно считать джокающий говор татар и части здешних башкир[1]. Причем, мне кажется, что джоканье здесь более выражено, чем у татар Волго-Камья. Например, то, что последними произносится иногда через „й" (*яка, яман, дөнья*), на западе Башкирии, особенно, как мне кажется, в Чишминском, Аургазинском районах, произносится с сильным джоканьем: *җака, җаман, дөньҗа*. Мы имеем случай отражения джоканья в числительном на эпитафии начала 18 века с башкирского кладбища в Чишмах, а именно:
тарих миңдә йөздә утыз җетидә. Это числительное *җети* близко звучит к *җиати* булгарских надгробий XIII—XIV веков.

Джокающий характер древнебулгарского языка неоспорим. Факт замены на некоторых эпитафиях XIII—XIV веков фонемы *т* фонемой *җ* еще более усиливает это утверждение.

Например, вместо *зиарат* бывает написано: *зиараҗ*, вместо *җиати — җиажи* или *җиҗе*, вместо *ити — иҗи*.

Два слова о булгарском населении Башкирии. На сегодня булгарские надгробия XIII—XIV веков известны в с. Чишмы Чишминского р-на, находящемся в 40 *км* к югу от Уфы. Как по языку, внешнему оформлению, так и палеографии они идентичны с булгарскими надгробиями основной территории Булгарии. В тексте их мы читаем те же характерные для булгарских эпитафий числительные *(тарих җиати җөр шытыр... җал)* и те же слова *җал, йоwари, әwли, былтwый, тынрыwый/ /тындыwый, белуйеке, айых)*, встречающиеся только на булгарских памятниках XIII—XIV вв.

Кроме того, как в ранней (В. Вельяминов-Зернов), так и в новейшей археологической литературе (А. П. Смирнов „Железный век Башкирии") признаются булгарскими памятниками мавзолеи Хусаинбека в Чишмах (ныне разрушенный) и Тура-хана (в 11 *км* от Чишмов), датируемые XIV веком. Трудно пока без проведения специальных археологических исследований говорить о количественном соотношении и раннем этапе существования в Башкирии булгарского населения и поселений. Однако имеющиеся памятники дают полное основание говорить о наличии булгарских поселений у с. Чишмы. По всей вероятности это были поселения не типа факторий волжских булгар, как ранее мы предполагали, а самостоятельные, местнобулгарские. По-видимому, можно предполагать и о раннем пребывании булгар в Башкирии. Так, о соприкосновении их с мадьярами, ушедшими из Приуралья в VIII—IX веках, косвенно позволяет судить наличие в языке современных венгров слова „be|yeg" в значении „знак", „клеймо", что в точности как *белуйек* „памятник" встречается почти на каждом булгарском надгробии XIII—XIV вв. Например: *Мөхәммәд әwли хаҗи Хәсән белуйеке*, т. е. памятник Хаджи Хасана, сына Мухаммеда. В настоящее время можно указать на археологические данные об обосновании булгар на территории Башкирии в более раннее время, так же как это зафиксировано в среднем Поволжье находкой за последние годы Кайбельского и Тарханского и др. могильников VIII—IX веков. К числу таких памятников относятся Уфимский могильник и Левашевский могильник у Стерлитамака, относимые

---

[1] См. материалы экспедиции 1954—1957 гг. в районы сев. западной Башкирии, организованной Казанским филиалом АН СССР под руководством Л. Т. Махмутовой.

к салтовской культуре, связанной с булгарами, и соответственно датируемые VII—VIII и VIII—IX вв. н. э.[1] Причем, проникновение это, как он считает, происходило небольшими группами, почему „они не сумели подчинить местные племена и образовать союз племен", как это было на Волго-Камье.

Исходя из наличия в венгерском языке булгарских слов, о раннем проникновении булгар в Башкирию (как и на территорию современной Татарии) предположительно говорит и Б. А. Серебренников [2].

Археологически территория Башкирии схематично представляет следующую картину. В первом тысячелетии до нашей эры на р. Белой обитали племена уфимской культуры, так наз. восточный вариант ананьинской культуры. Эту культуру, по-видимому, сменили племена культуры пьяноборского типа, пока еще малоизвестной на территории Башкирии.

В последующие этапы, в V—VII вв. н.э., в западной Башкирии обитали племена бахмутинской культуры, связываемой А. В. Шмидтом с древними мадъярами, впоследствии покинувшими пределы Приуралья.

Подобные же историко-этнические условия предшествовали приходу булгар на Волго-Камье, т. е. здесь обитали издревле финно-угорские племена. Короче говоря, там и здесь булгары осели в финно-угорской среде, если только позволительно сейчас говорить о раннем появлении булгар в Башкирии.

После всего сказанного, напрашивается вопрос о том, куда же могло деваться впоследствии это население? И откуда взялось такое многочисленное население западной Башкирии, называемое уфимскими татарами?

В исторической литературе до сего дня принято считать это население только пришлым из пределов Казанского ханства. Несомненно, отчасти это и так. Однако невольно возникает мысль, нельзя ли рассматривать его как потомков булгар?

В этом свете важное значение приобретают зафиксированные нами в западных районах Башкирии так называемые „джиенные округа", т. е. празднование одновременно несколькими селами того или иного „джиена", сходное с празднованием джиенов казанскими татарами, у которых оно признано пережитком их родоплеменной организации.

Если допустить, что татарское население здесь только пришлое, то никак нельзя допустить сохранения „джиенных округов" при переселении, ломке их общественной связи, тем более, что переселение, надо полагать, продолжалось в течение долгого времени. Поэтому наличие среди уфимских татар подобных же „джиенных округов" следует считать, по-видимому, результатом длительного пребывания их здесь, т. е. формирования их от местных булгар.

---

[1] А. П. Смирнов, Н. Я. Мерперт. Археологическая экспедиция на строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции в 1952 г. Вестник АН СССР, № 1, 1953, стр. 61.

А. П. Смирнов, Н. Я. Мерперт. Археологические исследования Куйбышевской экспедиции. Вестник Академии наук СССР, № 4, 1954 г., стр. 65.

Р. Б. Ахмеров. Могильник близ г. Стерлитамака. Советская археология, XXII, М. 1955, стр. 166.

А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. Материалы и исследования по археологии СССР, № 58. М., 1957 г., стр. 48, 66—67.

И. И. Ляпушкин. Памятники Салтово-Маяцкой культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 62, 1958 г., стр. 148.

[2] Б. А. Серебренников. Происхождение чуваш по данным языка. Сборник „О происхождении чуваш". Чебоксары, 1957 г., стр. 44.

Все это пока еще предположение, но не безосновательное. При постановке широких исследований оно может оправдаться.

Вот почему при исследовании башкирского языка нельзя сбрасывать со счетов культурно-историческое значение булгаро-татарского населения, уходящего своими корнями далеко вглубь истории.

Вопрос этот должен заинтересовать как языковедов, так и археологов и этнографов Татарии и Башкирии. Нужны широкие комплексные исследования в этой области и координация научных сил.

Ш. Ш. Абилов

(Казань)

Доклады общего характера, т. е. доклады Н. А. Баскакова („Проект единой фонетической транскрипции для тюркских языков"), Е. И. Убрятовой („Опыт применения русской (и международной) диалектологической терминологии при описании диалектов якутского языка"), Л. Т. Махмутовой („О принципах составления диалектологического словаря татарского языка"), Д. Г. Тумашевой („Восточный диалект татарского языка и его отношение к литературному языку и к другим диалектам татарского языка"), выходят из сферы узко диалектологических вопросов и охватывают важные стороны языка вообще, и языкознания в частности. Поэтому данное высокоавторитетное совещание интересует не только диалектологов, но и литераторов и историков. Все доклады очень интересны и освещают важные стороны диалектологии тюркских языков.

Н. А. Баскаков в результате многолетних усилий по изучению тюркских языков пришел к выводу о том, что диалекты их имеют исключительно большое значение в деле изучения истории этих языков. „...тюркские языки, как правило, хорошо сохранившие в своих диалектах пережитки древних племенных языков (огузских, кыпчакских, карлукских и проч.), большой трудности для определения этих диалектных новообразований не вызывают, и поэтому диалекты их как источник для изучения истории языка имеют здесь большое значение" [1]. Вот эту особенность тюркских языков мы не должны забывать.

Я хочу высказаться в связи с докладом Д. Г. Тумашевой. Доклад ее богат по своему содержанию, в нем использован обильный фактический материал. В исследованиях Д. Г. Тумашевой подробно освещается тюменский говор восточного диалекта татарского языка [2]. Д. Г. Тумашева, как и другие ученые, приходит к правильному выводу о том, что восточный диалект является одним из крупных диалектов современного татарского языка.

Но, как отмечалось в докладе, в языке сибирских (вернее: тюменских, тобольских) татар наблюдается и влияние языков казахского, узбекского и киргизского. Поэтому не случайно был задан Н. А. Баскаковым вопрос о том, не является ли язык сибирских татар диалектом казахского, узбекского или киргизского языков. Выводы Д. Г. Тумашевой были бы еще более убедительными, если

---

[1] Н. А. Баскаков. Предисловие к книге Р. М. Рясянена „Материалы по исторической фонетике тюркских языков". М., 1955, стр. 7.

[2] Д. Г. Тумашева. Язык татар западной Сибири (тюменский говор). Ученые записки КГУ, т. CXVI, кн. II, 1956 г., стр. 101—145. Ее же. Некоторые фонетические особенности тюменского диалекта татарского языка. (Материалы по диалектологии. Таткнигоиздат. 1955, стр. 158—16-).

бы они были подкреплены языковыми фактами из литературных памятников определенной исторической эпохи, хотя бы XV—XVII вв.

Тов. Ахатов в своем выступлении отметил, что в языке сибирских татар бытуют древние формы, присущие тюркским языкам VII—VIII вв.

Я не буду касаться вопросов этногенеза сибирских татар и вопросов чисто исторического характера, а буду говорить о близости восточного диалекта к языку казанских татар и использую при этом некоторые данные письменных памятников последних. Такими памятниками являются дошедшие до наших дней поэмы одного из крупных татарских поэтов первой половины XVI века Мухамедьяра сына Махмуда Хаджи: „Тухфа-и мэрдан" („Дар мужей", 1539 г.) и „Нур-и содур" („Свет сердец", 1541 г.)[1]. Поэт Мухамедьяр — выходец из среды казанских татар, жил в Казани и, как отмечал И. Н. Березин, писал „на казанском диалекте"[2]. Сравним некоторые фонетические особенности языка сибирских (тюменских) и казанских татар.

В употреблении гласных язык сибирских татар сохранил следы древнего вида корневых.

Вот сравнительные данные:

Тюменский говор	Современн. татарск. литературн. язык	у Мухамедьяра
көнөлле (веселый)	күңелле	көңөлле (күңелле)
өгө (сова)	ябалак	окө[3], өке (у татар Челяб. обл.)
коток (колодец)	кое	кодык (коҕык)
кәбәк (мякина)	кибәк	кәбәк
мөйөш (угол)	почмак	мөңеш
түкел (нет)	түгел	түкел
сикез (восемь)	сигез	сикез

Среднеязычный звонкий спирант *й* в тюменском говоре соответствует начальному *җ* современного татарского литературного языка. То же самое имеем и у Мухамедьяра. Например:

йыр (песня)	җыр	йыр
йәй (лето)	җәй	йай
йир (земля)	җир	йир
йил (ветер)	җил	йил

...йилләр исеп, кыйнады беркөн тингез[4] (...бушевавшее ветром море билось...)

Остановимся также на некоторых морфологических особенностях восточного диалекта. Инфинитивная форма глагола с окончанием на *-галы, -гәле* характерна не только для тюменского говора восточного диалекта, но и для западного и среднего диалектов, однако отсутствует в литературном языке (там имеем формы *кычкырырга, барырга*). У Мухамедьяра же форма на *-галы* встречается, но только один раз: „...Тапмады кыз аңа нәрсә биргәле"[5]. (Девушка не нашла, что ему подать). Восточному диалекту вообще, и тюменскому говору в частности, характерна глагольная форма на *-май, -мәй*. Это же самое явление находим у Мухамедьяра:

---

[1] Рукописи „Тухфа-и мэрдан" и „Нур-и содур" хранятся в Отделе рукописей библиотеки Института востоковедения АН СССР в Ленинграде.

[2] И. Н. Березин. Описание турецко-татарских рукописей хранящихся в библиотеках С.-Петербурга. ЖМНПр, ч. 4, отд. III, 1846, стр. 36.

[3] Данное слово у Мухамедьяра не встречается, но зато оно имеется у поэта Меллагула, жившего во второй половине XVII века.

[4] Мухамедьяр. Нур-и содур. Рук. В. л. 92 а.

[5] Там же.

бармай (не идет)	бармый	бармай
килмәй (не приходит)	килми	килмәй

Форма на *-маен, -мәен* в татарских диалектах, кроме восточного, не наблюдается, а у Мухамедьяра выступает она очень активно.

Куй мәне, үз хәлем илә **булаен,** —
Мөддәгыйләр сүзедин **кортылаен** [1]

(Оставь меня, делом своим я займусь, —
от слов клеветников я освобожусь).

Д. Г. Тумашева отмечает, что форма повелительного наклонения на *-гыл, -гел (баргыл, килгел)* является более архаической и сохранилась только в произведениях устного народного творчества, а в разговорной речи сибирских татар в настоящее время не употребляется. В произведениях же поэтов Мухамедьяра и Меллагула эта форма встречается очень часто, например, *йимәгел* (не ешь), *эчмәгел* (не пей).

И бу эштә йөрәкең сән **даглагыл,**
Мәрданалар дик билеңне **баглагыл** [2].

(О ты, в деле этом сердце свое пыланью посвяти, —
Как богатырь, стан свой подтяни).

В тюменском говоре имеется три вспомогательных глагола: *ит, бул (пул), кыл.* В современном литературном языке активно употребляются только две первые формы, в то время как в произведениях Мухамедьяра и Меллагула одинаково часто встречаются все три формы.

Однако здесь следует сказать и другое. Отдельные языковые явления, встречающиеся только в диалектах и давно уже забытые в литературном языке, помогают раскрыть значения слов в письменных памятниках древности.

Взять хотя бы слово *куйгаш*. Это слово давно выпало из литературного языка, нет его также в среднем и западном диалектах, но оно имеет место в восточном диалекте. В этом диалекте среднюю из младших сестер своего мужа жена называет „куйгашым“ [3]. Учитывая, что у татар обычно средняя сестра является наиболее любимой из сестер, слово „куйгаш“, встречающееся у Мухамедьяра, можно перевести как „любимая“, „любимец“. Например:

„...эюрсән: шаһ зәнинең уйнашы мән,
Тәкый шаһдин артык сәвәр куйгашы мән“ [4]

(Досл.: Ты говоришь, что „я любовник жены шаха“,
Я ее любимец, даже более любимый, чем шах).

Еще два примера: **кытлан** (катлан) и **юсынлы** (юсынлыг). **Кытлан** (катлан) имеет место в говоре татар Салаватского района Башкирской АССР, значение его то же самое, что и у В. В. Радлова: „старание“, „напряжение“ (сил).

Ср. у Мухамедьяра: „...Кытлан, көчең барынча хасил ит яр“ [5]. (...Старайся, по мере своих сил, приобретай друзей).

Юсынлыг очень распространено в древних памятниках, особенно, в ярлыках и письмах татарских ханов в значении „порядочный“.

...Бу **юсынлыг** көтәр ирдең сән аны [6].
(Досл.: Таким порядком, ты пас бы его (т. е. ягненка).

---

[1] Мухамедьяр. Тухфа-и мәрдан. Л. 44 б.
[2] Там же.
[3] Д. Г. Тумашева. Язык татар Западной Сибири ..., стр. 134.
[4] Мухамедьяр. Тухфа-и мәрдан. Л. 46 б.; У В. В. Радлова: *куйгаш* означает „совместность“, „близость“.
[5] Мухамедьяр. Тухфа-и мәрдан. Л. 48 б.
[6] Мухамедьяр. Нур-и содур. Л. 87 а.

В говоре татар Челябинской области (Буринский район) *юсынлы* употребляется в том же значении.

В современном татарском литературном языке этих слов нет, не зафиксированы они пока еще и нашими диалектологами.

При сравнении отдельных явлений восточного диалекта с фактами древних литературных памятников мы обнаруживаем наличие сходных языковых явлений. Это, как нам кажется, служит дополнительным доказательством того, что язык сибирских татар является одним из крупных диалектов современного татарского языка.

Н. В. Никольский

(Казань)

Тот, кто говорил о диалектах, о всевозможных говорах, не сказал, сколько их на данной территории, а это очень интересно. Никто не сказал про обилие говоров.

Сбор всевозможных материалов опирается на наличие слов. При современном состоянии научной техники лучше всего использовать магнитофонные пластинки и создать целые атласы с приложением соответствующих текстов.

Ни от кого не слышно было, ведется ли регистрация собранных во время экспедиций материалов научно-исследовательскими учреждениями. Порой эти материалы просто так лежат — ни каталогов, ни указателей на них не имеется. А между тем, очень и очень нужно сохранить их для будущего, так как они имеют громадное историческое значение не только для историков, но и для других специалистов, которые будут пользоваться ими. Материалы должны быть обязательно зарегистрированы в особый том, и должны быть указатели к ним.

Иной раз в библиотеке отсутствуют книги, которые издаются на местах. Хорошо бы иметь систематический обмен изданиями, а то иногда мы „открываем Америку“ там, где она давно уже открыта.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ДОКЛАДЧИКОВ

Д. Г. Тумашева

(Казань)

Обсуждение доклада вызвало много вопросов и выступлений. Некоторые из них вышли за нашу тему и даже за пределы проблематики совещания. Тем не менее, все они закономерны, т. к. относятся к смежным с диалектологией областям науки — истории языка и истории народа.

Основное положение доклада — вопрос об отношении восточного диалекта к татарскому литературному языку, его среднему и западному диалектам, не вызвало возражений. Мне было задано много вопросов и высказаны претензии по поводу того, что те или иные особенности языка западносибирских татар остались не освещенными. Но основная наша задача и не сводилась к исчерпывающей характеристике диалекта, хотя этому было уделено довольно много внимания.

Тов. Гимади в своем выступлении на основе исторических данных подтвердил высказанную нами мысль о сближении сибирских татар с казанскими и консолидации их языка с татарским литературным языком. Однако процесс экономических, культурных и других форм связи Сибири с Казанью должен, по нашему мнению, детально изучаться именно историками, а не диалектологами.

Что касается второй части выступления т. Гимади, то необходимо сказать, что, по-видимому, неудачная формулировка, в которой мною была высказана мысль о влиянии русского языка на язык сибирских татар, дала повод к превратным толкованиям в этом вопросе. Мне приписали формулировку о влиянии русского языка на формирование языка сибирских татар и т. п. Влияние русского языка, конечно, не может привести к разрушению структуры языка, как это некоторые пытаются себе представить, оно обогащает словарь, может привести к двуязычию (хорошему владению одновременно родным и русским языком), а в отдельных, исключительных случаях, к переходу некоторой части населения на русский язык (например, в селе Верхняя Рынья на севере Тобольского района, где татары жили смешанно с ханты, они перешли на русский язык).

Влияние татарского литературного языка на диалекты носит другой характер — оно приводит к изменению отдельных элементов языка в сторону их сближения с литературными нормами. Например, происходит переход от цоканья к более частому произношению звука „ч", расширяется употребление инфинитива на *-ырга* вместо формы на *-галы* и т. д. Влияние татарского литературного языка в разных районах не одинаково: оно сильнее там, где больше казанских татар (таковы, напр., Тюменский район Тюменской области, Тевризский район Омской области). Но каналы проникновения литературного языка все еще недостаточны.

Уточнение т. Хамидуллина о введении терминов восточный, западный и средний диалекты Дж. Валиди следует принять, однако необходимо подчеркнуть, что лингвистическое обоснование этого деления, особенно в части, касающейся восточного диалекта, стало возможным лишь после организации первой научной экспедиции в Сибирь в 1940 г. Прочное введение этих понятий в широкий научный обиход произошло еще позднее — после выхода в свет учебника по татарской диалектологии Л. З. Заляя.

Тов. Ахатов остановился на вопросе этногенеза сибирских татар. Этот вопрос нами специально не изучался, поэтому мы ограничились приведением высказывания акад. В. В. Радлова. Несомненно одно: к решению вопросов этногенеза нельзя подходить упрощенно и на основании общности отдельных языковых признаков с другими языками без учета множества других фактов спешить с выводами о происхождении народа. Тов. Ахатов в статье, опубликованной в сборнике „Вопросы по диалектологии тюркских языков" (Баку, 1958 г.), элементы казахского и др. языков объясняет соседством с этими народами, т. е. влиянием „извне", сейчас он говорит о том, что казахи и др. составляют этнический компонент сибирских татар, т. е. речь идет о влиянии „изнутри". Это свидетельствует о поспешности сделанных выводов.

Относительно уточнений, предложенных т. Ахатовым. Я совершенно не могу их принять. Все записи сделаны мною лично и неоднократно проверялись во время проводившихся в течение ряда лет диалектологических экспедиций в Западную Сибирь. Я согласна с т. Н. Бургановой в том, что нельзя опираться только на записи студентов, они могут дать лишь подсобный материал. Так, отрицательная форма будущего времени *-мар* совершенно точно зарегистрирована мною в Лайтамакских юртах:

Син мине ул эшкә саставить итә **алмарсын.**

Мин Табулға **цыкмар** итем.

Далее говорилось, что звук *ц* не может соответствовать звуку *җ*. Но такие соответствия имеются, и они вполне объяснимы существующими в диалекте фонетическими закономерностями. Звук *ж* в словах арабо-персидского происхождения на основе закона оглушения согласных переходит в *ч*, последний же по закону цоканья переходит в *ц*. Так возникают формы *Цәмилә* (вм. *Җәмилә*), *Айницамал* (вм. Гайнижамал), *цәцрә* (вм. шәҗәрә) и т. д. Примеры подобного рода имеются и в упомянутой выше статье самого т. Ахатова.

Что касается соответствий звука *ц* звукам *с*, *к*, *т*, то здесь в один ряд поставлены совершенно разные фонетические явления — комбинаторные и др. Например, в слове *цыцкан* мы имеем обычное соответствие звука *ц* звуку *ч* (*чычкан* — в большинстве тюркских языков), но не соответствие *ц* — *т* (в татарском *мышь* — *тычкан*) и т. д.

Далее т. Ахатов считает неверным положение об отсутствии фонем *ф* и *х* у сибирских татар, т. к., например, у „заболотных" татар они имеются.

Фонемы *ф* и *х* действительно отсутствуют в языке сибирских татар. Встречаясь, главным образом, в словах иноязычного происхождения, они или не произносятся совсем (*Сас ней әлле?* < *хәл* — В каком состоянии болото?) или заменяются другими звуками (*пайта* < *файда*, *Кәлил* < *Хәлил*, *қалық* < *халык*).

У „заболотных" и некоторых других групп татар звук *х* возникает в определенной позиции как комбинаторный вариант тюркской фонемы *қ*: *толхын* (< дулкын), *йох* (юк), *кәрәх* (кирәк), *сыхтыйт* (сыктый). Точно так же звук *ф* заменяет исконно тюркский звук *п* (или оглушенный *б*) в результате его спирантизации: *қилеф йөрителәр*

(килеп), *Алыф батыр* (Алып), *ифтәш* (иптәш). Этот звук *ф*, являясь губно-губным спирантом, и по своей артикуляции отличается от губно-зубного *ф*, о котором речь шла выше. Это — явления разного порядка, и противоречий, на наш взгляд, здесь нет.

Примеры на монофтонгизацию были приведены с целью показать общность данного признака с западным диалектом. Это не исключает наличия других вариантов произношения. Нами записаны варианты *үрән* и *еүрән*, *сүлә* и *сеүлә*. Более того, эти варианты встречаются одновременно.

А. А. Дарбеева поставила вопрос о том, как развиваются диалекты, оторвавшиеся от основного языкового массива и попавшие в изоляцию или иноязычное окружение. Примеры на подобные случаи были приведены в докладе доктора филологических наук Е. И. Убрятовой (по якутским диалектам) и в выступлении проф. И. А. Батманова (по киргизским диалектам). Я пыталась показать обратный процесс. Язык сибирских татар не является частью казанско-татарского языка, оторвавшейся от него в далеком прошлом и потому обособившейся. Напротив, самостоятельно возникнув, язык западно-сибирской татарской народности развивался в плане сближения и консолидации с казанско-татарским языком.

В заключение хочу выразить благодарность всем присутствующим товарищам, которые с большим вниманием выслушали доклад и приняли активное участие в его обсуждении.

Л. Т. Махмутова

(Казань)

Здесь товарищи интересовались вопросом о том, не останется ли вне поля зрения диалектологов Астраханская область, где также имеется татарское население. Нет, не останется. Территория Астраханской области будет включена в дополнительный том диалектологического атласа.

Тов. Курбатов говорил о том, что у каждого татарского диалектолога имеется своя транскрипция. Дело, конечно, обстоит не так. Была некоторая несогласованность в обозначении отдельных звуков. Это совместными усилиями устранено. Не так уж трудно было договориться об этом небольшой группе диалектологов.

В связи с этим я хотела бы еще раз подчеркнуть здесь, что важность и необходимость р зработки единой фонетической транскрипции определяется прежде всего тем, что отсутствие такой транскрипции затрудняет, а иногда просто мешает вести исследования (в данном случае тюркских языков) в плане сравнительно-историческом.

Что касается вопроса об обогащении литературного языка за счет диалектов, по-моему, задача диалектологов заключается, прежде всего, в том, чтобы правильно зафиксировать слово, правильно объяснить его, составить хороший диалектологический словарь. А дальнейшая судьба недостающих в литературном языке, но имеющихся в диалектах слов зависит не столько от диалектологов, сколько от писателей, переводчиков, литераторов, работников органов печати, радио.

У нас в Татарии, мне кажется, нет крайне нигилистического отношения к диалектизмам, но нет и стремления засорять литературный язык ими. Признаюсь, что выступления товарищей по этому поводу не столько огорчили меня, сколько обрадовали, ибо я это поняла так, что диалектные слова, о которых говорил Ф. С. Фасеев (их список можно было бы продолжить), незаметно влились в литературный язык, стали органической частью его, не воспринимаются как диалектизмы. Значит, цель в данном случае достигнута.

Несколько слов об издании монографий по татарской диалектологии. Монографии по отдельным говорам имеются у нас, некоторые из них защищены в виде докторской и нескольких кандидатских диссертаций. Но они, к сожалению, не изданы.

Я не знаю, известно ли тов. Курбатову, что лет пять тому назад стоял вопрос даже об исключении татарской диалектологии из плана Института, а потом решено было оставить, запрятав ее куда-то за скобки. У нас нет отдельной темы по татарской диалектологии. В связи с этим я хотела бы сказать несколько слов о нашей работе,

Наша группа очень маленькая, всего четыре человека: зав. сектором Л. З. Заляй, два младших научных сотрудника и ст. лаборант. За последние пять лет Н. Б. Бургановой исследованы говоры татарского населения 3 районов Кировской и 3 районов Ульяновской областей, районов Мордовской АССР и 3 районов Горьковской области; Л. Т. Махмутова исследовала говоры 10 районов северо-западной Башкирии и 4 районов Пензенской области; Г. К. Якупова в течение двух лет выезжала в районы Куйбышевской области.

За это же время выпущены: „Сборник материалов по диалектологии(1955)", ряд печатных статей. В ближайшее время выходит III часть диалектологического словаря, составлена программа по собиранию материалов для диалектологического атласа татарского языка. Разработаны принципы составления словаря и атласа. Готовятся научные отчеты экспедиций, которые будут изданы в виде отдельного сборника. Ведется подготовка учебника для вузов, в основном, силами диалектологов нашего Института. Будет продолжено монографическое изучение говоров. Как видите, работы очень много. Но мы прилагаем усилия к тому, чтобы провести нашу работу (в меру наших сил) хорошо и в срок.

Наши коллеги по Университету заняты также исследованием татарских говоров на территории юго-западной Башкирии (ими изучены говоры 14 районов БАССР) и на территории Западной Сибири.

Что касается Казанского педагогического института, надо сказать, что институт этот стоит в стороне от диалектологии. Наши попытки установить координацию с ними не имели успеха. Хотя т. Яфаров здесь и говорил, что у них ведется работа в области диалектологии, это не совсем верно. В течение 3 лет аспирантка КГПИ выезжала в экспедиции. Однако она в настоящее время работает у нас.

Ш. Ш. Сарыбаев

(Алма-Ата)

Тов. Яфаров в своем выступлении сказал, что я вообще восторженно отозвался по адресу тех писателей, которые употребляют в своих произведениях диалектизмы. Меня неправильно поняли. Поэтому я хочу дать здесь краткое пояснение. С точки зрения составления диалектных словарей, гипердиалектизм в художественной литературе на́ руку для составителей словарей, т. к. материалы художественной литературы дают обильный иллюстративный материал для словаря. Но, если встать в ряды читателей, гипердиалектизм в художественной литературе не желателен, т. к. перенасыщенность произведения диалектизмами снижает выразительность языка и его общедоступность. Я написал статью „Диалектизмы в произведениях Г. Сланова", где я вовсе не хвалю писателя за увлечение диалектизмами. Конечно, мы не должны вовсе закрывать доступ диалектизмам в литературный язык. Употребление какого-либо диалектизма в авторской речи оправдывается лишь в том случае, если для обозначения к.-л. понятия в литературном языке не имеется соответствующего слова. Здесь, в первую очередь, мы имеем в виду профессиональные слова.

Вообще вопрос употребления диалектизмов в художественной литературе является одним из интересных, но плохо разработанных вопросов. Для писателей он имеет исключительно большое значение. Может быть, на следующем региональном совещании целесообразно поставить один доклад о принципах употребления диалектизмов в художественной литературе и обменяться мнениями. Это было бы очень полезно и для школьной практики.

Пользуясь случаем, хочу внести предложение и по другому вопросу. У нас имеется Всесоюзная координационная комиссия по диалектологии. Эта комиссия слабо связана с республиками. Желательно было бы создать координационную комиссию по тюркской диалектологии, которая взяла бы на себя задачу ежегодно проводить региональные совещания. Это позволило бы наладить связь между диалектологами тюркоязычных республик, координировать их работу, обмениваться информациями и т. д.

Н. А. Баскаков

(Москва)

Прежде всего, я должен горячо поблагодарить всех товарищей, выступивших по моему докладу и сделавших чрезвычайно много поправок и интересных предложений, которые необходимо продумать и использовать при окончательной обработке проекта транскрипции. Особенно подробными были выступления товарищей: Батманова, Яфарова, Курбатова, Покровской и некоторых других.

Вообще точная фонетическая транскрипция является всегда весьма сложной. Судя по некоторым выступлениям, мне кажется, что товарищи несколько отвыкли от фонетической транскрипции, и она им кажется чересчур сложной, они считают, что ее надо упростить, приблизить, примерно, к алфавиту, но это положение, конечно, не совсем правильно. Потому что чем точнее транскрипция будет отражать фонетические особенности данного языка, тем она будет сложнее. Надо найти, вероятно, какую-то среднюю транскрипцию, которая обеспечивала бы, с одной стороны, относительно точную передачу звуков данного языка, а, с другой,— не была бы слишком сложной.

Проект, который был представлен здесь, и отражал, как мне кажется, эту среднюю линию. Можно было бы еще более осложнить эту транскрипцию и тем самым еще более уточнить передачу звуков языка, но чересчур точная передача, видимо, нужна только для специальных экспериментальных фонетических исследований, для интерпретации же фактов истории языка, грамматики и т. д., конечно, нет нужды в такой чересчур точной передаче.

Из выступлений мне показалось, что основные принципы транскрипции не вызывают сомнений и представленный проект не требует коренной переработки. Я согласен, хотя и с некоторыми оговорками, что необходимы два варианта транскрипции — на русской и на латинской основе. Все согласны также, что представленная транскрипция имеет некоторые преимущества по сравнению со многими транскрипциями, которыми пользуются сейчас западноевропейские тюркологи. Итак, основные принципы не вызывают особых возражений, особых сомнений. Предложения касались, главным образом, уточнения транскрипции, замены одних знаков другими. В частности, наибольшей критике подвергся русский вариант транскрипции, главным образом, в части некоторых знаков. Например, знак $\mathring{ф}$ с кружком, который многие нашли довольно сложным знаком для придувного звука $ф$, предлагали заменить латинским знаком f, а знак $\mathring{в}$ — соответственно латинским знаком w. Это было предложение И. А. Батманова и некоторых других. Если мы не будем считаться с сохранением стиля русского алфавита и нарушим этот принцип, то с этими заменами можно согласиться, хотя знак f и не соответствует

междугубному глухому *ф̊*. Непринципиальным является также и вопрос о замене *х̣* знаком *h* — все эти вопросы нужно продумать. Если нарушается принцип полного сохранения русского стиля для проекта транскрипции на основе русского алфавита, то, может быть, надо согласиться с тов. Хамидуллиным и в основу русского варианта транскрипции взять вариант транскрипции В. В. Радлова, который допускал в составе знаков русской транскрипции латинские знаки.

Ряд товарищей предлагал ввести разнообразные знаки для гласных звуков, это предложение также можно обдумать. Правда, это предложение разрушает второй принцип представленного проекта — принцип сохранения графического единства для основных фонем, общих для всех тюркских языков. Дело в том, что оба проекта этой транскрипции построены на принципе сохранения единых знаков для 9 гласных фонем, которые встречаются в тюркских языках. Так, для фонемы *а* основным знаком является *а*, который, в зависимости от модификаций, дифференцировался диакритическими знаками: *а*, *а*, *ӑ*, *а̊* и проч. Если же мы введем разнообразные знаки для *а*, например: *А*, *а*, *ə*, а и проч., то тогда возникнет много трудностей при чтении транскрибированных текстов. Но и это предложение могло бы быть еще раз продумано и, может быть, некоторые из этих знаков можно было бы использовать, оговорив соответствующим образом.

Было предложение относительно транскрипции дифтонгов. Поскольку мне для доклада отводилось всего 30 минут, я пропустил этот раздел.

Транскрипция дифтонгов осуществляется в тюркских языках сочетанием знаков для гласных *ыа*, *уо* и проч., т. е. так, как обозначаются дифтонги, например, в якутском языке.

В некоторых случаях дифтонги обозначаются сочетанием соответствующих гласных и согласных, ср., например, дифтонги типа туркменских *сүйт* (молоко) или *кыйз* (девушка) и проч.

И. А. Батманов выдвигал вопрос о необходимости согласования транскрипции для тюркских языков с транскрипцией для тунгусского и маньчжурского языков. При оформлении проекта мы учли это в отношении алтайского языкознания Рамстедта.

Предложение Л. А. Покровской о необходимости введения транскрипции для отражения трехступенной палатальности. Мне кажется, что эта трехступенность может касаться только звука *л*. Здесь дело, конечно, не в трехступенной палатальности, а в том, что необходимо ввести особый знак для среднеевропейского *л*. Мне кажется, что это предложение является ценным и его необходимо учесть при окончательной разработке проекта.

Но в связи с этим, необходимо остановиться на вопросе, который поднимался некоторыми товарищами, о том, что будто бы в тюркских языках отсутствуют явления палатальности согласных. Это встречается там довольно часто, и не только в тех языках, о которых я говорил, но даже в таких, как казахский. Возьмем, например, вопросительное местоимение *н'э?* 'что?', в котором *н'* является палатализованным. Но здесь необходимо различать две вещи: с одной стороны, палатализацию, которая встречается более редко, например, в таких языках, как караимский *б'ол'* = 'делать' и *бол* = 'быть', а с другой стороны, явление опереднения согласных звуков перед и после передних гласных, которое встречается в большинстве тюркских языков; ср., например, в казахском *бол* = 'быть, стать' и *бөл-* 'делить'. Для явления опереднения согласных звуков можно было бы ввести в транскрипцию знак опереднения звука в виде черточки

снизу, например, б,ол, = 'делить'. Эти явления должны четко дифференцироваться в транскрипции.

Тов. Курбатов говорил здесь, что можно изъять этот знак палатализации, по его мнению, он не нужен для тюркских языков. Мне кажется, этот знак должен быть оставлен.

Было внесено также предложение Л. А. Покровской о необходимости обозначать в транскрипции редукцию гласных. Редукция бывает разного рода. Возьмите, например, язык ново-уйгурский, там эта редукция сильно выражена. В ново-уйгурском языке под влиянием редукции происходит качественное изменение гласных звуков.

Но если явление редукции все же сохраняет качество звука, то в этом случае в проекте транскрипции предложено 3 способа обозначения редукции: 1) редукция может обозначаться знаком краткости, который указывает на изменение звука в количественном отношении; 2) редукция обозначается знаком отсутствия ударения, ср. например, татарское слово, которое в обычной транскрипции будет обозначено так: k'ürmädigi'zmì, где знаками ' и ` отмечено ударение слабое и сильное. Знаком же ≍ отмечено отсутствие ударения. Естественно, что этот знак вместе с отсутствием ударения указывает и на некоторую редукцию звука. Мы должны оставить эти знаки. 3) Но иногда бывают такие случаи редукции, когда звук выпадает. Например, *орун — орны* 'его место'. В данном случае редуцированный звук не обозначается. Тут мы имеем дело с полной редукцией.

Выше я говорил о конструктивных предложениях, которые необходимо принять, обдумать, еще раз проработать, с целым рядом предложений, может быть, и согласиться.

Но вместе с тем имеются и некоторые принципиальные возражения товарищам, которые, видимо, не поняли основной задачи создания единой транскрипции для всех тюркских языков.

Первое возражение мне хотелось бы сделать тт. Хамидуллину и Яфарову, которые считают, что для тюркских языков не нужно общей транскрипции, что нужно развивать свою транскрипцию по каждому в отдельности языку... Это неправильно! Конечно, для нужд каждой республики можно разработать свою транскрипцию, но наряду с этим мы должны разработать и единую транскрипцию для всех тюркских языков, чтобы, пользуясь единой транскрипцией, отражающей все особенности, все различия в фонетике конкретных языков, можно было сопоставлять факты по всем тюркским языкам. Другое дело, что каждая республика может разработать свою рабочую транскрипцию, независимо от других языков, создать транскрипцию для практических целей, для преподавания в вузах, но наряду с этим должна быть и единая транскрипция.

Второе замечание т. Хамидуллина заключалось в том, что транскрипция якобы ликвидирует в татарском языке сингармонизм. На это я должен ответить товарищу Хамидуллину, что каждая транскрипция является зеркалом всех явлений в данном языке. Если этого сингармонизма в языке нет, то транскрипция покажет, что такого сингармонизма нет. Возьмем, например, узбекский язык. Там сингармонизм отражен в минимальной степени. Транскрипция покажет, что его там мало. В татарском, казахском и, в особенности, в киргизском транскрипция больше чем алфавит покажет этот сингармонизм. Причем, не только в целом слове, но даже в отдельных слогах. Таким образом, транскрипция, наоборот, более точно отображает все явления в языке, чем существующие алфавиты.

Л. А. Покровская считает, что транскрипция должна отображать не только все фонетические явления, но и морфологические. По ее мнению, транскрипция должна обозначать дифференцированно осо-

быми знаками первичную и вторичную долготу гласных. Транскрипция должна точно отражать количество звука, независимо от причины. Если в слове полная долгота, транскрипция отражает полную, если полудолгота — полудолготу, если в слове нормальный звук — отражает нормальную долготу, если в слове краткий звук — отражает краткость. Каковы бы ни были причины такой количественной разницы в звуках, транскрипция отражает лишь фактическое звучание речи.

Некоторые товарищи пошли еще дальше. Так, товарищ Алмазов предлагает, чтобы транскрипция отмечала каким-то образом все разночтения в старых литературных памятниках. Он несколько путает вопрос транскрипции с вопросом чтения памятников. Но чтение памятников не имеет отношения к транскрипции. Есть случаи, когда один и тот же памятник разными авторами читается различно. Если возьмем древнетюркские памятники, то мы имеем столько чтений, сколько авторов.

Из мелких вопросов отметим вопрос о транскрипции татарского *ч*, который по своему качеству не совпадает, например, с узбекским *ч*. Возьмем татарское *ачты*, его необходимо транскрибировать следующим образом: åш′ты//ɔš′ty$_c$. Татарский *ч* сходен с русским *щ*, чаще этот звук произносится как палатализованный *ш*, а не как *ч*.

Краткие предложения: я считаю, что сейчас не следует утверждать проект, который здесь представлен, потому что разработка транскрипции — дело сложное. Этот проект необходимо еще доработать.

Мне кажется, что, прежде всего, нужно учесть все замечания, сделанные здесь. После некоторой доработки проекта его необходимо отпечатать предварительно в количестве, примерно, 100 экземпляров, разослать их всем институтам, еще раз собрать максимальное количество всех откликов, предложений и потом окончательно поставить на обсуждение на следующем региональном совещании, после чего и можно будет уже утвердить транскрипцию.

Относительно же предложения о том, чтобы ее обсудить за рубежом, нужно сказать, что это не является обязательным, потому что данный проект транскрипции учитывает транскрипцию, которая давно принята за рубежом. Но, вообще, эта возможность нам предоставлена, потому что мы сейчас имеем довольно-таки тесное содружество с крупными специалистами, я считаю — почти с самыми крупными специалистами тюркских языков, находящимися за рубежом, в странах народной демократии: с проф. Ю. Неметом в Венгрии, с проф. А. Зайончковским в Польше и с некоторыми другими. Мы имеем тесную связь также с финским проф. Рясяненом и др. Конечно, можно будет послать этот материал также и им для ознакомления.

В заключение я еще раз благодарю всех товарищей, выступивших по моему сообщению. Я выношу также глубокую благодарность руководству Казанского филиала Академии наук СССР за исключительную заботу и помощь, оказанную мне, как докладчику. Довольно сложный доклад требовал необходимых наглядных таблиц и фотографий, которые мне вовремя были представлены. Я приношу глубокую благодарность Казанскому филиалу Академии наук в лице академика А. Е. Арбузова.

Е. И. Убрятова

(Москва)

Я уже была почти готова отказаться от заключительного слова, но так как в самые последние часы и минуты вчера на заседании много было сказано по вопросам, затронутым в моем докладе, хочу сказать несколько слов.

Я очень благодарна товарищам за внимание к докладу. Доклад был частного характера и касался лишь тех трудностей, которые мы встретили в процессе своей работы над якутскими диалектными материалами. Эти трудности были разного характера. В частности, они состояли в том, что имеющаяся русская терминология во многих случаях мало подходила для обозначения тех или иных диалектных явлений якутского языка. И то, что было высказано выступавшими, во-первых, поможет и мне лично в моей дальнейшей работе, а главное — эти выступления показали, что этот вопрос общий и нам надо как-то сообща о нем подумать.

Слушая выступления товарищей, я подумала, что, может быть, я даже и неправа в своей претензии толковать термин „диалект" как просто местную разновидность языка без отношения к мелким и крупным подразделениям. Из выступлений товарищей ясно, что термин „диалект" в нашей диалектологической практике уже закрепился за значением крупной разновидности местного языка и, очевидно, нет необходимости ломать то, что уже установилось. Но положение все-таки остается очень трудным для тех тюркских языков, в которых нет такого детализированного развития местных разновидностей языка. Там получается так, что местной разновидностью языка будет называться говор. Таким образом, получается, что диалектные особенности в языке есть, но диалектов нет. Есть говоры, но нет наречий. Это создает неудобство в соотношении понятий. И я думаю, что в этой области еще придется поработать и, может быть, на одном из следующих региональных совещаний вопрос об этом поставить с привлечением не только якутских материалов, как было сделано у меня, но и с более широкими материалами по диалектологии других тюркских языков Советского Союза.

Здесь было предложено несколько проектов, если так можно их назвать, об использовании терминов „диалект", „говор", „наречие". Я хотела бы возразить только Н. А. Баскакову, который предложил использование термина „наречие" для тех тюркских языков, которые имеют очень малое число носителей, не имеют письменности и мало у нас изучаются.

Мне кажется, что термин „наречие" неудобен в этом случае в том отношении, что, во-первых, в русской диалектологии он имеет

совсем другое значение, это—крупная диалектная разновидность общенародного языка, соотнесенная с термином говор.

Во-вторых, называть язык малых народностей не языком, а наречием только потому, что они малые, у нас нет никаких оснований. Сколько бы людей ни говорило на данном языке, все равно язык сам по себе представляет целостное явление. В нем обязательно есть все, что необходимо для выражения человеческой мысли — фонетика, грамматика (морфология и синтаксис), потому что это—язык, т. е. то, с помощью чего люди общаются между собой, выражают свои мысли.

Затем, мне очень понравились, но показались трудными некоторые предложения товарищей.

Было внесено очень хорошее предложение о необходимости стремиться к установлению единообразия в терминах не только в диалектологии, но и вообще в области изучения тюркских языков. Однако эта вещь, вероятно, очень трудная, и о ней надо очень и очень подумать.

Здесь правильно прозвучал упрек, что мы мало знаем литературу, которая создается в республиках — на татарском, азербайджанском и всех других тюркских языках. Это верно! И одной из причин этого слабого знания является большой разнобой в нашей диалектологической и вообще тюркологической терминологии, особенно в терминологии, созданной на тюркских языках.

Ведь нельзя просто взять в руки книгу по какому-либо тюркскому языку, которым специально не занимался, без того чтобы прежде всего не составить себе некоторый терминологический словарь. Я припоминаю, когда мне пришлось выступать оппонентом по диссертации, написанной на казахском языке, мне пришлось составить такой словарик, чтобы проникнуть в терминологическую систему, во всяком случае, этой работы. Это — очень серьезный вопрос. И когда мы будем выходить в своей работе за пределы родного языка, будем знакомиться с работами на других тюркских языках, прежде всего этот вопрос встанет перед каждым. Мне кажется, что этот вопрос — не праздный.

Другое дело, что это довольно сложно осуществить, но каждый думает об этом, особенно, когда мы встречаем новый термин. Думать об этом нужно, и, может быть, в дальнейшем следует создавать новые термины согласованно.

Здесь предлагалось составить словарь диалектологических терминов. Что же, попытаться можно, но это дело совсем непростое. Может быть, сейчас нужно подумать о составлении такого словаря не только по диалектологии, но и по общетюркской терминологии, тем более что потребность в этом есть.

Мне еще хотелось бы остановиться на выступлении тов. Хамидуллина. Я думаю, что вы мне поверите — произошло, очевидно, какое-то недоразумение, потому что я в своем докладе как раз и говорила о том, за что ратует и т. Хамидуллин, т. е. что необходимо нашу терминологию упорядочить, чтобы понимать под терминами одно и то же, а не употреблять эти термины произвольно, как кому бог на душу положит.

Я не смогла прочесть весь свой доклад за недостатком времени. В тезисах[1] и в докладе я касаюсь еще и других терминов. Например, довольно большое место в докладе уделено неправомерности

---

[1] Е. И. Убрятова. Опыт применения русской (и международной) диалектологической терминологии при описании диалектов якутского языка. Второе региональное совещание по диалектологии тюркских языков (тезисы докладов). Казань, 1958, стр. 7.

использования тюркологами-диалектологами терминов „аканье — оканье", так как русское „аканье — оканье" совершенно не совпадает с тем, что называют этим термином тюркологи. А то, что называется этим термином в работах по тюркским языкам, например, в якутском и узбекском, также совершенно несходно между собой ни фонетически, ни исторически. Между тем, на основании только употребления термина „аканье — оканье" якутоведами доказывается, что узбекское „оканье" — черта, свойственная тюркским языкам вообще. За недостатком времени я не могу изложить это более подробно. Но будем надеяться, что стенограмма нашего совещания увидит свет, и тогда интересующиеся смогут ознакомиться с этой частью моего доклада.

По установленной традиции необходимо подвести итоги совещания. Эта большая честь выпала на мою долю. Но я должна признаться, что это совсем не просто, так как дело ведь вовсе не в том, чтобы сосчитать, сколько докладов было прочитано, сколько людей выступило в прениях. Дело в том, что само совещание представляет собою своего рода большой итог плодотворной работы, которая ведется в области диалектологии тюркских языков в нашей стране.

Здесь несколько раз было употреблено выражение „вширь и вглубь". Я думаю, что это выражение полностью относится к тому состоянию, в каком находится сейчас наша диалектологическая работа в области тюркских языков Советского Союза. Она, действительно, с каждым годом и расширяется и углубляется.

Правда, не везде изучение диалектов одинаково широко и глубоко может быть развернуто, но, во всяком случае, уже можно отметить, что во многих местах это стоит на очень высоком уровне и очень много сделано.

Здесь, прежде всего, мне хотелось бы отметить работу азербайджанских диалектологов, представленных на нашем совещании большой делегацией, все члены которой выступили с докладами или в прениях. В Азербайджане опубликовано много работ, в том числе за последние годы. В первую очередь, следует назвать работы присутствующего здесь М. Ш. Ширалиева[1], который так много сделал для изучения диалектов азербайджанского языка. Под его руководством теперь в Азербайджане работает большой отряд диалектологов, труды которых появляются время от времени в азербайджанских изданиях[2].

В докладах М. Ш. Ширалиева и Р. А Рустамова было доложено, что азербайджанские диалектологи уже вплотную приступили к составлению диалектологического атласа и диалектологического словаря[3].

На наше совещание азербайджанские товарищи привезли замечательный подарок — прекрасно изданную книгу „Вопросы диалектологии тюркских языков". Это — материалы I координационного совещания по вопросам диалектологии тюркских языков, состоявшегося в Баку в декабре 1956 г. В специальном обращении от редактора

---

[1] М. Ш. Ширалиев. Бакы диалекти. Бакы, 1957.

[2] Азәрбайҹан дилинин Муган групу шивәләри. Бакы, 1955 (редактор Р. А. Рустамов, авторы разделов: Р. А. Рустамов, К. Т. Рамазанов, М. Ш. Ширалиев, Р. А. Сулейманов, Б. М. Ибрагимов); более подробный обзор работ по диалектологии азербайджанского языка дан в статье М. Гасымова „Совет деврундә Азәрбайҹан диалектологиясынын инкишафы". Языковедческий сборник. Труды Института литературы и языка им. Низами, т. X, Баку, 1957, стр. 197—212.

[3] См. доклад М. Ш. Ширалиева и Р. А. Рустамова, стр. 53—58 и 64—70. См. также „Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа азербайджанского языка". Редакторы: проф. М. Ширалиев, доц. Р. Рустамов. Баку, 1958.

сообщается, что Президиум Академии наук Азербайджанской ССР принял решение выпускать непериодический сборник „Вопросы диалектологии тюркских языков" (один выпуск в год, объемом в 15 печатных листов), который будет обслуживать все тюркские языки[1]. Это — событие большого значения. Оно показывает, что азербайджанские товарищи, сами достигшие значительных успехов в разработке диалектов азербайджанского языка, оказывают организацией такого издания неоценимую помощь тюркологам Советского Союза, изучающим диалекты других тюркских языков. Это издание будет способствовать углублению разработки общих теоретических вопросов диалектологии тюркских языков. Мы должны выразить свою глубокую благодарность Президиуму Академии наук Азербайджанской ССР и, особенно Президенту М. М. Алиеву, оказавшим такую большую помощь тюркологам-диалектологам Советского Союза. Мы должны также поддержать наших азербайджанских товарищей в их стремлении создать у себя научный центр по исследованию вопросов диалектологии тюркских языков.

Затем мне хотелось бы отметить Татарскую республику, и не только потому, что мы являемся гостями Казанского филиала Академии наук СССР — Института языка, литературы и истории, но и потому, что, действительно, работа здесь ведется уже давно, получен большой материал, опубликованы статьи и работы[2]. ДиалектологиТатарии приступили к составлению атласа[3] и продолжают углубленную работу по составлению диалектологического словаря[4].

Правда, тут я хотела бы сказать и то, что Казани, может быть, повезло в том, что среди диалектологов оказались очень большие энтузиасты. Тут не все товарищи, наверное, знают, что ученики и помощники проф. Л. З. Заляя — Л. Т. Махмутова и Н. Б. Бурганова занимались диалектологией наряду с выполнением плановых тем — составлением русско-татарского словаря, а все, что оставалось от этого времени, посвящалось диалектологии. Они ездят в командировки, собирают материалы и т. д.

Этот энтузиазм татарских диалектологов свойственен и Д. Г. Тумашевой, которая здесь, несмотря ни на что, присутствовала, сделала прекрасный, вызвавший большой интерес присутствующих доклад, участвовала в прениях, и так все хорошо провела!

Очень большая работа проводится в Узбекистане. Здесь отсутствуют представители из Узбекистана[5], но мы знаем, что там диа-

---

[1] Вопросы диалектологии тюркских языков. Труды Института литературы и языка им. Низами, т. XII, Баку, 1958 В этой книге, наряду с докладами теоретического характера, посвященными проблеме отношения литературного языка к диалектам, имеется несколько сообщений о состоянии диалектологической работы по тюркским языкам в республиках и областях СССР. Эти сообщения подробно и ярко освещают состояние нашей работы.

[2] См., например: Л. Ж ә л ә й. Татар диалектологиясе. Казан, 1947; Л. З. З а л я л е т д и н о в (Л. Заляй). Средний диалект татарского языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Казань, 1954;

Материалы по диалектологии. Сб. под ред. Е. К. Бахмутовой. Казань, 1955.

Д. Т у м а ш е в а. Язык татар Западной Сибири (тюменский говор). Ученые записки Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина, т. 116, кн. 11, Казань, 1956.

См. также отдельные статьи по татарской диалектологии в „Известиях Казанского филиала", серия гум. наук, вып. 1, Казань, 1955 г., стр. 77—85, 103—117.

[3] См. доклад Л. З. Заляя и Н. Б. Бурганової, стр. 59 - 63.

[4] См. доклад Л. Т. Махмутовой, стр. 78—85, а также Диалектологик сүзлек, I ч., Казан, 1948; Диалектологик сүзлек, 2 ч. Төзүчеләр: Борһанова Н., Якупова Г., ред. Л. Ж. Жәләй, Казан, 1953.

[5] Я имею в виду В. В. Решетова и Ш. Шаабдурахманова, доклады которых стояли в повестке дня, а не представителей Узбекистана вообще. Прошу извинения у тов. Мирзоева, представляющего на нашем совещании Узбекистан.

лектологи уже собираются приступить к составлению атласа[1]. В Узбекистане в последнее время вышли хорошие работы по диалектологии, в частности, специальный диалектологический сборник[2]. Написано несколько кандидатских[3] и одна докторская диссертация по вопросам диалектологии[4].

Много потрудились и диалектологи Казахстана, особенно С. А. Аманжолов, Ж. Д. Доскараев, Н. Т. Сауранбаев и Ш. Ш. Сарыбаев, энтузиазм которых потребовался еще и для того, чтобы доказать наличие диалектов в казахском языке. Сейчас казахские диалектологи приступили к созданию диалектологического словаря. Недавно они выпустили специальный сборник статей по диалектологии и истории, к которому приложена подробная библиография[5].

По Киргизии можно отметить то, что исследование говоров в республике закончено. Кроме того, Киргизская республика находится в самом счастливом положении в том смысле, что там диалектологические работы печатаются как только они заканчиваются, чего, конечно, в других местах нет[6].

Расширяется работа по диалектологии в Туркмении.

Правда, пока там появились только отдельные статьи[7]. Но мы знаем, что большая работа в этой области ведется и сотрудниками Академии наук ТССР и сотрудниками университета.

Большая работа ведется в Башкирии[8]. Правда, башкирским диалектологам пришлось несколько приостановить эту работу в силу того, что они участвуют в составлении башкирско-русского словаря,

---

[1] См. В. В. Решетов. О диалектологическом атласе узбекского языка. Второе региональное совещание по диалектологии тюркских языков (тезисы докладов). Казань, 1958, стр. 16. См. также: М. Мирзоев. Бухоро областидаги узбек шеваларини ураниш учун анкета. Бухоро, 1955.

[2] Материалы по узбекской диалектологии. I. Под редакцией В. В. Решетова. Ташкент, 1957.

[3] Перечень кандидатских диссертаций дан в статье В. В. Решетова. Изучение узбекских народных говоров. Материалы по узбекской диалектологии. I, Ташкент, 1957, стр. 24.

[4] В. В. Решетов. Кураминские говоры Ташкентской области. Автореферат докторской диссертации. Ташкент, 1952.

[5] Вопросы истории и диалектологии казахского языка. Вып. 1, Алма-Ата, 1958, стр. 210.

[6] См. например, Г. Бакинова. Ысык-көл говорунун материалдарынан. Фрунзе, 1955. Ее же. Кыргыз тилинин Ош говорлору. Фрунзе. 1956. Г. Бакинова, С. Кондучалова, С. Сыдыков. Кыргыз тилинин Жалал-Абад областынын говорлору. Фрунзе, 1958. См. также „Диалектологиялык материалдарды жыйноо боюнча справочник". Түзүүчү — Г. Бакинова, жооптуу редактор — К. К. Юдахин. Фрунзе. 1955.

[7] См., например, Г. Кульманов. Некоторые фонетические особенности геокленского диалекта туркменского языка. Труды Института языка и литературы АН СССР, вып. I, Ашхабад, 1956, стр. 25—43. Его же. Морфологическая характеристика именных основ в геокленском диалекте туркменского языка. Труды Института языка и литературы АН ТССР, вып. II. Ашхабад, 1957, стр. 156—175. К. Шамурадов. О некоторых лексических особенностях западных говоров йомудского диалекта туркменского языка. Труды Института языка и литературы АН ТССР, вып. I, Ашхабад, 1956, стр. 15—24. Его же. Фонетические особенности западных говоров йомудского диалекта туркменского языка. Труды Института языка и литературы АН ТССР, вып. II, Ашхабад, 1957, стр. 133—155. Е. Н. Ершова и Х. Мухиев. Из наблюдений над нохурским диалектом туркменского языка. Ученые записки Туркменского государственного университета им А. М. Горького, вып. XIV, Ашхабад, 1958, стр. 99—108 и др. Очень интересным диалектологическим исследованием является также опубликованная в последние годы статья Н. К. Дмитриева „Язык туркменских сказок Марыйского района" в книге „Туркменские народные сказки", М.— Л., 1954, стр. 28—63.

[8] См., например, Т. Г. Баишев. Башкирские диалекты в их отношении к башкирскому литературному языку. М., 1955; Н. Х. Ишбулатов. Говор деревни Казмашево Абзелиловского района Башкирской АССР. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1955; Х. Г. Юсупов. Асинский говор башкирского языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1955; Ж. Киекбаев. Башкорт диалектәре тураһында. Башкортостан укытыусыһы. Өфө, 1957, № 7, стр. 9—14 и др.

но как только они с этим разделаются (диалектологов там много), они сразу же возьмутся за эту работу.

В Якутии, с ее огромными просторами, идет к концу собирание диалектологических материалов. Сейчас там идет интенсивная обработка собранных материалов. Но пока еще появилась только статья П. П. Барашкова [1].

В несколько более трудном положении находятся институты, состоящие вне системы Академии наук. Я имею в виду институты Чувашской республики, Хакасии, Тувы, Горного Алтая. В этих институтах очень малый штат, и потому там очень трудно вести работу по диалектологии. В некоторых из этих институтов в области языка работают 1—2 человека, с которых спрашивают все: нужна грамматика для культуры местного населения, нужны учебники, словари, и одному-двоим, понятно, сделать все трудно. Об этих институтах особо должен быть поставлен вопрос.

Но и при таких условиях работы кое-что уже сделано по диалектологии чувашского[2], хакасского[3] и тувинского языков[4].

Наряду с большими достижениями, которые делают для нас уже близким осуществление надежды на то, что мы скоро получим возможность заниматься историей наших языков и в некоторой степени вопросами происхождения их, самым большим недостатком для нас является то, что слишком небольшая часть диалектологических работ печатается. Даже такая основополагающая работа по диалектологии татарского языка, как работа проф. Л. З. Заляя, уже несколько лет лежит без всякого движения[5]. Мне очень хотелось бы, чтобы эта работа была как можно скорее напечатана.

Конечно, хотелось бы, чтобы и другие работы в Татарии были напечатаны, так как это было бы значительным вкладом татарских ученых в нашу общую науку по тюркологии.

Нам также хотелось бы, чтобы диалектологи Татарии хорошо работали не только за счет своего энтузиазма, но и за счет того, чтобы они организационно получили оформление, чтобы в татарском институте языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук был бы сектор диалектологии. Это важно потому, что Татария является крупным центром диалектологической работы в области тюркских языков Советского Союза. Это я говорю с полной ответственностью за свои слова.

Что касается докладов, которые здесь были прочитаны, то обсуждение их показало, что они поставлены своевременно, вытекают из всей предшествовавшей работы советских диалектологов-тюркологов и дают направление для дальнейшей деятельности.

Здесь очень много и очень хорошо обсуждался доклад Н. А. Бас-

---

[1] П. П. Барашков. Особенности говора якутов Орджоникидзевского района. Ученые записки Института языка, литературы и истории Якутского филиала Академии наук СССР. Вып. 3, Якутск, 1955, стр. 150—178.

[2] См., например, Чăваш чĕлхин вырăнти калаçăвĕсен материалĕсене пухмалли программа И. П. Павлов редакцинеĕ. Шупашкар, 1955.

[3] См., например, Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул. Фонетические особенности хакасского языка и его диалектов. Труды Института языкознания АН СССР, т. IV, 1954, стр. 324—377; Н. Г. Доможаков. О некоторых особенностях сагайского и хакасского (качинского) диалектов. Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, вып. IV, Абакан, 1956, стр. 64—70 и др.

[4] А. Ч. Куная. Звуковой состав тесхемского говора тувинского языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1958.

[5] Л. З. Залялетдинов (Л. Заляй). Средний диалект татарского языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Казань, 1954.

какова о транскрипции. Самое главное в этом обсуждении было даже и не то, что много разных предложений вносилось по знакам транскрипции, а то, что единодушно была выражена общая потребность в создании такой транскрипции. Это, по-моему, самый главный итог доклада. Важно желать, а дальше, я думаю, мы осуществим это наше общее желание.

Со своей стороны я хотела бы предложить не только то, чтобы просить Институт языкознания отпечатать транскрипцию, разослать всем диалектологам-тюркологам, но я бы обратилась к участникам нашего совещания, а также необходимо обратиться ко всем диалектологам-тюркологам с просьбой не просто просмотреть транскрипцию, а проверить ее в экспедиции в полевых условиях.

Что касается докладов о диалектологическом атласе и диалектологическом словаре, в ходе обсуждения они не вызвали особой критики. Может быть, для многих это дело новое, а может быть, и потому, что в докладах все очень серьезно продумано. Я думаю, что для тех из нас, кто еще не приступил к составлению атласа и диалектологического словаря, эти доклады послужат образцом и отправной точкой в дальнейшей работе. Конечно, доклады отличались друг от друга, в них высказывались разные точки зрения на собирание материалов, их обработку и использование, но думаю, что все мы критически отнесемся к этому, когда сами приступим к этой работе.

Я думаю, что самая близкая по возможности осуществления задача, которая стоит сейчас перед диалектологами,— это создание диалектологического словаря. У всех нас накоплен огромный материал. Все эти материалы нужно готовить к тому, чтобы их объединить в диалектологические словари, независимо от того, какого типа они будут. Если эта работа у нас будет проведена, мы получим богатейший материал и для составления этимологического словаря и различных исторических исследований. Мне кажется, что эта работа во многих местах в ближайшее время начнется более широко.

Далее, я хотела бы также отметить, что наше совещание прошло на высоком теоретическом уровне. Это трафаретное выражение — „на высоком теоретическом уровне“ я употребляю в его буквальном и точном смысле. Хотя у нас и не было специально теоретических докладов, все доклады, все выступления так или иначе касались больших теоретических вопросов, как-то: классификации диалектов, отношения диалектологии к литературному языку и истории языка, к вопросам этногенеза.

Все доклады, все выступления были докладами, выступлениями специалистов, хорошо знающих свое дело, много размышлявших над различными, часто сложными теоретическими вопросами.

Нельзя также не отметить и то, что вот в этом зале присутствовало большое число людей с самого начала до самого конца,— значит, совещание было интересное не только для тех, кто специально занимается диалектологией.

Очень отрадно, что историки, литературоведы проявили большой интерес к нашему совещанию, и многие даже выступили. Может быть, жаль, что это случилось уже в конце совещания, но тем не менее это все-таки случилось!

После этого совещания совершенно ясно, что наша работа и дальше будет идти в направлении углубления изучения диалектов там, где они не изучены, в направлении составления диалектологических словарей и атласов.

Для будущего совещания нам нужно будет выдвинуть какой-то один теоретический вопрос, который нужно предварительно устано-

вить и затем к нему готовиться с тем, чтобы все это у нас прошло достаточно активно.

Здесь было сделано много предложений. Я думаю, что нам сейчас решить что-либо будет трудно. Но в дальнейшем мы, очевидно, специально спишемся и остановимся на определенной теме. Вероятно, и на следующем региональном совещании должен стоять вопрос о транскрипции, диалектологическом атласе и словаре, поскольку эта работа уже начата и дальше по ней пойдет обсуждение.

Здесь некоторыми товарищами поднимался вопрос о новой организации координирования диалектологической работы. Мне кажется, что нет необходимости ломать систему координации в Академии наук, существующую не только в Академии наук СССР, но и между всеми Академиями наук Советского Союза. У нас есть специальный Совет по координации, специальная комиссия. Вы сталкивались лишь с координацией в области диалектологии. Но кроме этого, при Отделении языка и литературы АН СССР есть лексикологическая координационная комиссия, координационная комиссия по вопросам описательной грамматики, которые также проводят свои совещания. В году их, обычно, бывает два-три. В 1959 году также будет вероятно, два совещания: одно, посвященное вопросам терминологии и письменности, будет, очевидно, в марте. Второе — по вопросам методики исторических исследований тюркских языков. Мы срок еще не наметили, но такое совещание обязательно состоится. Третье совещание — по вопросам диалектологии. Диалектологическая координационная комиссия — это самая активная координационная комиссия ОЛЯ АН СССР, так как у них ежегодно бывает несколько региональных и одно всесоюзное совещание.

Товарищи тут предлагали как-то по-особому построить координацию. Мне кажется, дело не в том, кто организует наши совещания, а дело в том, чтобы эта координация действительно существовала, чтобы мы чувствовали в ней необходимость, потребность и чтобы мы делали все возможное для того, чтобы у нас она осуществлялась и помогала нам в общей работе. В этом — главное. Важно, чтобы мы сами все сделали для расширения координации, тогда она окажет существенную помощь в работе. Но я думаю, что не нужно нам менять саму систему.

А вот для проведения совещания по вопросам терминологии и письменности, которое не относится к сегодняшнему вопросу, нужна особая координация. Нужно подобрать место, проявить настойчивость, требовательность, потому что это совещание встречает очень большие препятствия со стороны Отделения языка и литературы АН СССР. Совещание должно было состояться осенью прошлого года, но нам не разрешили проводить его в Москве. Писали в республики, но оказалось, что все перегружены различными совещаниями. Очевидно, такое совещание проведем в марте в Ташкенте. Для координации работы в области терминологии и письменности нужна не координационная комиссия при Академии наук, а должен быть создан представительный орган, наделенный всеми правами и состоящий из представителей всех республик, которые сами взяли бы в руки все это дело и организовали его надлежащим образом. Вот об этом, по-моему, и нужно говорить.

В заключение я хочу от имени всех участников совещания выразить нашу единодушную, глубокую благодарность Казанскому филиалу Академии наук, предоставившему нам возможность собраться здесь, в этом прекрасном конференц-зале Казанского филиала Академии наук, для обсуждения вопросов, имеющих первостепенное значение для развития советской тюркологии.

Особенно хотелось бы поблагодарить Председателя Президиума Казанского филиала Академии наук Александра Ерминингельдовича Арбузова, являющегося виднейшим ученым Советского Союза, крупнейшим советским химиком, который уделил нам свое время и внимание для того, чтобы открыть наше совещание, и не просто открыть, а в своей вступительной речи Александр Ерминингельдович нарисовал нам широкую картину того, какую роль сыграли тюркологи Казани в развитии отечественной тюркологии.

Это была очень полная, яркая картина. Там были названы имена, которые мы или уже позабыли, или не часто вспоминаем. И эту картину нарисовал нам представитель совсем другой науки — вот это интереснее и дороже всего!

Мы также должны выразить свою глубокую благодарность Институту языка и литературы Казанского филиала АН СССР за прекрасную организацию работы и его директору Х. Ф. Хайруллину, который председательствовал на большей части наших заседаний.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

акад. А. Е. АРБУЗОВА

Дорогие товарищи! Ваше совещание по диалектологии тюркских языков закончилось и, как я имел случай убедиться, оно окончилось с большими и ценными результатами.

Товарищи! Человеческая речь представляет собой наиболее ценный дар природы, который отличает человека в длинной цепи эволюции живых существ. Этот дар природы с незапамятных времен может служить двум целям: целям добра и целям зла.

С незапамятных времен у всех народов существуют слова: „мир" и „война". И когда я шел на ваше последнее заседание, мне пришла в голову мысль, что этот ценный дар природы подобен величайшему завоеванию гения человечества — овладению атомной энергией, которая также может служить или целям добра — целям созидания, или целям зла — целям разрушения. Человеческая речь представляет собой не меньшую силу, чем атомная энергия, в этом важнейшем вопросе.

Ваше совещание своими результатами вносит, хотя и небольшую долю, но долю, которая целиком падает на чашу весов мира.

Я выражаю пожелание, чтобы ваша дальнейшая работа служила этим лучшим чаяниям человечества — установлению мира во всем мире!

РЕЗОЛЮЦИЯ

II регионального совещания по вопросам диалектологии тюркских языков

II региональное совещание по вопросам диалектологии тюркских языков, созванное по инициативе Института языкознания АН СССР и Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР совместно с Комиссией по координации диалектологической работы в СССР, состоялось в гор. Казани 11—14 ноября 1958 г.

В работе совещания приняли участие председатель Президиума КФАН СССР академик А. Е. Арбузов, выступивший со вступительным словом, зав. сектором тюркских языков Института языкознания АН СССР, доктор филологических наук Е. И. Убрятова, директор Института языка, литературы и истории КФАН СССР Х. Ф. Хайруллин, ученые-тюркологи Москвы, Ленинграда, Баку, Казани, Тбилиси, Алма-Ата, Ашхабада, Фрунзе, Чебоксар, Уфы, Абакана, Горно-Алтайска, Бухары, Якутска, Нальчика и других городов СССР.

Совещание, в основном, было посвящено четырем проблемам: 1) создания единой фонетической транскрипции для тюркских языков и диалектологической терминологии; 2) создания диалектологических атласов; 3) составления диалектологических словарей и 4) вопросам методики наблюдения над говорами тюркских языков и их практического изучения.

По первому вопросу были заслушаны доклады доктора филологических наук Н. А. Баскакова — „Проект единой фонетической транскрипции для тюркских языков" и доктора филологических наук Е. И. Убрятовой — „Опыт применения русской (и международной) диалектологической терминологии при описании диалектов якутского языка".

По второму вопросу совещание заслушало доклады члена-корреспондента АН Азербайджанской ССР проф. М. Ш. Ширалиева — „Диалектологический атлас азербайджанского языка", доктора филологических наук проф. Л. З. Залялетдинова и кандидата филологических наук Н. Б. Бурановой — „О принципах составления диалектологического атласа татарского языка".

По третьему вопросу совещание заслушало доклады кандидата филологических наук Р. А. Рустамова — „О принципах составления диалектологического словаря азербайджанского языка", кандидата филологических наук Л. Т. Махмутовой — „О принципах составления диалектологического словаря татарского языка", кандидата филологических наук Ш. Ш. Сарыбаева — „Некоторые вопросы составления диалектных словарей казахского языка".

По четвертому вопросу совещание заслушало доклады кандидата филологических наук А. В. Велиева — „Вопросы методики проведе-

ния наблюдений над говорами азербайджанского языка", А. Ш. Афлетунова — „Из методики проведения наблюдений над говорами среднего диалекта татарского языка".

Кроме того, были заслушаны доклады кандидата филологических наук Д. Г. Тумашевой — „Восточный диалект татарского языка и его отношение к литературному языку и к другим диалектам татарского языка" и кандидата филологических наук Г. Х. Ахатова — „Вопросы методики преподавания татарского языка в условиях восточного диалекта".

Особый интерес и оживленную дискуссию вызвали доклады о проекте единой фонетической транскрипции доктора филологических наук Н. А. Баскакова, об унификации терминов по диалектологии доктора филологических наук Е. И. Убрятовой, о восточном диалекте татарского языка кандидата филологических наук Д. Г. Тумашевой и др.

В обсуждении докладов приняли участие: действительный член АН Киргизской ССР И. А. Батманов (Фрунзе), кандидаты филологических наук Л. А. Покровская (Москва), Н. Ф. Доможаков (Хакасия), И. А. Андреев и А. С. Канюкова (Чувашия), М. М. Мирзоев (Узбекистан), А. Х. Соттаев (Кабардино-Балкария), В. Т. Джангидзе (Грузия), Н. Х. Ишбулатов (Башкирия), проф. Л. З. Заляй, кандидаты филологических наук Х. Р. Курбатов и Л. И. Яфаров, Ф. С. Фасеев, А. Б. Булатов, Ф. Х. Хамидуллин, Д. Д. Алмаз, Ш. Ш. Абилов, кандидаты исторических наук Х. Г. Гимади и Г. В. Юсупов (Казань), студентка КГУ Али Недрет и др.

С заключительным словом выступили доктора филологических наук Н. А. Баскаков и Е. И. Убрятова, кандидаты филологических наук Д. Г. Тумашева, Л. Т. Махмутова, Ш. Ш. Сарыбаев.

Подводя итоги совещания, Е. И. Убрятова отметила известные успехи, достигнутые за последние годы в разработке диалектологии тюркских языков (особенно в Азербайджане, Татарии и др.), а также указала на некоторые недостатки организационного характера; она призвала диалектологов повысить теоретический уровень диалектологических работ, усилить фронтальное исследование диалектов и говоров, создавать диалектологические словари и атласы, организовать совместные экспедиции диалектологов различных тюркоязычных республик (в частности, татаро-башкирские, татаро-чувашские, татаро-казахские и т. п.).

Совещание с удовлетворением отметило большие успехи в разработке диалектологии азербайджанского и татарского языков. В Азербайджане изданы такие крупные труды, как „Бакинский диалект азербайджанского языка" М. Ш. Ширалиева (2 издание), „Вопросы диалектологии тюркских языков" (Материалы I регионального совещания, 1956 г.), „Программа по составлению диалектологического атласа азербайджанского языка", защищена диссертация (И. Мамедовым) „Корягинские говоры азербайджанского языка" и др. Участники совещания выражают глубокую благодарность Президиуму АН Азербайджанской ССР за оказание серьезной помощи языковедам-диалектологам в их работе, за издание материалов первого регионального совещания, и, особенно, за инициативу организации ежегодного регионального совещания по вопросам диалектологии тюркских языков в г. Баку.

Диалектологи Татарии, несмотря на их малочисленность и отсутствие самостоятельного сектора, проделали также большую работу. Ими уже издано три выпуска диалектологического словаря, составлена программа и ведется интенсивная работа по составлению диалектологического атласа татарского языка; издан сборник материалов по татарской и русской диалектологии; одновременно с этим

они вели большую работу и в области истории языка и лексикографии. Г. Х. Ахатовым издана книга „Некоторые вопросы методики преподавания татарского языка в условиях восточного диалекта".

Участники II регионального совещания выражают глубокую благодарность Казанскому филиалу АН СССР и его председателю академику А. Е. Арбузову за образцовую организацию и проведение данного II регионального совещания по диалектологии тюркских языков.

Совещание отметило также значительные успехи, достигнутые диалектологами Казахстана, Узбекистана, Киргизии и Туркмении.

В Казахстане, например, издан диалектологический словарь казахского языка, сборник „Вопросы истории и диалектологии казахского языка" (вып. I), „Вопросник по составлению диалектологических особенностей" (вып. I) и др.

В Узбекской ССР изданы „Материалы по узбекской диалектологии" и ряд статей.

В Киргизии изданы монографии: „Ошские говоры киргизского языка" Г. Бакиновой, „Чаткальский говор киргизского языка" Э. Абдулдаева, „Джалал-Абадские говоры киргизского языка" (коллектив авторов) и др.

Туркменские диалектологи издали несколько статей о лексических и фонетических особенностях говоров и диалектов туркменского языка.

За последние годы оживилась диалектологическая работа в Чувашии и Башкирии. Чувашскими диалектологами подготовлены „Диалектологический сборник чувашского языка", отдельные статьи о говорах и диалектах чувашского языка. Напечатаны статьи башкирских диалектологов (напр., Дж. Г. Киекбаева „Некоторые вопросы истории башкирских диалектов" и др.).

Наряду с достигнутыми успехами в области диалектологии тюркских языков все еще имеются значительные недостатки, мешающие этой науке быть на уровне современных требований советского языкознания.

До сих пор не решен вопрос о систематической организации и проведении комплексных экспедиций совместными усилиями диалектологов тюркоязычных республик. Ежегодно организуемые экспедиции по республикам и областям зачастую недостаточно обеспечиваются снаряжением, транспортом и финансами.

На местах диалектологи встречают препятствия со стороны издательств при издании диссертаций и отдельных работ по диалектам и говорам. Так, например, в течение 3 лет не издана монография коллектива авторов по нахичеваньской группе диалектов и говоров азербайджанского языка; в течение нескольких лет не может издать свою монографию „Средний диалект татарского языка" доктор филологических наук Л. З. Заляй; в Башкирии до сих пор не вышли в свет диссертации по диалектологии, защищенные несколько лет тому назад. Не лучше обстоит дело с изданием работ в Чувашии, Хакасии и в других республиках и областях. Очень медленно идет фронтальное изучение диалектов, между тем, некоторые диалекты уже исчезают.

Недостаточно применяется сравнительно-исторический метод в изучении диалектов ряда тюркских языков.

Имеются значительные пробелы в изучении диалектов карачаевского, балкарского и караимского языков.

Диалектологи тюркоязычных республик нуждаются в более глубоком обсуждении многих теоретических вопросов в этой области.

В результате своей работы Второе региональное совещание по диалектологии тюркских языков принимает следующие решения.

1. Признать необходимым дальнейшее усиление и укрепление связей между диалектологами — специалистами по разным тюркским языкам. С этой целью практиковать проведение совместных диалектологических экспедиций (например, татаро-башкирских, татаро-чуважских, татаро-казахских и т. д.), совместное обсуждение вопросов о границах распространения диалектов того или иного языка, публиковать в печати соседних республик и областей статьи и материалы по диалектам и говорам.

2. Еще интенсивнее продолжать обмен опытом работы, усилить координацию диалектологических работ и проводить более глубокое обсуждение теоретических вопросов тюркской диалектологии.

3. Признать насущно необходимым и своевременным принятие единой фонетической транскрипции для диалектологов—специалистов по тюркским языкам. На предстоящем региональном совещании обсудить и окончательно принять единую фонетическую транскрипцию. Просить Институт языкознания АН СССР размножить проект транскрипции доктора филологических наук Н. А. Баскакова и разослать его местным диалектологам для практического применения. Просить диалектологов проверить данный проект транскрипции в полевых условиях и сообщить о своих замечаниях в Институт языкознания АН СССР.

4. Просить Институт языкознания АН СССР подготовить и разослать на места проект единого словника диалектологических терминов для составления словаря применительно к тюркским языкам Советского Союза.

5. Рекомендовать научным учреждениям тюркоязычных республик ускорить работу по составлению и изданию диалектных словарей и атласов.

6. Продолжить работу семинара по общим и специальным вопросам диалектологии.

7. Просить Президиум АН СССР обратиться к Президиуму АН Азербайджанской ССР с предложением о создании непериодического ежегодного издания „Вопросы диалектологии тюркских языков“ в гор. Баку.

8. Второе региональное совещание по диалектологии тюркских языков с сожалением отмечает, что до сих пор не претворены в жизнь следующие пункты решения предыдущего, регионального совещания:

п. 5 — О создании фонетических лабораторий в АН Азербайджанской и Узбекской ССР, а также в Казанском филиале АН СССР.

п. 7 — Об организации сектора диалектологии в Казанском филиале АН СССР и увеличении штата работников по диалектологии в Чувашском и Хакасском научно-исследовательских институтах.

Между тем, необходимость создания самостоятельного сектора диалектологии в Казанском филиале АН СССР вызывается не только обширностью объекта изучения (5—6-миллионное татарское население разбросано по всей территории Союза ССР), но и тем, что диалектологам Казанского филиала АН СССР предстоит и работа по составлению VII тома диалектологического атласа русского языка.

п. 8. — О проведении совместных экспедиций силами научных учреждений различных тюркоязычных республик.

9. Необходимо в ближайшее время организовать сектор диалектологии в Башкирском филиале АН СССР, в Чувашском, Хакасском и Горно-Алтайском научно-исследовательских институтах.

10. Совещание с признательностью принимает приглашение Президента АН Азербайджанской ССР созвать III региональное совещание по вопросам диалектологии тюркских языков с участием

зарубежных тюркологов-диалектологов (Рясянена, Немета, Зайончковского), монголистов (Лигети и др.), ученых из Китая в гор. Баку в 1960 году.

11. В повестку дня III регионального совещания включить следующие вопросы:

а) сравнительно-исторический метод в изучении диалектов тюркских языков;

б) вопрос о диалектном членении языка (на материале тюркских языков);

в) обсуждение диалектологического атласа узбекского языка;

г) обсуждение диалектологических словарей татарского и казахского языков;

д) обсуждение программы диалектологических атласов азербайджанского и татарского языков;

е) сообщение о принципах составления киргизского диалектологического словаря;

ж) информация с мест (о состоянии диалектологической работы в Поволжье, Башкирии, Алтае и Сев. Кавказе).

12. Совещание просит Институт языкознания АН СССР оказать соответствующую помощь специалистам, изучающим говоры и диалекты балкарского, караимского и других языков, особенно в издании трудов по этим языкам.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Вступительное слово Председателя Президиума Казанского филиала АН СССР академика А. Е. Арбузова 5

ДОКЛАДЫ

Баскаков Н. А. О проекте фонетической транскрипции для тюркских языков 8
Убрятова Е. И. Опыт применения русской (и международной) диалектологической терминологии при описании диалектов якутского языка 32
Тумашева Д. Г. Восточный диалект татарского языка и его отношение к татарскому литературному языку и другим его диалектам 45
Ширалиев М. Ш. Диалектологический атлас азербайджанского языка. 53
Бурганова Н. Б., Заляй Л. З. О принципах составления диалектологического атласа татарского языка 59
Рустамов Р. А. О принципах составления диалектологического словаря азербайджанского языка 64
Сарыбаев Ш. Ш. Некоторые вопросы составления диалектных словарей казахского языка 71
Махмутова Л. Т. О принципах составления татарского диалектологического словаря 78
Велиев А. Г. Вопросы методики проведения наблюдений над говорами тюркских языков 86
Афлетунов А. Ш. Из методики проведения наблюдений над говорами среднего диалекта татарского языка 96
Ахатов Г. Х. Некоторые особенности преподавания родного языка в условиях восточного диалекта татарского языка 101

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Ахатов Г. Х. 106
Батманов И. А. 112
Булатов А. Б. 115
Заляй Л. З. 116
Баскаков Н. А. 118
Гимади Х. Г. 120
Канюкова А. С. 124
Дарбеева А. А. 126
Соттаев А. Х. 129
Хамидуллин Ф. Х. . . . 135
Андреев И. А. 137
Курбатов Х. Р. 140
Покровская Л. А. . . . 143
Мирзоев М. М. 146
Джангидзе В. Т. 150
Фасеев Ф. С. 152
Доможаков Н. Г. 156
Яфаров Л. И. 159
Недрет Али 161
Алмаз Дж. 163
Ишбулатов Н. Х. 165
Юсупов Г. В. 169
Абилов Ш. Ш. 174
Никольский Н. В. . . . 178

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ДОКЛАДЧИКОВ

Тумашева Д. Г. 179
Махмутова Л. Т. 182
Сарыбаев Ш. Ш. 184
Баскаков Н. А. 185
Убрятова Е. И. 189
Заключительное слово акад. А. Е. Арбузова 198
Резолюция 199

Подписано к печати 26/X-1960 г. ПФ 07161. Формат бумаги 70×108 1/16.
Печатн. листов 12,75. Кол. знаков в 1 листе 68100. Заказ № А-336.
Тираж 700.

Типография Татполиграфа Министерства культуры ТАССР.
Казань, ул. Миславского, д. № 9.